

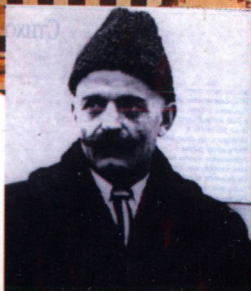
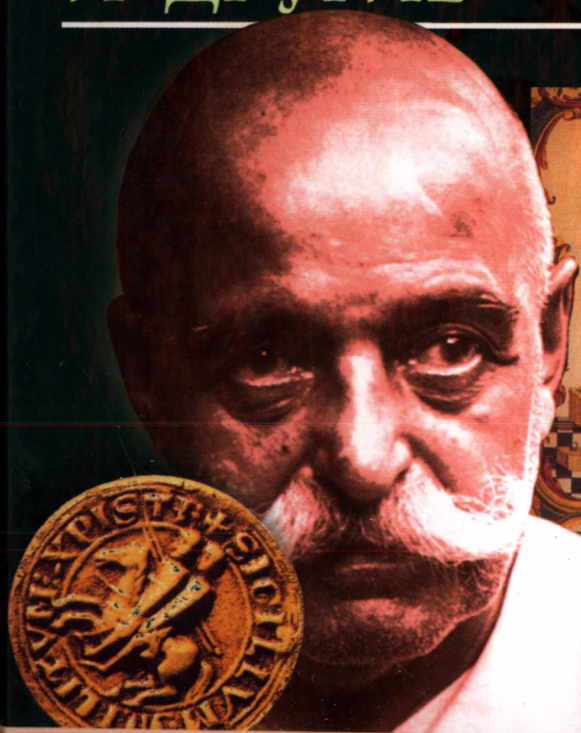
СУМЕРКИ
МАГОВ

ГЕОРГИЙ ГУРДЖИЕВ
И ДРУГИЕ

Олег
Шишкин

Олег
Шишкин
СУМЕРКИ
МАГОВ

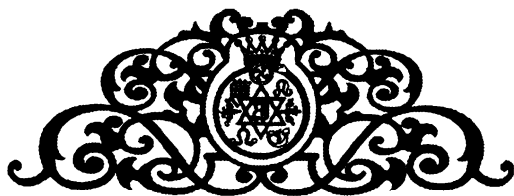
ГЕОРГИЙ ГУРДЖИЕВ
И ДРУГИЕ

ГЕНИИ И ЗЛОДЕИ

ГЕНИИ И ЗЛОДЕИ

Олег
Шишкин

СУМЕРКИ
МАГОВ

ГЕОРГИЙ ГУРДЖИЕВ
И ДРУГИЕ

Москва
«ЭКСМО»
«Яуза»
2005

Оформление серии художника
С. Груздева

Шишкин О.

Ш65 Сумерки магов. Георгий Гурджиев и другие. —
М.: Яуза, Эксмо, 2005. — 352 с. — (Гении и злодеи).
ISBN 5-699-12864-6

В новой книге московского историка Олега Шишкина раскрываются неизвестные страницы биографии одного из самых таинственных персонажей XX века — мистика и оккультиста Г.И. Гурджиева. Автор рассказывает о контактах Гурджиева с адептами тайных обществ, действовавших в Российской империи, Советской России и нацистской Германии. Среди действующих лиц этой книги Иосиф Сталин, Адольф Гитлер и Уинстон Черчилль.

ББК 66.3(2Рос)8

Автор выражает благодарность Сергею Москалеву за некоторые уточнения и предложения. А также благодарит Александра Ивановича Андреева за консультации и указания важных моментов.

Предисловие

•

Первый гуру

«Любая молитва может быть услышана в том случае, если она произнесена трижды...»

*Гурджиев Г.И.
«Рассказы Вельзевула
своему сыну»*

1

Есть личности, чьи судьбы окружены непроницаемым ореолом таинственности и фантастическими легендами. Порой кажется, что даже сама такая судьба невозможна. В ней присутствуют исключительно неправдоподобные повороты сюжета, прорвавшиеся в жизнь из романов Яна Потоцкого, что-то вроде «Рукописи, найденной в Сарагосе». Но между тем такие судьбы бывали. Особенно в России конца XIX — начала XX веков. История жизни Георгия Ивановича Гурджиева из их числа.

Сам он не раз упоминал о легендах, окружающих его образ. «Утверждают, например, что я по-

лучаю деньги от какого-то оккультного центра в Индии, — говорил о себе этот человек, — что институт поддерживается организацией черной магии или содержится легендарным грузинским князем Кукранским; что я владею тайной философского камня и могу сделать так много денег, сколько я пожелаю, алхимическим процессом, или даже, как в последнее время многие говорят, что меня капиталами снабжают большевики, и еще многое в том же роде

И, действительно, даже ближайшие ко мне люди не знают до сих пор, откуда приходят деньги для колоссальных расходов, которые я нес многие годы»¹.

Петр Успенский, один из последователей Гурджиева и сам создатель новой весьма рафинированной мистики, припоминая первую встречу с ним, поражался тому, как тот «производил впечатление переодетого человека, совершенно не соответствующего этому месту и его атмосфере»². А Альфред Орейдж, издатель журнала «Нью Эйдж», называл его «современным пифагорейцем».

Авторы когда-то культовой книги «Утро магов» Повель и Бержье посвятили Георгию Ивановичу немало строк в своем сильно мистифицированном сочинении. «Как известно, — писали французы, — этот знаменитый тавматург утверждал, что узнал в восточных центрах посвященных некоторые тайны, касающиеся происхождения нашего

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 228.

² Успенский П.Д. В поисках чудесного. СПб., 1992. С. 9.

мира и высоких цивилизаций, погибших сотню тысяч лет назад»¹.

Носитель этих тайн казался особого рода существом — восточным магом, кудесником, дервишем, к братствам которых он, возможно, и принадлежал.

Возможно... В его жизни было очень много «возможно» и «может быть». Поэтому меня и увлекла идея выяснить хоть что-то точно. Особенно из русской жизни Гурджиева, наиболее закрытой и весьма мистифицированной.

Питер Вашингтон, автор книги «Бабуин мадам Блаватской», даже писал: «Первые сорок лет жизни Гурджиева скрыты во мраке неизвестности и загадочности, которые он рад был сгустить при каждом удобном случае. Подобно вождям теософии Блаватской или Ледбитеру, он обладал даром рассказчика, и ничто не давало такой превосходной возможности его проявить, как наличие белых пятен в его собственной жизни»².

Бывший ученик Бекхофер, порвавший с гуру, тем не менее писал о нем не без почтения: «Из всех мистиков, которые оказали значительное влияние на Европу в последние десять-двенадцать лет, особенно в самое последнее время, ни один, по-видимому, не вызывал такого интереса, как Георгий Иванович Гурджиев, основатель «Института гармоничного развития человека» в Фонтенбло, вблизи Парижа. Я делаю исключение для Распутина, ибо его мистицизм был несколько осо-

¹ Повесть Л., Бержье Ж. Утро магов. Киев, 1994. С. 289.

² Вашингтон П. Бабуин мадам Блаватской. М., 1998. С. 200—201.

бой природы и своей известностью он был обязан скорее политическому, чем духовному влиянию»¹.

Напротив, французский мистик Рене Генон считал, что Гурджиев профанирует высокие истины восточного мистицизма и что, только услышав имя Георгия Ивановича, следует немедленно бежать в противоположную сторону. С другой стороны, и такой мистагог, как Николай Рерих, когда его спрашивали о Гурджиеве, что так чудно и красиво его ученики танцевали, отвечал: «Носад Клингзора тоже был прекрасен (злого кудесника из «Парсифаля»)»².

Мой знакомый парижский фотограф Георгий Пинхасов, узнав, что я пишу о Георгии Ивановиче книгу, сказал: «Гурджиев... О да, этот человек был первым гуру. Именно гуру, каких впоследствии появилось очень много».

Он был абсолютно прав. Это уже потом стали объявляться различные мессии типа Свами Прабхупады, Ошо и Хаббарда (последний даже одолжил у Гурджиева часть терминологии). Но реальным праотцом мессий XX века был, конечно, Георгий Иванович.

Удачливая его биография случилась еще и благодаря тому, что вокруг мудреца всегда роились самые странные, самые «замечательные» люди, имена которых он часто зашифровывал в своих многочисленных рукописях. Они то открывали ему секреты законспирированных братств, то могли поведать об удаленных монастырях, сохраняющих учения седой древней науки в ее изна-

¹ Повесть Л. Гурджиев. М., 1998. С. 130—131.

² Фосдик З. Мои учителя. М., 1998. С. 229.

чальном смысле, то были проводниками к последним прибежищам сакральной тайны, доживавшей свой век среди пустынных нагорий Азии.

Первый гуру отличался склонностью к конспирации, но о своей судьбе он, хотя и путано, все же поведал миру в книге «Встречи с замечательными людьми», похожей на сказки «1001 ночи». По словам искателя истины, его заносило в экзотические страны Востока, где путешественник встречался с представителями тайных обществ, укрывшихся в далеких цитаделях. Но времена пребывания в них неточны или намеренно скрыты, географические приметы нарочито туманны. Автор как будто боялся чего-то или кого-то, опасался за чью-то жизнь. Иначе не объяснить многочисленные конспираторские ходы.

Тому может быть в оправдание само время написания «Встреч с замечательными людьми». Оно пришлось на эпоху Сталина, когда случайно оброненная фраза, даже в парижском или нью-йоркском издании, могла отозваться в судьбе старого и доброго знакомого в далеких Москве, Ленинграде или даже в городах Средней Азии и Кавказа.

По странной нелепой случайности, основываясь лишь на некотором созвучии имен, ряд исследователей, а именно Джеймс Мур в своей книге «Гурджиев: биография, анатомия мифа», Джеймс Вебб в книге «Гармонический круг» и Джон Беннет в «Истории поиска» определяли Гурджиева как советника Далай-ламы XIII.

Гурджиев действительно в Тибете бывал, но в той его, почти безлюдной, части, которая находи-

лась за сотни километров от Лхасы и смыкалась с великими пустынями Западного Китая.

Склонный к эксцентризму и эскападам, Гурджиев не стремился при жизни опровергать слухи или сплетни и, возможно, даже к путанице относился терпимо. Он обрастал легендами, как обрастает моллюсками коралловый риф. Он проповедовал странное учение, посвящение в которое якобы получил в отрогах Памира, Гиндукуша и Гималаев от загадочных бродячих дервишей Азии и таинственных членов «Мирового братства». Он во многом жил тем, что говорил о себе.

Но при всей предприимчивости Георгию Ивановичу не удалось из своего общества-коммуны сделать классическую религиозную секту, как, скажем, Рону Хаббарду, Муну или Сека Асахаре.

Возможно, Георгий Иванович и не ставил перед собой такой задачи. Хотя, безусловно, многие его идеи сильно повлияли на философию Нью Эйдж.

2

С другой стороны, Гурджиев не только гуру для поверивших в него русских и английских интеллектуалов. Он еще и вызывал подозрения в том, что выступал чуть ли не наставником для некоторых высших коммунистических иерархов СССР. Время от времени об этом всплывали разнообразные слухи, которые, как мы увидим в дальнейшем, были отнюдь не беспочвенны.

Возможно, Георгий Иванович сам стремился к контактам с сильными мира сего, возможно, это были прихоти русской истории, а может быть, человек, отправившийся на поиски чудесного, был

волей-неволей обречен на встречи с вождями наций, секретными службами разных стран и тайными обществами выдвигенцев политической элиты.

Моя книга обо всем этом. Она представляет собой особый жанр — развернутый комментарий и к судьбе, и к автобиографии Гурджиева, запечатленной в книгах «Встречи с замечательными людьми», «Жизнь реальна только тогда, когда «Я есть», и некоторым другим биографическим и псевдобιοграфическим сочинениям, посвященным этому искателю таинственных стран и, смею предположить, Шамбалы.

Луи Повель, описывая литературную деятельность Георгия Ивановича и его планы на начало 30-х годов XX века, сообщал: «Предполагалось издание трех серий под общим заголовком «Все и вся». Первая из них должна была называться «Объективная и беспристрастная критика человеческой жизни»; вот некоторые из ее тем: «Происхождение и развитие Луны», «Относительность понятия о времени», «Гипнотизм». Вторая должна была называться «Встречи с замечательными людьми», третья — «Жизнь истинна, если «Я» существует»...

Только три первых тома первой серии поступят в свободную продажу. Материал, содержащийся во второй, «будет распространяться в виде лекций, доступных для тех, кто уже достаточно овладел первой серией. Доступ к третьей серии возможен только тем, кто целиком подчиняется указаниям, изложенным в предыдущих произведениях»¹.

¹ Повель Л. Месье Гурджиев. М., 1998. С. 46.

Таким образом, моя книга в некотором роде комментарий к самым закрытым историям из жизни Гурджиева и его ранних друзей и ранних учеников.

3

Сама личность Гурджиева неразрывна с некоторыми вопросами, волновавшими людей ищущих и стремящихся понять единую тайну нашего мира. Поэтому мне показалось любопытным, если под одной обложкой встретятся разные люди, встретятся разные драматические истории, будут низвергнуты (к сожалению) некоторые живучие мифы и рассказаны (к счастью) совершенно новые, почти фантастические истории.

Вторая часть этого исследования и посвящена вопросам, появлявшимся в книгах, долгие годы бывших актуальными на столах моих друзей и знакомых и, кстати, так и или иначе связанных с Гурджиевым. Мне хотелось проникнуть за завесу таинственности и установить, что же есть в них истинного, а что только миф, отблеск красивой легенды. Поиск приводил меня в самые разные архивные и географические пространства.

Отправляясь на поиски Шамбалы или ее привратников, заглядывая в секретные досье и прислушиваясь к давним разговорам, хотелось уловить аромат другого пространства, в котором есть возможные чудеса, летающие блюдца НЛО и непреодолимая тяга к поиску чудесного, свойственная высокой человеческой натуре.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

Глава 1

•

В поисках истины

1

Начиная рассказ о жизни Гурджиева, мы волей-неволей должны обратиться к его детству. Это была пора рождения высоких мифов и идей, которые неизбежно станут потом двигателем судьбы. А судьбы, как известно, закладываются в семье.

Отца Георгия Ивановича Гурджиева звали Иоанн Георгиадес. Он зарабатывал на жизнь плотницким делом и иногда исполнял песни собственного сочинения. Хотя когда-то, до падежа своего стада, слыл одним из богатых людей в Карсе, маленьком городке на юге Российской империи, у самой границы с Турцией.

Воспевая значение Карса, Ардагана и Батума, филолог Марр напоминал в 1922 году: «Край стал твердынею греческого православия: сюда спасались все преданные греко-православию христиане, преследовавшиеся на востоке — монофизитами и местными староверами, на западе и востоке — иконоборцами, в числе их и армяне-халкедониты»¹.

¹ *Марр Н.* Батум, Карс, Ардаган. П., 1922. С. 44.

Но своеобразие Карса и соседних с ним армянских территорий состояло в том, что здесь жили и те самые еретические учения и тайные мусульманские тарикаты дервишей, страсть к которым с таким рвением проявится в Георгии Ивановиче в развитии его судьбы.

Из Карса Георгиадесы уехали после мора отцовского стада и последовавшего за ним денежного краха. Мать Гурджиева, по некоторым сведениям, была армянка, чем и объясняется наличие у него армянских родственников.

Рождение будущего гуру состоялось в Александрополе 28 декабря 1878 года. Однако тут наблюдается некоторая растерянность перед цифрами. Так, в одном из его паспортов был указан 1866 год, а в официальных изданиях Библиотеки Конгресса США присутствуют следующие даты жизни: 1872—1949.

Семью «искателя истины» весьма точно описал Петр Успенский. Отца и мать он называл людьми старой и очень своеобразной культуры. «Отец Гурджиева был любителем местных сказок, легенд и преданий, кем-то вроде «сказителя», и знал наизусть тысячи и тысячи стихов на местных языках. Они были малоазиатскими греками, но у них дома, как и у всех жителей Александрополя, говорили по-армянски»¹.

Георгий был в семье старшим ребенком. У него имелись брат и сестра, а кроме того, и бабушка.

¹ Успенский П.Д. В поисках чудесного. СПб., 1992. С. 389.

Вспоминая семью и различные перипетии, связанные с родословной, Гурджиев писал: «Мой отец происходил из греческой семьи, предки которой эмигрировали из Византии, покинув свою страну, чтобы спастись от преследования турками после завоевания ими Константинополя. Сначала семья поселилась в центральной части Анатолии, но позже, по некоторым причинам, среди которых был поиск более подходящих климатических условий и лучших пастбищ для стад домашнего скота, составлявших часть огромных богатств моих предков, они двинулись к восточным берегам Черного моря, в окрестности города, теперь называемого Пюмюхшане. Еще позже, незадолго до последней большой русско-турецкой войны, из-за гонений они переехали в Грузию. В Грузии мой отец отделился от своих братьев и переехал в Армению, поселившись в Александрополе, который прежде, при турках, назывался Гурми»¹.

Гурми — сегодня Гюмри, в советское время Ленинакан.

Запутанная родословная нашего героя весьма интересна, и волей неволей возникает вопрос: а каким, собственно, греком он был? Вопрос для непосвященных может показаться странным, однако так уж исторически сложилось, что на территории Османской империи жили особые греки.

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 43.

И часть из них, к которым принадлежал Гурджиев, называла себя каппадокийскими греками — по имени провинции, откуда и были родом. Целые столетия они проживали в среде, где большинство местного населения составляли не только турки, но и армяне, которые по своей религии были весьма им близки. Доходило до некоторых странностей. Например, в ту эпоху часть каппадокийцев по-прежнему говорила на греческом языке, однако в качестве алфавита использовала армянские буквы, которыми записывались греческие слова.

После 1918 года, когда произошла греко-турецкая война, большая часть греческого населения и в первую очередь каппадокийцы переселились на острова Эгейского моря.

В Александрополе, надо сказать, существовала особая часть города — греческий квартал. Описывая один из эпизодов своей биографии, Гурджиев вспоминает: «И поэтому на Пасху того года я отправился, как обычно, в Александрополь, находившийся примерно в шестидесяти милях от Карса. Останавливался я всегда в семье моего дяди, к которому был сильно привязан и чьим любимцем являлся всегда»¹.

Этим человеком, как утверждает Гурджиев, был Георгий Меркулов. В действительности фамилия этого человека писалась немного иначе: Мерку-

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 62.

ров. В греческой части этого города, по воспоминаниям Георгия Ивановича, «прежде жили его родители»¹.

Вообще-то странная это была семья и странный клан Георгиадесов-Меркури. К нему принадлежал и еще один человек, имя которого потом в СССР было весьма известно. Во времена детства Гурджиева они уже были знакомы и круг их интересов был весьма близок. Звали этого человека Сергей Дмитриевич Меркуров. Но о нем речь пойдет в отдельной главе.

В 1888 году «первый дворянин страны» царь Александр III совершил ознакомительную поездку на Кавказ. Это происходило буквально через десять лет после Русско-турецкой войны, после которой к территории империи были присоединены новые земли. И хотя маршрут царского поезда, под которым подразумевалась собственно колонна из комфортабельных карет, проходил и по Северному Кавказу, и по Дагестану, особое внимание царя приковывали бывшие турецкие территории. Александр III приехал и в Александрополь, где во время войны находился штаб начальника Отдельного кавказского корпуса Михаила Лорис-Меликова.

Но вот что удивительно: царь попросил, чтобы к нему в карету был приглашен старший в семье Меркуровых. Когда встреча монарха и гостя со-

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 66.

стоялась, царь обнял гостя и сказал: «Я рад приветствовать представителя семьи Палеологов!»¹. Потом старший Меркуров, вспоминая этот момент, от умиления плакал.

Семья Меркуровых и Георгиадесов вела свой род от легендарных монархов Византии. К нему принадлежала и мать Ивана Грозного — Софья Палеолог. Вот почему русскому монарху было важно засвидетельствовать свое уважение знатному семейству, тихо угасавшему в провинциальной глубинке на южной окраине империи. Принадлежность к последнему императорскому роду — одна из действительных тайн Гурджиева, на которую он, однако, намекал, вспоминая о своих константинопольских корнях.

Интересно и то, что его отец был своего рода носитель преданий, сказитель, знавший многочисленные древние мифы. Он исполнял их в виде песен. Так, уже в детстве Гурджиев слышал от родителя сказания о Гильгамеше.

Сегодняшняя наука датирует время написания этого в действительности шумерского эпоса III тысячелетием до новой эры, хотя устная традиция его создания относится к XXIII—XXII векам до новой эры.

Сам Гурджиев, уже значительно позднее, в одном из научных изданий обнаружив публикацию

¹ Воспоминания цитируются по макету книги «Сергей Дмитриевич Меркуров», хранящемуся в семье художника. Книга, к сожалению, так и не была издана в 1991 году. С. 280.

сказания о Гильгамеше, был потрясен, узнав, что рождение мифа относится к седой древности.

Надо сказать, что в Европе сказание о шумерском герое стало известно благодаря открытию хранителя ассирийских табличек из Британского музея Джорджа Смита, сумевшего прочесть до того момента еще не понятный текст.

Устная история о Гильгамеше, рассказанная Гурджиеву отцом, кажется мистификацией, но, возможно, в этом случае мы имеем дело с устной традицией, еще сохранявшейся в Передней Азии в конце XIX века. По крайней мере, такой ученый, как Лев Гумилев, был убежден: «...мы, современные люди, утратили связь с людьми далекого прошлого. Поэтому то, что с таким трудом ими сохранялось и передавалось из поколения в поколение на протяжении тысячелетий, нам кажется сейчас непонятным»¹.

2

Александрополь времен детства — это для Гурджиева место, где пересекаются совершенно различные, порой противоречащие друг другу миры.

По дорогам этого городка бродили предсказатели судеб, армейские офицеры устраивали спиритические сеансы. В Александрополе Гурджиев впервые увидел, как впадали в каталепсию кур-

¹ Цит. по: Кузнецов Б. Тибетика. СПб., 2003. С. 118.

ды-огнепоклонники, стоило только прочертить вокруг них меловой круг. Здесь оживали трупы азербайджанцев, которым родственники в ужасе перерезали горло прямо на пороге родного дома, в который они рвались. Таков был чудесный град, где сходились пути армянских монахов и греческих священников, странных курдских жрецов-огнепоклонников и дервишей. Все они внесли свою лепту в портрет Георгия Ивановича, впервые открывшего на улицах Александрополя «древнюю науку».

Сам этот термин, несомненно, был найден им позднее в сочинениях французского мистика Папюса, посвященных оккультизму. Собственно рассуждению о ней и ее несомненных следах посвящена первая глава книги французского автора.

«На вопросы, где можно найти следы этой мнимой древней науки, — писал этот мистик, — какими обладала она познаниями, какие сделала открытия и как применяла синтез, можно ответить, что для восстановления древней науки материалов имеется достаточно.

Остатки древних монументов, обряды посвящения в таинства, символы, иероглифы и рукописи, все в изобилии предоставляется в помощь изыскателю. Но дело в том, что одни из них непонятны без ключа, которого никто не старался найти...»¹

¹ *Папюс. Оккультизм. Первоначальные сведения.* Киев, 1993. С. 25.

Из книги «Встречи с замечательными людьми» явствует, что для Гурджиева источником первых сведений о существовании древней науки был его отец. В мемуарах он предстает носителем этого легендарного знания. Гурджиев писал: «Была другая легенда. Услышанная мною от моего отца, она снова приобрела для меня совершенно особое значение. В этой легенде говорилось, также в стихах, что давным-давно, за семьдесят поколений до последнего потопа (а поколение принималось за сто лет), когда там, где была вода, теперь суша, а где суша — теперь вода, существовала на земле великая цивилизация, центром которой был остров Ханин. Как я выяснил из других источников, остров Ханин был приблизительно там, где теперь расположена Греция»¹.

Отец будто бы верил в существование адептов, сохранивших древнее знание. Вообще эта розенкрейцеровская легенда не раз возникает на страницах популярных и специфических европейских изданий. Сент Ив Д'Альвейдер, Фабр Д'Оливе, Эдвард Шюре и, конечно же, Папюс приблизительно одинаково излагают историю о том, что мудрецы и носители знания Атлантиды укрылись во время потопа в высокогорных пещерах. Этим якобы и объясняется то, что только в горах имеются хранилища древнего знания, сосредоточенные там эзотерическими тайными обществами.

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 40.

В Александрополе же сам ландшафт был связан с мифом о потопе. Побывавший в городе Петр Успенский вспоминал: «Армянская часть города по внешнему виду напоминает города в Египте или Северной Индии. Дома с плоскими крышами, на которых растет трава. Древнее армянское кладбище, расположенное на холме, откуда можно было видеть покрытую снегом вершину Араарата»¹.

Араарат, как следовало из библейской Книги Бытия, стал последней пристанью великого потопа. На эту гору высадился патриарх Ной, спаситель человечества. Позднее Гурджиев раскроет Успенскому смысл древнего мифа в плоскости совершенно необычной.

«Я всегда считал, — говорил Успенский, — миф о Ноевом ковчеге эзотерической аллегорией. Теперь же многие члены нашего сообщества начали понимать, что этот миф не просто является аллегорическим выражением общих идей эзотеризма, но он представляет собой план любой эзотерической работы, включая нашу. Сама система была «ковчегом», в котором мы надеялись спастись во время „потопа“»².

Светочем древней науки для отца Гурджиева было Имастунское братство, сохранившееся в горах островной Греции.

«Имастунские братья, — писал Георгий Иванович, — были образованными людьми и среди

¹ Успенский П.Д. В поисках чудесного. СПб., 1992. С. 390.

² Там же. С. 363.

других предметов изучали астрологию. Как раз перед потопом они рассеялись по всей земле с целью наблюдения небесных явлений из разных мест. Но каким бы большим ни было расстояние между ними, они поддерживали связь между собой и сообщали обо всем в центр посредством телепатии. Для этого они использовали пифий, служивших им воспринимающими аппаратами. Эти пифии, впадая в транс, принимали и записывали все, что передавали им из различных мест имастуны»¹.

Все, что говорил отец, если он действительно это говорил и его речи не являются мистификацией самого Георгия Ивановича, в целом совпадало с легендами, распространенными среди розенкрейцеров и мистиков из ордена Мемфис-Мизраим.

Толчком к поискам мировых центров древней науки, как утверждает Гурджиев, послужило чтение старинных армянских книг с его другом Тер-Погосяном. Страсть к поискам тайного знания древности подтолкнула обоих начать раскопки на месте развалов одной из древних армянских столиц — Ани. Она располагалась ровно на полпути между Александрополем и Карсом.

«Ани стала столицей царей Армении в правление династии Багратидов в 926 году. Город был захвачен византийским императором в 1046 году и в то время уже назывался «Город тысячи церк-

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 40.

вей». Позже он был завоеван турками-сельджуками; между 1125 и 1209 годами его пять раз захватывали грузины; в 1239 году он был захвачен монголами и в 1313 году полностью разрушен землетрясением» — так рассказывал Гурджиев историю развалин.

Указывая дату падения Ани, Гурджиев ошибается лишь на год. Византийские летописцы указывали 1045-й, а не 1046 год. Скажем, Георгий Иванович почти точен.

Гурджиев называет Ани «Городом тысячи и одной церкви». Это определение выдает в нем выпускника тифлисской семинарии. Действительно, такое число храмов в этом древнем городе приводит византийский летописец Матфей Эдесский.

Во времена отрочества нашего героя в Ани уже состоялись первые раскопки. В 1892—1893 годах их проводил археолог и языковед Николай Марр. Причем свои исследования он начал с раскопок в Александрополе, а затем перебрался в Ани. Естественно, в небольшом провинциальном городе такого рода событие всегда было в центре внимания. Видимо, поэтому двоих друзей — Георгиадиса и Тер-Погосяна и увлекла идея самим сделать открытие.

Так, исследуя замысловатый подземный ход, искатели наткнулись на келью, где обнаружили остатки старинных рукописей на древнеармянском языке. Одна из них была частным письмом монаха некоему отцу Арему. В послании говорилось о существовании адептов древнего знания.

Вот кусок этого обнаруженного Гурджиевым «документа»: «Наш достопочтенный отец Тельвант весьма преуспел в изучении истины о братстве Сармунг. Их энрос¹ в настоящее время действительно существует близ города Синаруш. Туда они переселились пятьдесят лет назад. А до этого жили в долине Изрумин в трех днях пути от Нивеси...»²

Данное послание представляется поэтической мистификацией. Хотя, видимо, впоследствии Гурджиев уверовал в собственное детище или, что скорее всего ближе к истине, он скрыл первичный толчок своих поисков и ограничился лишь самодельной легендой о тайной рукописи, похожей на сочинения тондракитов, павликиан или несторианцев, приверженцев различных еретических течений, которых было много в эпоху раннего Средневековья именно в Армении.

Интересно другое: для оправдания поисков истины не требовалось никаких оправданий, сам воздух Александрополя и Ани был магическим снадобьем, заставлявшим искать древнее знание. Сама жизнь наводила на мысль о существовании великого прошлого, достойного удивления и восхищения. И, значит, следовало брать котомку и отмерять шагами взгорья Армении, держась восточной стороны, ибо там жили другие люди с их тайными науками.

¹ Энрос — религиозная община.

² Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 88.

Куда уходит знание, где оно прячется и почему оно не может быть общедоступным? — эти вопросы волновали молодого человека, торопившегося на поиски ускользающей истины. И как это ни парадоксально, разгадка многих ребусов находилась в области весьма драматичной и востребованной. Имя ей текущая политика.

Об этом событии Гурджиев повествует достаточно откровенно: «Как раз в том году, когда мы решили отправиться в нашу экспедицию, был значительный рост национального движения армян, вылившийся в антитурецкое восстание. На устах каждого были имена героев, которые сражались за свободу, особенно имя молодого Андраника, ставшего позднее национальным героем...

Повсюду среди турецких и персидских, так же как и среди русских армян, образовывались различные партии и комитеты. Национальное движение ширилось, несмотря на раздоры и образование в партиях фракций. Короче говоря, имело место бурное политическое выступление, какие повторяются время от времени в Армении, с обычными последствиями.

Одним ранним утром в Александрополе я шел, как обычно, к реке Арпачай, чтобы искупаться. На полпути, в селении Каракули, меня догнал Погосян, совсем запыхавшийся, и сказал, что днем раньше в разговоре со священником З. он узнал, что армянский комитет пожелал вы-

брать несколько добровольцев из членов партии, чтобы послать в город Коуш с особым письмом»¹.

В действительности в отрывке речь идет об одной партии, и партия эта называлась дашнакцутюн (союз). Она была создана в 1890 году в Тифлисе. А в 1892-м состоялся ее учредительный съезд уже в Женеве в присутствии делегатов — армян из Турции и Персии. Главными задачами дашнаки провозглашали достижение с помощью западных держав и России, а также посредством террористических актов и вооруженных выступлений освобождения западной Армении от турецкого ига и создания автономного армянского государства на территории Турции. Создавались и два бюро: Восточное по линии Кирасан—Харберт—Тигранакерт—Кавказ—Россия—Персия; Западное по линии Балканы—Америка—Египет—вся остальная западная территория. И главным следствием появления новой армянской партии стала подготовка отрядов боевиков и координация их действий на территории Турции.

Путь, проделанный Гурджиевым и его спутником по нагорьям Турции, заканчивался у побережья Средиземного моря.

«По пути, — вспоминает Гурджиев, — мы пере-

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 90—91.

давали адресатам письма и партийные задания из Александрополя»¹.

Партийные задания очень просты — создание военной структуры. Она состоит из нижнего звена — отряда в 10 человек, далее эти отряды вливались в полусотни. Командиры сотен входили в военный совет, он же подчинялся Главному военному совету партии, состоявшему из 7 членов, преимущественно офицеров. До 1904 года дашнакцутюн действовал только на территории Турции, где смог провести ряд терактов.

3

Ребусы, ребусы, бесконечные ребусы — такова жизнь персонажа. Но к некоторым из тайн есть отмычки.

Так, в «Рассказах Вельзевула внуку», касаясь времени своего мальчишеского возраста и вспоминая о драке с одним из детей, Георгий Иванович писал: «Дело в том, что этой физической ловкости я был в совершенстве обучен только за несколько дней до этого случая греческим священником из Турции, который, преследуемый за свои политические убеждения, был вынужден бежать отсюда и, прибыв в наш город, был нанят моими родителями для меня в качестве учителя современного греческого языка. Я не знаю, на ка-

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 92.

ких данных он основывал свои политические убеждения и идеи, но я очень хорошо помню, что во всех беседах этого греческого священника, даже когда он объяснял мне разницу между словами восклицания в древнем и современном греческом языке, всегда были вполне ясно различимы его мечты попасть возможно скорее на остров Крит и проявить себя там, как приличествует верному патриоту»¹.

По всей видимости, этим греческим священником из Турции был священник-монах, след которого мы находим во «Встречах с замечательными людьми»: «Тем же летом в Россию прибыл из Антиохийской патриархии архимандрит с чудотворной иконой — я не помню, то ли святого Николая Чудотворца, то ли Богородицы, — чтобы собрать деньги для помощи грекам, которые пострадали в Критском восстании»².

Во времена детства Гурджиева такое восстание действительно произошло. Это было в 1887 году, когда островитяне-греки решили освободиться от турецкой власти. Восстание было жестоко подавлено, и остров покинули множество эмигрантов. Среди них, конечно же, были православные священники, которые с агитационными целями объезжали близкую им этнически паству. Возможно, этот священник и стал тем человеком, ко-

¹ Гурджиев Г. Рассказы Вельзевула внуку. М., 2002. С. 26—27.

² Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 80.

торый вдохновил Гурджиева отправиться на Крит и принять участие в восстании против турок и Османской империи.

В 1896 году добровольцы из Европы тайными путями высаживались на берегу острова. Среди них, например, был и сын Гарибальди — Риччиоти. Непосредственным поводом для восстания стала замена христианского губернатора острова мусульманином. Это произошло в марте 1896 года. В горах острова был создан повстанческий комитет, обратившийся в мае к греческому населению с призывом к вооруженному восстанию и объединению с Грецией.

Отряды повстанцев довольно быстро завладели островом, нападая на турецкие гарнизоны и полицейские участки. Однако пришедшая из континентальной Турции помощь помогла одолеть мятеж.

Сам Гурджиев писал об этом периоде своей жизни и своей первой ране так: «Первое из этих трех непостижимых фатальных событий произошло в 1896 году на острове Крит за год до начала Греко-турецкой войны»¹.

«...критяне подвергаются преследованию в Турции за поднятие своего флага: родные и близкие критян, находящихся в турецких тюрьмах, постоянно жалуются, и недовольство их разделяется

¹ Гурджиев Г. Жизнь реальна только тогда, когда «Я есть». СПб., 1996. С. 19.

населением»¹, — писал русскому царю Николаю II греческий царевич Георг.

Известно, что Турция объявила войну Греции 17 апреля 1897 года. Поводом послужило то, что на помощь восставшим еще в мае 1896 года критянам высадился греческий отряд под командованием полковника Вассоса. Получается, что Гурджиев был ранен при первых же столкновениях с турками весной 1896 года. Дальнейший ход событий был для Гурджиева весьма драматичным.

«Оттуда, еще без сознания, — писал он, — я был вывезен, я не знаю почему, какими-то неизвестными греками в Иерусалим. Вскоре с возвратившимся сознанием, хотя еще не вполне восстановленным здоровьем я в компании с другими — такими же, как и я сам, — «искателями жемчуга в навозе», отправился из Иерусалима в Россию — не по воде, как обычно делают нормальные люди, а по земле пешком»². Дальнейшее странствие, как утверждает Гурджиев, длилось четыре месяца, и его маршруты пролегали «по местам почти непроходимым». Это тоже вполне убедительно. С моря турецкие власти блокируют любые подходы к своим берегам. Водный путь свободен только на восток — в сторону Палестины, в то время территории, входящей в состав Турецкой империи.

¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 745. Л. 5 (об.).

² Гурджиев Г. Жизнь реальна только тогда, когда «Я есть». СПб., 1996. С. 19.

Год 1896-й — один из самых жарких в истории Оттоманской империи. Он знаменит не только восстанием греков на Крите. Террористы из дашнакцутюн демонстративно захватили в Стамбуле Оттоманский банк. Кроме того, весь год на территории восточных провинций, через которые и должен был добираться в Россию Гурджиев, идут карательные операции, направленные против армянского населения. В резне стерто с лица земли 8000 деревень. Убитые исчисляются тысячами. Так что путь в Россию действительно безопасен лишь по почти непроходимым тропам.

Ранение, полученное на Крите, не стало последним. В книге «Жизнь реальна только тогда, когда «Я есть» он упоминает еще о двух. Но скоро поиски истины привели его в среду, жившую по законам тайных братств, а его вниманием завладели дервиши. И парадокс — именно турецкие.

Глава 2

Мистический брат

1

Человеком, весьма подробно знавшим и жизнь Гурджиева, и круг его увлечений, был его двоюродный брат Сергей Дмитриевич Меркуров.

Во «Встречах с замечательными людьми» Георгий Иванович часто упоминает о родственниках Меркуровых и их доме в Александрополе, хотя непосредственно о Сергее Дмитриевиче он не говорит. Возможно, это тоже дань конспирации.

Если посмотреть на биографические данные, то жизнь Сергея Дмитриевича развивалась то стандартно, то извилисто. И в общем, юношеские его годы в чем-то похожи на судьбу русского человека во времена революций.

Он родился в 1881 году в Александрополе.

Ольга де Хартман, одна из ревностных последовательниц Гурджиева, говорит, что скульптор Меркуров с двумя «ф» на конце, чья семья жила по соседству с Гурджиевыми в Александрополе, что он был Димитриадис, а имя Дмитрий как бы было добавлено.

Четырнадцать лет от роду, он, Сергей Меркуров, увлекся ремеслом каменотеса. Однажды у не-

го состоялся разговор с мастером, у которого подросток брал уроки. «Если ты будешь терпеливо изучать наше ремесло, ты достигнешь вершины нашего искусства, — поучал старый мастер, — и тогда мы дадим тебе передник, лопаточку и молоток — знаки мастерства. Терпи и ожидай!»

И еще старик мастер говорил: «Высекай соловья, а не трясогузку. Работай так, чтобы из-под твоего резца выходили розы, благоухающие лучше живых, а твой соловей пел бы тысячу лет, встречая восход и провожая вечернюю зарю заходящего солнца».

Меркуров вспоминал: «Я выбираюсь к концу города на кладбище к моим друзьям каменщикам. Человек пятнадцать высекают узоры и рельефы на могильных плитах из туфа. С незапамятных времен их деды и отцы делали то же самое. По праздникам, когда они сидят в кофейне, у старших мастеров надеты короткие белые передники и за пояс заткнут молоточек. Лопаточка и молоточек — знаки мастера в цеху. Уже несколько месяцев как я работаю с ними, я высекаю соловья на ветке, его называют бюль-бюль. Мастер говорит: «Смотри, Сергей, чтобы твой соловей не был похож на трясогузку — у настоящего мастера камень оживает под руками, а у плохого рассыпается в прах!» Уже затемно возвращаюсь со стариком в город, он говорит: «Вырастешь, не бросай нашего ремесла, и тогда сделаешь карающих ангелов. Жди терпеливо и работай. Они явятся тебе!»

В 1895 году Меркуров учится на резчика по де-

реву в Нахичевани и для нахичеванского хана делает деревянную вазу «Битва змей». Кажется, он сам видел это сражение — это потрясло его на всю жизнь. Он, еще мальчик, сидел в ханском гареме, где девушки угощали его шербетом.

Закончив тбилисское реальное училище, Меркуров уходит из дома и переселяется в Киев, где продолжает свое образование в политехникуме, но недолго: в 1902 году за участие в студенческих беспорядках был исключен, а затем арестован. Заключение было недолгим, а после освобождения молодой революционер уезжает в Цюрих.

Этот город был еще и своеобразным инкубатором русской революции. Позднее Меркуров припоминал, как ему довелось присутствовать там на диспуте меньшевика Чернова и Ленина.

А в перерывах между революционными спорами учеба на философском факультете.

Но однажды, гуляя у местного озера, Меркуров забрел в мастерскую скульптора Меера. На вопрос хозяина: «Что вы тут делаете?» Сергей Дмитриевич неожиданно ответил: «Хочу учиться». Меер сказал: если есть охота, то давай. Меркуров заинтересовался: «Когда начнем?»

И услышал: «Сейчас!»

«Приказывайте!»

Вначале Меер приказал ему убрать за собаками, которых в мастерской было несколько. Убирался и готовил собакам он уже несколько месяцев, но к обучению еще не приступали. И Сергей, вспомнив персидскую поговорку, привел ее: «Если бы от глядения чему-либо можно было нау-

читься, то все собаки на бойне давно бы стали резчиками».

Уже поехав в Мюнхен к скульптору Рюману, Меркуров по дороге случайно разбил гипсовый портрет своей работы. Старик ворчал: «Ходят, и зачем ходят, уже надоело, ну, ладно, показывайте, что у вас там». «Я протянул ему из своего узелка кусок, на котором было видно ухо, и думал, что сейчас он запустит мне этим куском в голову, но старик стал внимательно его разглядывать и сказал: «Ну что ж, ухо вылеплено хорошо, приходите на экзамен».

Так Меркуров поступил в Мюнхенскую академию, которую окончил в 1905 году. Затем до 1908-го совершенствовал свой стиль во Флоренции и Париже. В первой он обращался к изучению шедевров эпохи позднего Возрождения, а в столице Франции окунулся в среду актуального искусства. Работая рядом с Роденом в Париже, когда тот ваяет «Мыслителя», Меркурова поражает, что в мастерской великого ваятеля не было ни одной его ранней работы. На заданный вопрос хозяин развел руками и лишь сказал: «Сергей, ты не найдешь работ моей юности — их у меня нет, обойди все парижские кладбища, и на памятниках ты найдешь мои слезы и кровь».

Поиски собственного пути для Меркурова были не в последнюю очередь сопряжены с личными духовными запросами. Под ними он подразумевал магическое и таинственное свойство жизни. Этим же и следовало объяснить то, что крут

его тогдашних друзей составили проживавшие в Париже русские масоны.

Среди тех, кого в своих мемуарах упоминает Сергей Дмитриевич, мы находим и известного русского «брата» Михаила Ивановича Тамамшева. «Это был профессор Высшей русской школы общественных наук в Париже, — писал о нем Меркуров. — Школа была основана Максимом Максимовичем Ковалевским, Тамашевым и Гамбаровым. Тамашев читал историю культуры Востока.

Узнав мою фамилию, Тамашев начал вспоминать Тифлис и общих знакомых. А знакомых оказалось много, начиная с моего отца»¹.

Меркуров не раскрывает, как и на какой почве познакомился его отец с Тамашевым, но не приходится сомневаться, что их объединили мистика, общие взгляды на жизнь тайных обществ и их роль в жизни страны.

Другим масоном, с которым общался Меркуров в Париже, был некто Онегин Александр Федорович. Он сразу же «набросал» в общих чертах карьеру Меркурова, если она, конечно, будет грамотно начата. Сам Онегин был коллекционер и весьма долго торговался с знаменитым азербайджанским нефтяным миллионером и собирателем старины Манташевым.

Онегин прославился как заграничный собиратель своеобразной и весьма редкой коллекции, посвященной Пушкину, где имелись оригиналь-

¹ Воспоминания цитируются по макету книги «Сергей Дмитриевич Меркуров», хранящемуся в семье художника. С. 67.

ные предметы, принадлежавшие когда-то поэту, рукописи и черновики.

Онегин поучал скульптора: «У Манташева я достану на статую, а Григоров — Поль Грегуар — вас познакомит с другом — Ковалевским, и Томашев вам поможет. Имейте в виду, если вы решаете остаться во Франции, вам не обойтись без ложи «Большой Восток»... Там Максим Максимович, Тамашев и Вильбушевич¹.

А знаете, что выкинул Тамашев? При вступлении в масонскую ложу посвященный должен произнести речь, в которой восхваляется добродетель, красота и проч. А наш-то толстяк! Решил оригинальничать: он выступил с большой речью, в которой оправдывал жестокость и потоки крови, пролитые ассирийскими царями, оставившими миру столько красоты. И эта красота не утонула в крови, а оправдала себя... А «Большой Восток» — это связи, это заработок. Это правительство Франции. Ибо Францией, как это ни странно, мой друг, управляет «Большой Восток». Вам это подтвердит Поль Грегуар. Впрочем, я вас узнал уже достаточно: вы принципиальный, с революционными идеями, с Лепин вы в конфликте, а он ведь в «Большом Востоке», на компромиссы вы не идете. А там люди с компромиссами — дельцы»².

¹ Редактор журнала «L'Europe».

² Воспоминания цитируются по макету книги «Сергей Дмитриевич Меркуров», хранящемуся в семье художника. С. 69.

Возвратившись в Россию, Меркуров был востребован, но вначале не как скульптор, а как изготовитель посмертных масок. Первую маску он снимал с «отца армянского народа» — Айрика, католикоса всех армян Мкртич Хримяна.

Вторая его работа в этом печальном жанре была снята с властителя дум всей тогдашней России. 7 ноября 1910 года в Астапове умер Лев Толстой. Сын писателя, Сергей Львович, попросил М.А. Олсуфьева и В.И. Поля (которого мы потом встретим среди учеников Гурджиева) отыскать скульптора Меркурова. В сопровождении В.И. Поля, взяв необходимые материалы, Сергей Дмитриевич выехал в Астапово, где собственно и изготовил посмертную маску.

До революции «масочная» часть его художественной жизни ограничилась всего несколькими эпизодами.

Поль стал впоследствии одним из первых учеников Гурджиева, и это знакомство состоялось только благодаря двоюродному брату Гурджиева — Меркурову.

Он же, Меркуров, устроил встречу с Успенским. Это знакомство определило жизненные пути и Гурджиева, и Успенского. Вот как Петр Демьянович вспоминал знаменательный эпизод, относящийся к весне 1915 года: «После Пасхи я возвратился в Москву, чтобы там прочитать свои лекции. Среди людей, которых я встретил на чте-

ниях, оказались двое, музыкант и скульптор, которые вскоре сообщили мне, что в Москве есть группа, где занимаются различными «оккультными» исследованиями и экспериментами под руководством некоего Гурджиева, кавказского грека...»¹

В тексте Успенского «В поисках чудесного» Сергей Дмитриевич иногда возникает под псевдонимом «М»: «Так что, имея в виду свой прошлый опыт, я согласился встретиться и поговорить с Гурджиевым лишь после настойчивых усилий некоего М., одного из моих новых знакомых»².

Контакты Меркурова и Успенского были весьма интенсивны. Сергей Дмитриевич дотошно конспектировал мысли своего знакомого. Эти цитаты заполнили постепенно тетрадь с красной обложкой, до сих хранящуюся в архиве его внучки: «Организованными формами интеллектуального познания являются: наука, основанная на наблюдении, исчислении и ответе, и философия, основанная на умозрительном методе рассуждений и умозаключений. Организованными формами эмоционального познания является искусство: это формы познания. Метод науки — опыт, философия — умозаключение искусства — моральное и эстетическое — эмоциональное внушение» (П. Успенский).

¹ Успенский П.Д. В поисках чудесного. СПб., 1992. С. 8.

² Там же.

Революция не сделала Меркурова эмигрантом. Наоборот, он органично влился в среду новой советской художественной жизни и стал получать весьма серьезные заказы, связанные с монументальной пропагандой. А 21 января 1924 года ему доверили создание посмертной маски Ленина. Это была своего рода честь. Она постепенно переросла в обязанность и своеобразный ритуал, связанный с процедурой смерти советских вождей. С каждой снятой с лица гипсовой маски делали бронзовую отливку, которая уже в вечном и нетленном виде передавалась на хранение в специальное хранилище ОГПУ. Это была какая-то мания вечности, желание донести свой облик до самых далеких потомков.

Но не всегда клиентами Меркурова были жители Кремля.

Среди многочисленных странных историй, окружавших фигуру масочника, он вспоминал часто одну. Она касалась женщины, однажды позволившей ему и умолявшей сделать посмертную маску ее любимого. Сергей Дмитриевич внял ее мольбе и пришел на квартиру к простой заказчице. Во время переговоров, оглядывая комнаты, где она жила, скульптор обратил внимание на разобранную кровать, на которой кто-то лежал. В первые секунды он не придавал этому значения. Но когда пришло время приступить к работе и он вынул гипс, суровую нитку и вазелин, спросил: «А где собственно тело?».

Растерянная женщина указала ему на кровать. Она призналась скульптору, что любила покойного так сильно, что не могла сразу после его смерти с ним расстаться. Как только случился летальный исход, женщина своими силами забальзамировала покойника и несколько дней по ночам ложилась с ним в кровать...

Статуи Ленина и Сталина были отмечены Сталинской премией.

В 1941 году мраморная статуя Ленина была установлена в зале заседаний Верховного Совета СССР в Кремле. А статуя Сталина украшала центральную площадь Выставки достижений народного хозяйства.

Но главной своей работой Меркуров считал монумент «Смерть вождя», высеченный из цельной глыбы гранита. Он начал над ним работать в 1927 году. Сама композиция изображает траурный марш рабочих, несущих на своих спинах тело Ленина. Однако вождь изображен здесь не совсем традиционно. Он одет в буддийскую тогу. Возможно, это отголосок каких-то строк из переписки с братом, продолжавшейся вплоть до середины 30-х годов, встречи с художником Рерихом, привезшим письмо неких гималайских мудрецов, называвших Ленина махатмой.

Меркуров задумал схему этой группы на основе числовых отношений минорной гаммы¹.

Работа над монументом длилась двадцать лет. В 1947 году памятник был закончен и представ-

¹ «Искусство», 1934, № 1.

лен Сталину. Эрнст Неизвестный, начинавший когда-то работать в мастерской Меркурова, припомнил один анекдотический эпизод, связанный с монументом: «В качестве сплетни — я не могу это документально удостоверить. Он подарил к семидесятилетию Сталина, с этого, говорят, начался его закат, эту работу (речь идет о памятнике «Смерть вождя». — *О.Ш.*) и имел неосторожность указать, сколько она стоит. Сталин ответил: «Такие дорогие подарки я не принимаю»¹.

Другим амбициозным проектом Меркурова должен был стать грандиозный монумент Ленина, установленный на крыше Дворца Советов.

«Все мои помыслы и думы сосредоточены на большой работе, — писал в те годы Сергей Дмитриевич, — которая уже начата и которая еще впереди. Я говорю о стометровой фигуре Ленина на Дворце Советов. Мне хотелось бы сделать эту фигуру из красной меди, покрытой электроном — древним металлом, в составные части которого входят серебро и золото»².

Сергей Дмитриевич не просто родственник и друг гуру. Их объединяет то, что Георгий Иванович часто называет поиском истины. Все двадцатые и тридцатые годы он продолжает переписку с Гурджиевым и становится своеобразным представителем кузена в Москве. В 1937 году, в период репрессий, имена обоих родственников всплыли

¹ Магнитофонная запись автора.

² «Известия», М., 1991, 29 янв.

во время допросов главы тайного общества «Единое трудовое братство» Александра Барченко.

Он утверждал: «Меркуров мне сообщил, что Гурджиев проживает за границей. Переезжая часто из Парижа в Лондон, Нью-Йорк и обратно. По словам Меркурова, Гурджиев предлагал ему неоднократно крупные суммы денег. Но он получать отказался»¹.

Примерно то же самое говорил и глава Спецотдела Глеб Бокий, уже находясь под следствием: «Учеником и последователем Гурджиева на территории СССР в прежнее время, по словам Барченко, являлся скульптор Меркуров. Гурджиев, как мне говорил Барченко, старался установить связь с его учеником Меркуровым, но он от этого по неизвестным для меня причинам уклонился»².

Сложно сказать, что он чувствовал в эпоху 1937—1938 годов, однако люди, знавшие Меркурова, утверждали, что скульптор не боялся за свою судьбу и вел себя так, как считал нужным.

В личной жизни он был человеком весьма свободным и влюбленным сразу в двух женщин.

Находясь в эвакуации, Сергей Дмитриевич позволял себе появиться в обществе с обеими женщинами под ручку, чем, собственно, шокировал пуританские взгляды советских людей.

После войны он попал в опалу, однако это не обернулось для него ни репрессиями, ни пресле-

¹ Протокол допроса Барченко А. В. № 2 от 10 июня 1937 года.

² Цит. по: Андреев А. Оккультист Страны Советов. М., 2004. С. 358.

дованиями. Только часть его памятников убрали с постаментов.

Он умер в 1952 году. Среди родственников было убеждение, будто смерть его «запланировали» высшие инстанции. Он слишком много знал, прибывая для последней почести — создания посмертной маски. Скульптор мог стать нежелательным свидетелем, окажись он у тела Сталина в те мартовские дни 1953-го.

Трудно сказать, насколько это верно.

Однако с собой в мир иной Сергей Дмитриевич унес и тайну своих отношений с Гурджиевым. Его переписка с родственником не сохранилась. Подозреваю, что он уничтожил ее.

Глава 3

•

Князь Любовецкий

1

Путешествие — это своего рода познание, обращенное внутрь человека. Путь Гурджиева был в общем-то именно таким путем. И как это часто бывает, дороги такого назначения пролегают не только через осязаемое пространство и населенные пункты, но и через другие судьбы. Они-то порой влияют на искателя истины посильней бури, рельефа и климата.

Одним из странных персонажей его биографии явился некий князь. В книге он не раз выступает гидом Гурджиева по «закрытым» областям и служит своего рода ангелом-хранителем религиозно-нравственной конгрегации «Искатели истины».

«Любовецкий» — именно такую фамилию Гурджиев дал своему наставнику в седьмой главе «Встреч с замечательными людьми». Князю уделяется весьма значительное место в мемуарах. В автобиографической книге Гурджиев сообщает о нем следующее: «Замечательным и необычным человеком был князь Юрий Любовецкий. Он намного старше меня, но мы дружили почти сорок лет.

Он вел обычную жизнь русского аристократа, пока не произошло событие, в корне все изменившее. Будучи еще молодым гвардейским офицером, князь сильно влюбился в красивую молодую девушку, нежную и кроткую, и женился на ней. Они жили в собственном доме на Рождественском бульваре. Княгиня умерла при первых родах. И князь в поисках выхода для своего горя тогда заинтересовался спиритизмом, надеясь войти в общение с душой своей покойной любимой жены. Затем невольно он стал все больше втягиваться в изучение оккультных наук и в поиск смысла жизни. И так увлекся, что целиком изменил свой прежний образ жизни. Он вышел в отставку, прекратил сношения с высшим обществом и все время проводил в библиотеке»¹.

В английских биографических исследованиях жизни Гурджиева, написанных по странности бывшими сотрудниками британской спецслужбы Джоном Беннетом и Веббом, мы встречаем первую идентификацию этой личности. Они считали, что таковым человеком мог быть князь Эспер Эсперович Ухтомский. В начале XX века он имел славу путешественника, востоковеда, страстного собирателя древностей Азии и даже русского геополитика. Его перу принадлежало и трехтомное «Путешествие с цесаревичем Николаем II...», вышедшее после посещения тогда еще наследником российского престола ряда стран Африки и Азии.

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 115.

Эспер Эсперович был наставником молодого царя в области восточной политики. Ухтомский написал и массу других книг по истории и политическим прогнозам, касающимся стран Азии, в том числе и Китая.

Почему именно его избрали англичане предполагаемым прототипом князя? Возможно, они считали, что Ухтомский, путешественник, знаток Востока и, кроме того, весьма информированный человек, близкий к царю, весьма подходит под портрет, нарисованный Гурджиевым в автобиографии.

Однако и Вебб, и Беннет игнорировали то, что было сказано самим Гурджиевым о Любовецком. И прежде всего факт его владения домом в Москве и службу в гвардии.

На Рождественском бульваре в Москве есть только один дом, который принадлежал аристократам княжеской крови, точнее, одной из княжеских дочерей. Это здание номер 9. Оно было собственностью семьи князей Бебутовых. Образец архитектуры стиля модерн — доходный дом № 9, возведенный для княгини Бебутовой в 1909 году архитектором Гельрихом. Само здание было построено на месте прежнего владения князя.

2

Давид Иосифович (Осипович) Бебутов, который, собственно, и есть князь Любовецкий, был личностью как весьма примечательной, так и весьма подозрительной. 19 марта 1917 года, по-

сле свержения царя, уже при Временном правительстве, он был арестован и посажен под домашний арест. Ему инкриминировали шпионаж в пользу Германии. Бебутову в то время уже исполнилось 58 лет, и он был болен, поэтому и состоялся лишь домашний арест.

Давид Иосифович и ранее уже находился в сфере внимания русских спецслужб. «Весной 1911 года, — сообщала охранка, — наблюдением в столице были установлены сношения выдающегося французского масона Шарля Лебука с Бебутовым, 52 лет, при котором находятся две его дочери — Варвара 25 лет и Милена 23 лет»¹.

Действительно, князь был масоном, и его интересовали различные паранормальные явления, как, впрочем, и политические интриги.

Происхождение свое Бебутов вел с Востока.

«Род князей Бебутовых из армян, известен с 1614 года. Переселившись в Грузию с титулом князей Картлийских, они занимали первые места в Грузинских царствах. Прадеду моему князю Иосифу пожаловано потомственное звание «мелика» города Тифлиса (почетный правитель) с правом носить это звание старшему в роде»², — сообщал о себе следователям Чрезвычайной следственной комиссии Давид Иосифович. Вообще же в жизни Грузии его семья сыграла не последнюю роль. И когда после Георгиевского трактата это южное царство стало частью Российской империи, его

¹ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1913. Д. 9. Т. 3. Л. 137—138.

² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 605. Л. 82.

прадед Иосиф был пожалован чином полковника и орденом Святого Георгия. Дед князя был блестящим генерал-лейтенантом и начальником корпуса там же, на Кавказе, в 1854—1855 годах. Ему принадлежали победы над турками при Кюрлот-Дара и Башкадынларом. Они принесли ему две боевые награды: орден Андрея Первозванного и Георгия 2-й степени. Отец Бебутова также справил свою карьеру на Кавказе, служа чиновником для особых поручений при царском наместнике графе Воронцове.

О себе же лично Бебутов сообщал следовательно: «Родился я 20 апреля 1859 года в старом бебутовском доме на Старобебутовской улице в Тифлисе. На горе над самим домом находился бебутовский женский монастырь, основанный прадедом моим для единственной его дочери, пожелавшей вступить в монастырь. Образование я получил в Тифлисском реальном училище и окончил курс в мае 1877 года»¹.

Казалось бы, жизнь предоставляла ему возможность стать инженером, так как именно после реальных училищ и уходили уже в технические институты, но судьба распорядилась иначе. Резкие повороты, впрочем, будут характерны для нее и далее. Так вот, в день окончания училища его посетил наместник Кавказа, брат царя Александра II, великий князь Михаил Николаевич. Он неожиданно уведомил мать Бебутова, что государь же-

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 605. Л. 82 (об.).

дает видеть ее сына в числе пажей и, более того, зачисляет его в Пажеский корпус на свою вакансию. Вообще такого рода предложение со стороны монаршей особы считалось величайшей милостью. Только вот молодой князь не желал быть офицером и тяготился воинским ремеслом. «Обстоятельство это совершенно изменило все мои и матери моей планы, и если вначале казалось такое внимание ко мне заманчивым и лестным, то последствия оказались крайне печальными, — вспоминал Давид Иосифович, — так как лишали меня специальности, и жизнь толкнула меня на занятия коммерческие, на которые у меня не было никогда влечения и желания»¹.

Попав в это привилегированное заведение, Бебутов, казалось, быстро делал карьеру. В Пажеском корпусе он стал старшим камер-пажом Ее Величества, заведующим главным отделением, а по окончании учебы 8 августа 1879 года получил зачисление в лейб-гвардии Преображенский полк в звании прапорщика. Только вот там служить ему пришлось недолго. Князь влюбился в Анну Федоровну Халтулари и уже в апреле 1880 года в возрасте 21 года вышел в отставку. Таков был обычай в офицерской среде: жениться официально разрешалось только по достижении 23 лет. А князь не хотел ждать. Он бросил лейб-гвардию, вступил в брак и подумывал о занятиях совершенно штатских, связанных с инженерным делом.

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 605. Л. 82 (об.).

Период короткой штатской жизни продолжался с апреля по декабрь 1880 года. Но если доверять рассказам Гурджиева, для князя это был отнюдь не тихий период жизни, связанный лишь исключительно с семейным счастьем. На одной из страниц «Встреч с замечательными людьми» Гурджиев рассказывает о том, как неожиданно он встретил возле тибетских селений, где ему будто бы удалось побывать, князя Любовецкого, возвращавшегося после путешествия по странам Востока. Вспоминая одно из них, совершенное, возможно, в юности, князь рассказывал: «После этого паломничества мне удалось снова поехать в Кабул, где я целиком предался восточной праздности, живя без каких-либо целей или интересов к чему бы то ни было. Я часто приходил в дом моего старого друга Ага-хана. Жизнь этого человека была так же богата на приключения, как и моя. Это был единственный человек, с кем мне было интересно проводить время в Кабуле»¹.

Ага-ханом называют бессмертного и вечно перерождающегося главу и живого бога мусульманской секты исмаилитов-низаритов. «Богатой на приключения» была жизнь только одного Ага-хана — Мухаммед Хасан Ага Хана, сорок

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 149—150.

шестого имама, скончавшегося в 1881 году, «после своего бурного событиями имамата»¹.

Вождь секты был союзником англичан в войнах по покорению Афганистана. В первом походе на Кабул принимал личное участие. В 1878 году началось новое вторжение британской армии в Афганистан. Заняв значительную часть его территории, Англия в мае 1879 года заключила с эмиром Якубом кабальный договор. В июле 1879-го в битве при Майдаване и последовавшей за ней блокаде британских войск в Кандагаре, в сражениях за Кабул и Газни британские войска понесли тяжелые потери, и в 1880 году Англия была вынуждена эвакуировать свою армию.

Русский генеральный консул в Бомбее в 1904 году писал о секте исмаилитов и ее вожде следующее:

«В Индии имеется особая мусульманская секта, известная под именем ходжей. В отношении религиозных верований ходжи причисляют себя к исмаилитскому толку, близко подходящему, как известно, к шиизму. Подобно прочим исмаилитам, они признают лишь семь имамов, а не 12, как шииты, но вместе с тем, вероятно, под влиянием индуизма они считают имамов своих не только преемниками пророка божия, но как бы воплощением самого божества. Последователи этой секты встречаются в Бомбейском президентстве,

¹ *Дафтари Ф.* Краткая история исмаилизма. М., 2003. С. 205.

где их насчитывается свыше 50 тысяч душ, в Синде, Пешавере, также Калькутте и других.

Во главе этой секты на правах духовного руководителя и начальника ее стоит в настоящее время некто Ага Султан Мухаммед Шах, более известный под прозванием Ага-хан, по происхождению персидский исмаилит, который ведет свое происхождение от первого Имама Али, зятя Мухаммеда. Сведения об отдаленных предках его очень туманны, но, по-видимому, они с давних пор признавались духовными руководителями персидского и вообще высшего исмаилитства.

Один из этих предков, Мухаммед Имам Шах, через командированного в Индию миссионера по имени Садрудин присоединил индийских хodgeй (собственно коренных индусов) к исмаилитскому толку. С тех пор индийские ходжи постоянно совершали паломничество в Персию и поддерживали деятельное отношение со своим имамом.

Более или менее определенные сведения о предках Ага-хана появляются лишь со второй половины восемнадцатого столетия, когда прапрадед Султан Мухаммеда, Абдул Хасан Шах, был губернатором в Кирмане. Последнему наследовал в той же должности его сын Шах Халиль Умал, который в 1817 году поселился в Иезде, где и был убит во время народного волнения, поднятого против него шиитскими муллами.

Убийство влиятельного главы исмаилитов, славившегося своей святостью, сильно взволновало его последователей, а потому Фатх Али Шах

поспешил наказать виновников волнений и принять под особое покровительство сына покойного Мухаммед Хасана. Последний был вызван ко двору и утвержден главой исмаилитов, причем подведомственный ему округ был значительно расширен, и, наконец, получил в жены одну из дочерей Фатх Али Шаха. С какового времени и стал пользоваться наследственным титулом Ага-хан.

Когда после смерти Фатх Али Шаха началась борьба за персидский престол, Мухаммед Хасан Ага-хан принял сторону Мухаммед Али Шаха и помог ему водвориться.

Установившиеся после этого дружеские отношения между Ага-ханом и шахом продолжались приблизительно до возвращения Мухаммед Али Шаха из неудачного похода на Герат в 1838 году. Вскоре после того, по словам исмаилитских биографов, Мухаммед Хасан сделался жертвой интриг первого министра шаха Ходжи Мирзы Агаса и вынужден был дважды поднимать оружие против своего властителя. В конце концов Ага-хану пришлось спасаться бегством, и он удалился в Афганистан. В Кабуле он сблизился с англичанами и оказал им немало услуг, сражаясь, между прочим, в их рядах, командуя отрядом иррегулярной конницы из своих последователей. Из Афганистана он переселился в Индию, где был принят с восторгом местными исмаилитами. С этого момента судьба Ага-хана и его потомков тесно связана с Индией, которую он уже больше не покидал. За оказанные услуги Ага-хану, а равно и всему

родству его с персидским царствующим домом (хотя только по женской линии) пожалован был англо-индийским правительством наследственный титул высочество.

В 1845 году Мухаммед Хасан Ага-хан поселился в Бомбее, но вслед за тем по просьбе персидского правительства был переведен на жительство в Калькутту, откуда он вернулся в Бомбей только после смерти Мухаммед Али Шаха. С этого времени Бомбей стал окончательно резиденцией Ага-ханов.

Еще в бытность в Персии глава восточных исмаилитов получал постоянно денежные и иные подношения от своих последователей, не только персидских, но и индийских и среднеазиатских. Говорят даже, что персидские и среднеазиатские исмаилиты платили ему определенную дань, причем если почему-либо, например, по случаю войны, собранная сумма не могла быть доставлена Ага-хану, деньги бросали в воду. С приездом Ага-хана в Индию эти подношения не прекратились, и по настоящее время глава исмаилитов продолжает получать таковые преимущественно в виде наличных денег из всех стран, где живут его последователи. В Индии, как мне говорили, ходжи обложены в пользу своего имама определенной данью за всякие духовные требы, как-то: свадьба, похороны, образование и т. п. Сумма, которая таким образом скапливается в руках Ага-хана, достигает, по некоторым сведениям, более миллиона рублей в год.

Относительно последователей этого толка в других странах мне не удалось пока получить какие-либо определенные сведения, да едва ли и возможно будет собрать таковые ввиду того, что исмаилиты в Персии и Средней Азии большей частью принуждены скрываться, дабы не навлечь на себя гонения со стороны шиитов и суннитов. Судя по общим указаниям, последователи Ага-хана встречаются, кроме Персии и Индии, почти во всей Средней Азии; мне называли такие города, как Мевр, Бухара, Самарканд, Коканд, Кашгар, Яркенд. Миссия сэра Дугласа Фэорсита, командированная в Яркенд вице-королем Индии лордом Минто в семидесятых годах, обнаружила присутствие значительной общины исмаилитов, признающих над собой духовное главенство Ага-хана в Яркенде, а равно в памирских ханствах Шунгана, Рошана, Вохана, в Читрале, в Гилгите и некоторых долинах между Бадахшаном и Кафиристаном. Русский путешественник Богоявленский, побывавший на Памирах и посетивший затем Индию, также говорил мне, что он встречал там особую мусульманскую секту, которая признавала своим имамом некоего Ага-хана, проживавшего в Индии. Кроме вышеперечисленных стран, последователи Ага-хана имеются в довольно большом количестве во всех портовых городах Персидского залива, на восточном побережье Аравии, преимущественно в Маскате, и в Восточной Африке, начиная с британских африканских владений и Занзибара вплоть до Мозамбика.

Мухаммед Хасан Ага Хан скончался в 1881 году, оставив трех сыновей: Ага Али Шаха, Ага Джанги Шаха и Ага Акбар Шаха»¹.

История с Ага-ханом и исмаилитами тем более интересна, что она самым прямым образом связана с приключениями гурджиевского общества «Искателей истины» и поисками хранителей древнего знания и науки.

4

Свободная жизнь князя Бебутова вскоре снова изменилась. В начале зимы 1880 года он оказывается в Петербурге и удостоивается внимания монарха, хотя, видит бог, он его всеми силами старался избежать. Но...

«В начале декабря 1880 года, — пишет Бебутов, — неожиданный случай снова разрушил все мои планы. — Бебутов сокрушается: — На приеме у княгини Кочубей государь, увидя меня в штатском, заметил, что мне не подобает быть в такой форме, и, узнав причину моей отставки, повелел военному министру графу Милютину зачислить меня вне закона снова в полк»².

Вновь это внимание монарха вернуло Бебутова в армейскую среду, от которой он всеми силами старался отдалиться. Но делать было нечего: с абсолютным монархом абсолютно не спорят.

¹ АВПРИ. Ф. 214. Генеральное консульство в Бомбее. Оп. 779. Д. 4. Л. 39—46.

² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 605. Л. 83.

По существующей традиции вернувшийся в полк офицер должен был пройти специальную процедуру представления государю. Такое обычно происходило в Михайловском манеже по воскресеньям, после развода караулов. Но в силу неожиданной причины дата представления Бебутова царю откладывалась: у полиции имелась информация о готовящемся покушении на монарха. И только 1 марта 1881 года Александр II приехал в Михайловский манеж.

Бебутов вспоминал: «Как самый младший по чину представившихся, я стоял последним на левом фланге. Таким образом, я был последним, с которым государь разговаривал перед смертью»¹. Час спустя царский экипаж был взорван революционерами «Народной воли».

Зная дальнейшую биографию Давида Иосифовича, можно усомниться в том, что он был в абсолютном неведении относительно того, что случится с монархом.

Гибель царя освободила Бебутова от некоторых обязательств по службе, которые бы он имел, если бы Александр II продолжал жить. Князь теперь ждал лишь удобного предлога, чтобы вновь уже навсегда покинуть армию. И таковой представился очень скоро. При лейб-гвардии была образована так называемая Священная дружина, в которую ему предложили вступить. Но князь отказался от такой чести и тут же получил обвинение в измене — не в государственной, конечно, а в из-

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 605. Л. 83.

мене офицерскому долгу, и в 1884 году с легкостью оставил полк, получив зачисление в запас гвардейской пехоты.

Оказавшись штатским человеком, он без дела не остался и очень быстро нашел свое место (и весьма доходное) в Управлении Государевых уделов. Это было огромное учреждение, снабжавшее царскую семью и доставлявшее в Санкт-Петербург изысканные вина и всевозможные предметы роскоши, приглядывавшее за дворцами и имениями высшей аристократии — членов царской фамилии.

Вскоре у него родились две дочери: Варвара в 1886-м и Милена (Маланья) в 1888 году. И снова Бебутов был отмечен монаршим вниманием. Его дочь Милена стала крестницей царя Александра III.

Служба в Управлении уделов длилась целых 14 лет, пока не оборвалась событиями, для князя весьма трагическими.

«В 1894 году в один год я схоронил мать и жену, оставшись с двумя малолетними детьми. Всего детей у меня было четверо. Два первых сына и две дочери, из которых вторая замужем за инженером Ушаковым»¹.

«Я мгновенно вспомнил старика, который однажды заходил в мой дом в Москве, после смерти моей жены, когда я был еще молодым человеком»². Если Гурджиев правильно цитирует устные

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 605. Л. 84.

² Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 152.

воспоминания Бебутова, то это событие произошло в 1894 году, когда у князя случилась трагедия и когда ему было всего 35 лет.

«На Уделах, — вспоминал Бебутов, — я прослужил до 1897 года, когда я решил отвезти дочерей в Париж для воспитания, на попечение тетки, которая всегда проживала в Париже»¹.

Возможно, именно тогда и было положено начало его контактам с французскими масонами, возник интерес к магической практике и спиритизму.

Однако сам Бебутов об этом не сообщает. Он лишь упоминает: «Отвезя детей за границу, сам я переехал жить в Москву; занявшись там частными делами, я вступил также членом в благотворительное общество г-жи Стрекаловой, в «Московский муравейник»². В этой организации он потрудился долго, тем более цели у нее действительно были благотворительными: помощь бедным студентам.

Но сам Давид Осипович этим не ограничился. Склонный к различного рода поворотам судьбы, он активно включается в политическую деятельность в момент, когда в России образовывалась Государственная дума и рождались новые институты власти. Бебутов вступает в кадетскую партию, на финансирование которой не жалеет 10 тысяч рублей. Это сумма по тем временам считалась впечатляющей.

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 605. Л. 84.

² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 605. Л. 85.

И вот он уже видный член кадетской партии и уполномоченный по делам графа А.А. Орлова-Давыдова, видного масона, мистика, впоследствии розенкрейцера и мартиниста.

Россия переживала смутное время. Только что была подавлена революция 1905 года — в стране шли аресты и скорые суды. Осенью 1906 года Бебутов избирается председателем Комитета помощи политическим каторжанам. Занятие подобного рода приводит к тому, что у князя образуется совершенно уникальная библиотека, о которой, вспомним, вскользь говорил Гурджиев, но Бебутов называет ее Архивом.

«Занимаясь собиранием книг, брошюр, журналов, листов и документов, я с 1911 года усиленно предался этому занятию и 24 ноября основал целый архив, который передам РСДРП Партии. Архив перейдет партии, когда все фракции объединятся. Архив доступен лишь для ученых занятий. Его уже использовали профессор Кистяковский, Плеханов, Аксельрод, Ленин, Потресов, Сватиков, Стеклов, Сараков и др»¹.

В декабре 1906 года на квартире Бебутова начинает функционировать масонская ложа и происходит прием братьев. Русская власть, напуганная еще декабристскими тайными обществами и их заговором против династии, включает Бебутова в списки лиц, за которыми ведется наблюдение.

Вскоре заграничная агентура фиксирует его контакты с руководством французских масонов.

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 605. Л. 86 (об.) — 87.

Бебутов в целях образования масонских лож в России в 1907 году ездил в Париж, где и вошел в сношения с главарями франкмасонства»¹. Но его ждут не только в Париже, но и в Стамбуле.

5

Само время знакомства с Бебутовым выглядит достаточно смутно. Хотя в тексте «Встреч с замечательными людьми» время этого знакомства обозначается тем периодом, когда Гурджиев был гидом археолога Скридлова в Египте.

Как бы то ни было в действительности, сегодня мы можем с полной уверенностью сказать, что Георгий Иванович и князь точно вместе были в Турции в 1908 году.

Спустя годы, в 1920-м, история о посещении Гурджиевым Стамбула всплыла в разговорах британского агента Беннета и турецкого либерала Сабахеддина.

Вот что писал англичанин в своих мемуарах: «Он представил гостя как человека, которого он не видел с 1912 года, но которого считал необычайно интересным. Он назвал и имя, но по телефону я не смог его разобрать, и заметил, что тот недавно прибыл в Турцию с Кавказа».

«Я узнал имя гостя — Гурджиев и то, что впервые князь случайно познакомился с ним, возвращаясь из Европы в Турцию после Турецкой революции 1908 года».

¹ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 12. Ч. 2. прод. 6. Л. 38.

«Всего три или четыре встречи связывали князя с Гурджиевым, однако князь знал, что Гурджиев — оккультист и исследователь, много и далеко путешествующий. А также один из немногих, сумевших проникнуть в тайные братства Центральной Азии, и превосходный собеседник. Больше он не мог или не хотел мне рассказать».

Действительно, князь Сабахеддин был одной из ключевых фигур в этой истории. Еще в 1907 году, находясь в Париже, на конгрессе всех революционных организаций, он участвовал в консультациях с тайным обществом «Единение и прогресс», в состав которого входили так называемые младотурки, предлагавшие план реформ в Османской империи и проводившие даже консультации с партией армянских националистов дашнакцутюн.

3 июля 1908 года сформированная в турецком городе Чета военная часть под командованием лейтенанта Ниязи подняла восстание, и, таким образом, началась революция младотурок. Военный переворот привел их к власти. Они ограничили могущество турецкого султана и даже открыли в стране первые масонские ложи.

Именно в Стамбул и отправились князь Бебутов и его братья-масоны Маргулиес и Урусов, чтобы на месте ознакомиться с системой масонской пропаганды в войсках и с распространением движения вольных каменщиков в военной среде.

Возможно, имело значение армянское происхождение Бебутова. Среди членов лож Великого Османского Востока имелись и армяне.

Возможно, поводом для поездки Бебутова и его масонских братьев послужил «Циркуляр Великого Оттоманского Востока иностранным федерациям ордена о своем конституциировании с предложением вступить в официальные сношения»¹. В этом документе, подписанном 2 апреля 1909 года, упоминалось о возрождении лож год назад — то есть в том самом 1908 году, когда, по словам Сабахеддина, состоялась первая встреча с Гурджиевым.

Отличаясь либеральным радикализмом, принц Сабахеддин все же был 31 марта 1909 года арестован, а затем вновь отправился в эмиграцию. Вновь вернувшись в Париж, он написал книгу «Открытое письмо обществу «Единение и прогресс»». На это ушли у него 1910 и 1911 годы. И только потом он вновь добрался до Стамбула.

Следовательно, эти встречи с Гурджиевым произошли в очень небольшой промежуток времени.

Примечательно и то, что 10 августа 1909 года другая ложа, «Великий Восток Турции», также предложила правильным масонским державам земного шара наладить контакты. Великим стражем ее являлся один из лидеров переворота Фехми Ниязи, а великим мастером Мехмет Талаат Паша².

Любопытно и то, что, как считает Гудрик-Кларк, «остовом» для «Общества Единения и Прогресса» и, следовательно, для «Великого Востока Турции», была турецкая ложа «Frinch Rite of

¹ ЦХИДК. Ф. 1412. Оп. 1. Д. 4460. Л. 2—3.

² ЦХИДК. Ф. 1412. Оп. 1. Д. 4460. Л. 6.

Memphis»¹. Членом последней с 1901 года являлся один из оккультных вдохновителей нацизма барон Рудольф фон Зебботендорф. Этот странный мессия действительно проживал в Стамбуле во время визитов туда Бебутова и Гурджиева и в 1908-м, и 1909-м, а потом на целых четыре года немец останется в столице Османской империи вплоть до 1913 года. Во время Первой мировой войны уже в Германии Зебботендорф будет стоять у истоков оккультного общества «Туле». В Турции барона интересовали мистические практики, распространенные у ордена Бекташи, исламская алхимия и секретная библиотека проживавшего в Стамбуле греческого еврея Термуди.

Книги, особенно оккультные (добавим, так же, как и революционные), увлекали и князя Бебутова. Наблюдая жизнь турецких братьев, библиофил Бебутов сделал весьма далеко идущие выводы. «Мне казалось, — писал он, — при создании масонства можно было во всех центрах иметь группы, которые, разрастаясь, могли бы проникнуть во все отрасли государственной жизни и незаметно для самого правительства сдвинуть жизнь со стоячего болота. На масонство я смотрел как на единственное средство объединить людей разных лагерей, конечно, прогрессивных...»².

¹ Гудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма. СПб., 1993. С. 155, 156.

² Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 145—146.

Дальнейшая судьба Бебутова изобилует всевозможными коллизиями и участием его в весьма темных, даже таинственных событиях. Человек состоятельный и способный распорядиться весьма крупными суммами, он регулярно путешествует по Европе и Азии, встречаясь с самыми различными мистиками и масонами. Однако когда начинается мировая война, его имя всплывает в документах секретных служб Российской империи в связи с причастностью к международному шпионажу.

Так, Петроградское охранное отделение в 1916 году устанавливает за ним наблюдение и даже присваивает наблюдательную кличку Английский.

«Приметы Английского.

Около 65, среднего роста. Среднего телосложения, тип армянина. На голове волос мало, лицо белое, нос большой с горбинкой, узкая белая борода.

Одет: черная круглая двухэтажная шапка, черное пальто, длинное с котиковым воротником»¹.

Но очень скоро в МВД устанавливают, что персоной князя интересуются в военной контрразведке, и филеры наружки спешат сообщить по инстанции: «Выяснилось, что наблюдение за Английским ведется агентами контрразведки»².

¹ ГАРФ. Ф. 111. Д. 236. Л. 5.

² ГАРФ. Ф. 111. Д. 236. Л. 34.

Собственно, с этими подозрениями и был связан домашний арест князя, произведенный сразу после Февральской революции 1917 года.

Причиной его были подозрения в участии Бебутова в проведении сепаратных переговоров с Германией о мире.

Бебутов, однако, весьма умело ушел от суда. Он был выпущен в связи с болезнью и очень скоро обосновался в Берлине. Там в 1917 году он организует на средства графа Орлова-Давыдова Комитет по оказанию помощи русским, находящимся там во время войны¹. Здесь Бебутов прожил до 1923 года. И только много лет спустя, когда были опубликованы документы МИДа Германии, стали известны подробности миссии Бебутова. В июле 1916 года он и бывший секретарь С.Ю. Витте Ко-лышко вели в Стокгольме переговоры с представителями МИДа Германии о финансировании в России прогерманской пропаганды. Активное участие в переговорах принимал Варбург².

¹ Падение царского режима. М. — Л., 1927. Т. 7.

² Germany and Revolution in Russia, 1915—1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. By Z.A. Zeman. London, 1958. P. 24, 92.

Глава 4

•

Абрам Елов

1

Абрам Елов — законспирированная фигура, выведенная Гурджиевым на страницах своей книги «Встречи с замечательными людьми». Он приложил много сил для того, чтобы сбить с толку, возможно, не обычного читателя, а того, кто встанет на путь идентификации по приказу.

Рисуя этого человека, Георгий Иванович приводил особые факты: «Я сам, например, уже в период своей жизни в Тифлисе говорил на восемнадцати языках. Но в сравнении с Еловым чувствовал себя вообще немым. Скажем, мы вместе начинали изучать какой-нибудь европейский язык. Я делал в этом еще первые шаги, а Елов уже говорил на нем, как на родном»¹.

В других местах мемуаров Гурджиев не раз упоминает о том, что Елов происходил из айсоров, потомков ассирийцев, что он даже родился в Турции у самого озера Ван, в некоем городе Битлис или в его окрестностях. Вообще по поводу

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 113.

Елова у Георгия Ивановича присутствует некая доля допущения.

История знакомства с этим человеком начинается у Гурджиева с посещения тифлиссских лавок букинистов в Александровском саду.

Но все же, несмотря на множество расхождений с книгой Гурджиева, таинственной фигурой, скрывавшейся под маской Елова, был, судя по всему, Николай Яковлевич Марр. Он не был айсором, но в его жилах перемешалась грузинская и шотландская кровь, а особенности происхождения и собственный порыв позволили ему стать действительно одним из самых оригинальных филологов своего времени.

«Рождение мое, да и детство, почти легендарно, если повторять рассказы моей матери, — пишет Марр в «Автобиографии». — Отец мой — старик-шотландец, мать — молодая грузинка из Гурии (Озургетский уезд Кутаисской губернии). Родился я в городе Кутаисе, на правом берегу реки Риона, на так называемой Ферме, где отец руководил сельскохозяйственной школой. Здесь отцом был разбит огромный сад из образцов субтропической флоры.

Магнолии составляли здесь целую рощу.

Мать — с очень скромным домашним образованием, отец — с университетским, естественно-историческим. Больше всего отец интересовался ботаникой. В тяжелые годы нужды он занялся насаждением на Кавказе садоводства. Он первый произвел на Кавказе удачный опыт посадки чайного дерева в Гурии.

Хотя в числе родных по отцу были и французы, и русские, и испанцы (родные его первой жены), но все мое детство прошло исключительно среди грузин»¹.

Гурджиев описывал детство Елова как время конфликтных отношений героя и гимназической администрации. Так, говоря о порядках в гимназии и о жизни героя, Георгий Иванович писал: «Нравы в этой гимназии царили самые простые и бесцеремонные, но Елов из-за своего озорства сделался невыносимым даже для этого учебного заведения и был исключен по приказу школьного совета»².

Правда, Георгий Иванович писал о том, что гимназия была в Тифлисе, а Марр учился в Кутаисе, втором по величине городе Грузии, однако он был старше Гурджиева и вел себя в эпоху отрочества достаточно агрессивно, хотя гимназию покидал не по воле администрации, а в силу своего исключительно амбициозного характера.

Марр писал о своих выходках так: «Мои несуразные ответы, в результате ли неподготовленности или полного невнимания, обычно объяснялись одними капризами»³. И далее добавлял: «Упомяну о двукратном бегстве из гимназии. В первый раз бежал в Тифлис, в Ботанический сад, из желания работать по ботанике. Но, оставшись без

¹ Марр Н. Яфетидология. Жуковский — М., 2002. С. 5.

² Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 109.

³ Марр Н. Яфетидология. Жуковский — М., 2002. С. 7.

средств, принужден был стать библиотечным работником... В другой раз я бежал из гимназии ввиду нежелания держать на аттестат зрелости, имея в перспективе возможность получить золотую медаль. Я так увлекался греческим языком, что хотел овладеть им вполне раньше, чем поступить в университет, где я предполагал выбрать медицинский факультет»¹.

Видимо, эпохой «библиотечной работы», о которой говорил Марр, в действительности была жизнь букиниста в Александровском саду, в Тифлисе, где он и познакомился с Гурджиевым. Николай Яковлевич действительно обладал феноменальными лингвистическими способностями.

«Елов так и не поступил в кадетский корпус, а уехал в Москву, где блестяще сдал экзамены в Армянский Лазаревский университет. Несколько лет спустя он получил какую-то степень по филологии уже в Казанском университете»².

Жизнь Марра несколько противоречит тому, что говорил Гурджиев.

В 1884 году поступление в Петербургский университет по четырем разрядам: арабскому, персидскому, турецкому, армянскому. Но Марр действительно имел степень по филологии в Казанском университете.

Марр окончил Петербургский университет с блеском и вдобавок выдвинул теорию о родстве

¹ Марр Н. Яфетидология. Жуковский — М., 2002. С. 7.

² Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 114.

грузинского языка с группой хамито-семитских языков.

Упоминая феноменальные способности Елова, Гурджиев заявлял: «Елов отличался феноменальной памятью. Я уже писал, что он был ходячим книжным каталогом. Позднее он стал полиглотом»¹.

Но только языкознанием он не ограничился.

В 1892 году Марр начинает раскопки в столице древнего армянского государства Ани, находившегося недалеко от Александрополя. Именно там и начинают свой путь к поискам тайных братств Востока Гурджиев и его приятель Тер-Петросян. Впрочем, Марр проводил раскопки и в самом Александрополе.

Его дальнейшая жизнь была не чем иным, как действительным поиском истины, открытием невидимых под слоем истории связей народов и их духовных вождей. Он активно путешествовал по Ближнему Востоку.

Работая в библиотеке Синайского монастыря, Марр сумел выявить там общность армянских и грузинских церковно-литературных преданий в древнейший период христианской письменности. Они вели свое начало от сирийских первоисточников. «Тесное общение грузин и армян в самом начале их литературной деятельности на пользу местного христианства является фактом громадной важности, но значение его пока еще

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 113.

недостаточно оценивается»¹, — писал Н.Я. Марр по этому поводу.

Он, кажется, всюду в Закавказье видел переплетения истории и языков, прозорливо указывая на их родство с ближнеазиатскими наречиями.

«Когда в 1904 году я впервые был направлен содержанием древнего кавказского документа, открытого двумя годами раньше в греческой патриаршей библиотеке в Иерусалиме, то в ближайших административных центрах, в Артвине и Артанудже, не знали и не могли ничего сообщить о тех селах, которые названы были в этом документе, хотя, как потом оказалось на месте, села эти существовали (частью уже в виде урочищ с теми же самыми древними названиями)»².

Полушотландец, полугрузин Марр одинаково легко говорил на обоих родных языках и на множестве других. Это, видимо, и помогало ему в самых головоломных и опасных передрыгах. Одной из его интригующих территорий был Афганистан. Учитывая все это, понимаешь, что история, рассказанная о нем и о другом персонаже в книге «Встречи с замечательными людьми», профессоре Скридлове, не кажется невероятной.

«Скридлов, — пишет Гурджиев, — профессор археологии (о котором мы будем говорить позже), хотел нелегально переправить из Афгани-

¹ См.: *Марр Н.Я.* Предварительный отчет о работах на Синае, веденных в сотрудничестве с И.А. Джаваховым. Сообщения Православного Палестинского Общества. XIV, 1903. С. 1—51.

² *Марр Н.* Батум, Карс, Ардаган. П., 1922. С. 13.

стана раскопанные им ценные находки, не связываясь с афганскими и английскими оккупационными властями и не платя пошлины, через реку Амударья. Но сделать это было трудно, так как граница с Россией, точнее, с ее колонией Бухарским эмиратом тогда охранялась афганскими и английскими солдатами хорошо, и таможня работала четко.

Достав где-то старую форму английского офицера, Елов надел ее, подошел к посту, где стоял английский отряд, и представился офицером из Индии, который приехал сюда поохотиться на туркестанских тигров. Его язык и произношение были так хороши, что пограничники, несмотря на восточную внешность, приняли Елова за земляка. Он часа два отвлекал их, и нам со Скридловым удалось без помех переправить все, что мы хотели, с одного берега на другой»¹.

2

Интерес к Афганистану преследовал Марра и в советское время. Он принял революцию без особых усилий. А революция, естественно, приняла его. В 1923 году он формулирует принципы нового учения о языке, которое именуется им как яфетическое языкознание. Большевик Покровский, восхищенный его взглядами и находившийся под обаянием этой личности, писал: «Если бы Энгельс

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 113.

еще жил между нами, теорией Марра занимался бы теперь каждый комвузовец, потому что она вошла бы в железный инвентарь марксистского понимания истории человеческой культуры... Будущее за нами — и, значит, за теорией Марра»¹.

Казалось, что жизнь этого верного ленинца и, естественно, марксиста на ладони. Он на виду у научной общественности, но... Но он вызывает недоверие специальных структур советской власти, к главным рычагам которой, несомненно, относится ОГПУ.

Секретная организация давно ведет учет скрытых и явных членов тайных обществ, оставшихся в СССР.

Сотрудник Спецотдела ОГПУ Владимиров, длительное время вращавшийся в среде ленинградской интеллигенции, относил Николая Яковлевича к особой группе мистиков, которых именовал «неомасонами». Это были прежде всего люди науки. Например, главный редактор журнала «Восток» Павлович, сотрудники подразделения Наркомпроса Главнаука — Тарасов, Тер-Оганесов, Абрикосов, Ларигов. Крупный советский функционер и журналист Артемий Халатов. Академик Ольденбург и Николай Марр².

К тому же кругу, по информации ОГПУ, принадлежал и доктор Вечеслов. Это был весьма таинственный человек. Он был одним из тех, кто начинал дело революции вместе с Лениным, да-

¹ «Известия», 1928, 23 мая.

² Андреев А. Оккультист Страны Советов. М., 2004. С. 264.

же лечил его мать. Однако затем разминулся на время с Ильичем, став меньшевиком. По профессии бактериолог, он оказался востребованным во время Гражданской войны. А после даже уехал в Афганистан. Он провел там несколько лет. И вот в 1924 году снова собирался туда, видимо, не только как советский врач, но и как представитель русского мистического содружества. Близкий доктору Барченко, о котором речь пойдет ниже, он собирался искать в Кафиристане убежища таинственных хранителей древней мудрости, о которых в своих книгах упоминал Гурджиев. Уезжавший в Афганистан принадлежал к тем немногим реальным инсталлированным в «Великом Востоке Франции» масонам, стремившимся физически обнаружить источник вечных ценностей.

Именно Марр, в то время создатель и председатель Российской академии истории материальной культуры, отправил в Кабул полпреду СССР Старку деловое письмо с просьбой о выделении доктору Вечеслову необходимых средств на закупку древних памятников. Марр утверждал, что «могущие быть приобретенными памятники после их исследования в Академии поступят в центральные государственные музеи»¹.

Жизнь Марра, несмотря на подозрения ОГПУ, закончилась довольно прилично. Он умер в 1934 году, оставив потомкам свою яфетидологию, и, как потом окажется, массу вопросов.

¹ Андреев А. Оккультист Страны Советов. М., 2004. С. 227.

Его жизненный путь и, что примечательно, его наука заинтересовали другого крупного ученого — Сталина.

В 1950 году он обрушился на последователей Марра с резкой критикой как их учителя, так и методологии. Иосиф Виссарионович утверждал: «Марксизм считает, что переход языка от старого качества к новому происходит не путем взрыва, не путем уничтожения существующего языка и создания нового, а путем постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путем постепенного отмирания элементов старого качества»¹.

Почему ему понадобилось обращаться к спору с уже покойным Марром? Что это было? Эхо невозможного спора с мертвым? Полемика о языке с тем, кто уже находится в метафизическом мире?

А может быть, своеобразная реакция генералиссимуса во время антиеврейской кампании, не желавшего, чтобы у его грузинского языка были какие-то семитские корни, на чем настаивал Марр.

¹ *Марр Н. Яфетидология*. Жуковский — М., 2002. С. 462.

Глава 5

•

Легенда о Сталине

1

Если вам когда-либо доводилось ехать из Тбилиси на запад Грузии в Имеретию или в сторону Поти или Самтредиа, то, возможно, вы и проезжали Чиатурский туннель. Сама дорога к нему необычайно живописна и пролегает между поэтических «холмов Грузии», воспетых Пушкиным. Эти естественные земляные валы так круты, что вполне под стать горам.

В дни первой русской революции 1905—1907 годов здесь происходили многочисленные стычки местных жителей — гурийцев — с казаками и жандармами.

Устроить сходку в этой пересеченной местности с точки зрения возможного отступления от полиции было весьма разумно. Так как даже сегодня на холмах достаточно сложно использовать технику, разве что авиацию.

1905 год. Империя охвачена революционными сходками, терактами и восстаниями. Особого градуса события достигают в столицах и на Кавказе.

В жизни Гурджиева этот период времени и само Чиатурское ущелье были интересны тем, что с них берет начало легенда о Сталине.

Пытаясь очертить раннюю биографию Гурджиева, в первой главе мы оставили его возвращающимся после ранения с острова Крит. Напомним, «искатель истины» уже тогда имел опыт конспиративного и, видимо, нелегального существования, выполняя задания дашнакцутюн, потом были партизанские бои на Крите.

В 1904 году из партии дашнакцутюн выделилось специфическое левое крыло — младодашнаки. Они считали невозможным соединить национально-освободительное движение против монархий с задачами классовой борьбы. Эта группа вышла из партии и вступила в партию эсеров.

После этого возникновение чиатурской истории не кажется необычным, а первоначальные поиски истины были для Гурджиева связаны с политической истиной и революцией.

Вот как сам Гурджиев рассказывает о событиях у туннеля: «Это было в конце 1904 года в Закавказье недалеко от Чиатурского тоннеля.

Говоря об этой третьей шальной пуле, я не могу здесь не воспользоваться случаем, к удовольствию одних и неудовольствию других моих сегодняшних знакомых, сказать теперь открыто об этой третьей пуле, что она была выпущена в меня, конечно, несознательно, каким-то «очаровашкой» из тех групп людей, которые, попав, с одной стороны, под влияние революционного психоза, а с другой — во власть деспотических начальников,

случайных выскочек, вместе заложили тогда же, тоже, конечно, неосознанно, краеугольный камень в основание действительно, по крайней мере сегодня, «великой России».

Тогда там проходили боевые действия между так называемой Русской армией, в основном казаками, и так называемыми гурийцами¹.

Впечатляет то, что событие у Чиатурского туннеля в политическом смысле было весьма локальным. Оно было вызвано дискуссией грузинских большевиков и других политических партий о дальнейших путях революции. Главным оратором на этом митинге стал молодой тогда социал-демократ Иосиф Джугашвили — острый и бескомпромиссный полемист.

В феврале 1904 года молодой Сталин бежал из ссылки в Балаганске Иркутской губернии и вернулся в Тифлис. А уже в конце 1904 года у него состоялась «большая дискуссия» в Чиатурах с эсерами и анархистами о будущих путях революции.

В 1936 году Лаврентий Берия в своей книге «К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья» обрисовал даже детали проводившихся тогда вождем споров: «Большая дискуссия была проведена в Тифлисе против анархистов-кропоткинцев К. Гогелия, М. Церетели, закончившаяся полной победой большевиков. Также большая дискуссия была проведена против Ш. Месхешвили (эсер), С. Мдивани (федера-

¹ Гурджиев Г. Жизнь реальна только тогда, когда «Я есть». СПб., 1996. С. 21.

лист), а также против лидера анархистов Гогелия в Чиатурах. Во всех этих дискуссиях товарищ Сталин играл выдающуюся роль»¹.

Был ли «очаровашка», который «неосознанно» выпустил пулю в Гурджиева, тем самым Сталиным, сказать трудно. Однако нетрудно утверждать, что Георгий Иванович присутствовал на этом диспуте и слышал его выступление. Это подтверждают и его высказывания насчет «Великой России», адресованные непосредственно Иосифу Виссарионовичу либо его агентам, способным прочесть мемуары.

2

Силуэт Сталина часто проглядывает в биографии Гурджиева. Но появляется весьма неожиданно и дает пищу для размышлений.

Одной из навязчивых тем является утверждение о том, что Георгий Иванович и великий кормчий учились в одной тифлисской семинарии или что во время учебы Иосиф Виссарионович снимал комнату у его родственников, проживавших в столице Грузии.

В 1894 году Сталин оканчивает духовное училище и поступает в Тифлисскую православную семинарию. В 1899 году он исключается за пропаганду марксизма, переходит на нелегальное положение и становится профессиональным рево-

¹ *Берия Л.* К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. М., 1949. С. 64.

люционером. Но, увы, никаких свидетельств его проживания в апартаментах родственников Гурджиева нет. А что же есть?

Английский ученик Гурджиева Дж. Беннет в книге «Гурджиев. Создаем новый мир» вспоминает главу «Князь Нижерадзе», которую учитель устно пересказывал своим ученикам. Она так никогда и не увидела свет, хотя должна была стать составной частью «Встреч с замечательными людьми».

Беннет говорил: «Мы понимали, что глава «Князь Нижерадзе» касается некоторого щепетильного эпизода, связанного с трудностями, с которыми столкнулся Гурджиев, так как этим бы он нарушил правила одного из братств, где ему помогали и его учили. Всякий, кто слышал чтение главы в 1933 году, припомнит, что она производила глубокое впечатление своим описанием человека, который просыпается после смерти и понимает, что он потерял главный инструмент своей жизни, свое тело, и вспоминает все, что он мог бы сделать, пока был жив». Героем этой главы был еще один князь — князь Нижерадзе, торговец коврами из Баку.

Уже упоминавшийся выше Берия писал в своем исследовании: «25 марта 1908 года в Баку был арестован товарищ Сталин, скрывавшийся от агентов охраны, имея при себе паспорт на имя князя Гайоза Нижерадзе»¹.

¹ *Берия Л.* К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. М., 1936. С. 58.

Безотносительно того, был ли «князь Нижерадзе» у Гурджиева Сталиным или нет, безусловно, они были знакомы и знакомы на политической почве, так как участие обоих в одном и том же политическом немногочисленном событии в Чиатурах делало их знакомство фатальным.

Любопытно и то, что в 1937 году, когда будет раскручиваться дело Единого трудового братства и в водоворот событий попадут высокопоставленные чиновники партии и НКВД, имя Гурджиева вновь возникнет в стенах Кремля, в частности на допросах первого советского ученого, исследовавшего паранормальные способности, и первого экстрасенса Барченко.

Из дела Барченко, которое и сегодня носит гриф «Дело, относящееся к первым лицам государства», неожиданно будут изъяты некоторые страницы, кстати, соседние страницам, на которых упоминается Гурджиев.

Сталина тогда, видимо, интриговала история своего чиатурского оппонента. Но что он искал в этих выбитых НКВД мемуарах?

3

В принципе Георгий Иванович достаточно откровенно говорит, что именно политические причины заставили его покинуть территорию, где МВД и жандармерия проводили карательные операции против восставшего местного населения.

«К этому времени стало уже ясно в процессе Гражданской войны, что верх, как говорится, взяла Русская армия, и уже везде казаки выискивали и арестовывали всех «подозрительных» жителей, которые не были местными.

Поскольку я не был местным, а также знал способ мышления людей, подпавших под влияние «революционного психоза», я решил бежать из этих краев как можно скорее»¹.

Это еще не конец легенды о Сталине, связанной с Гурджиевым. Это только первая ее часть.

¹ Гурджиев Г. Жизнь реальна только тогда, когда «Я есть». СПб., 1996. С. 23.

Глава 6

Дервиши и кафиры

1

«Учитывая создавшуюся обстановку в Закавказье в целом и мои планы на будущее, я решил ехать в Закаспийскую область»¹, — сообщает Гурджиев в книге «Жизнь реальна только тогда, когда «Я есть». Очень важный момент — политика — заставляет его перебраться в новую, недавно присоединенную к империи землю и, видимо, попытаться там затеряться среди переселенцев российской колонии. Или, возможно, уйти за кордон? В Китай или Афганистан?

Закаспийская область была присоединена к империи после хивинского похода 1873 года. Причиной, по которой на туркменские территории был направлен один из ударов армии, была работорговля, каковой промышляли здешние племена. Полковник Генерального штаба Гродеков писал в 1879 году: «Если торговцы неграми поставлены вне закона всех наций, то и туркмены должны быть поставлены в такое же

¹ Гурджиев Г. Жизнь реальна только тогда, когда «Я есть». СПб., 1996. С. 23.

положение»¹. Этот офицер предлагал провести специальные карательные походы против туркменских поселений и полностью их уничтожить. Русская администрация не приняла рекомендации Гродекова, представленные в Генеральный штаб.

Сразу после присоединения новых земель в Туркестан направлялись переселенцы из центральных губерний страны. В таком человеческом хаосе было легко затеряться, тем более если у тебя были проблемы с полицией.

Средняя Азия сама по себе край ссыльных, которых после начала революции 1905 года сюда регулярно отправляет Департамент полиции. Поэтому путешественник Гурджиев достаточно правдиво рисует жизнь здешних обывателей и обстановку в Новой Бухаре, куда он устремился.

«В то время, — пишет Георгий Иванович, — Новая Бухара была еще очень молодым городом, население было пестрым, включая даже ссыльных из России, живших под надзором полиции по так называемым «волчьим билетам». Это были люди разных национальностей, каждый со своим собственным прошлым, а некоторые, возможно, с будущим. Среди них были преступники, которые отбывали свои сроки, а также много политических, сосланных туда по суду либо административным порядком, что широко применялось в то время в России»².

¹ Терентьев М. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906., Т. II. С. 280.

² Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 137.

Бродячая жизнь Гурджиева первоначально привела его в порт Красноводск, оттуда он переехал в Самарканд, затем в Регар, где ему посоветовал познакомиться с местными мистиками дервиш Багаутдин.

При всех рассказах о «поисках истины» дервиши появляются в жизни Гурджиева весьма неожиданно. Его движение в область мусульманской мистики было связано с мгновенным порывом, который потом и стал его кредо.

К тому же именно в Бухаре имелись целые дервишские братства, жившие обособленно, но тем не менее в пределах всевидящего ока русских спецслужб.

Русский политический агент, находившийся в столице эмирата, регулярно пересылал в Санкт-Петербург донесения, поступавшие по линии разведки. Один из наших шпионов, некто М.Н.М. передавал 8 июля 1898 года:

«Вы приказали мне разузнать относительно дервишей и уличных рассказчиков (мезах), чтобы я как можно подробнее доложил вам о них. О них можно сказать нижеследующее: это люди неимущие, живущие подаянием, слушают их только отбросы населения: курители опиума, морфинисты, нищие, бродяги, бездельники, которым нечего делать, они окружают их и просиживают целые часы, слушая, как те ради своего пропитания поют о давно прошедших временах и погибших героях, о славных предках. Они да-

ют советы: «живите по-божески и не забывайте Творца, делайте все то, что приказал нам Бог и Пророк Его». Некоторые из этих певцов читают народу книгу исторического содержания «Сийя-ри-Маулани». В этой книге собраны рассказы и предания обо всех пророках. И они рассказывают, что каждый пророк предписывал делать в свое время, и требуют этого от слушателей. Некоторые певцы читают книгу «Абу-Муслим», в которой рассказывается о войсках государей. Эти певцы располагаются в двух местах, а именно: у хауза Регистана, рядом с Арком, и затем у хауза Диван-беги, другие также на базарах собирают толпу и читают. У Арка и у хауза Диван-беги они собираются ежедневно и читают и поют только после 11 часов дня»¹.

М.Н.М. достаточно долго продолжал освещать жизнь дервишей и доносил 9 июля 1900 года:

«В пятницу 7 июля в квартале Чагор-Рахан Калабат в г. Старая Бухара в доме Гания Джамаля собрались последователи секты джагрийе (ревунов). В 11 часов ночи они все испускали стоны, призывали Бога, в это время один из ишанов по имени Сеид-Кемал, 55 лет от роду, упал и тут же, не приходя в сознание, умер»².

«Дервиш! Познай себя, постигни явное свое и сокровенное, дабы познать начало и конец мира великого, дабы постичь явное и сокровенное ми-

¹ АВПРИ. Оп. 485. 1898. Д. 544. Л. 56.

² АВПРИ. Оп. 485. 1898. Д. 546. Л. 70.

ра великого. Помимо этого пути, другого пути нет. Дервиш, стремящийся познать вещи такими, какие они есть, пусть познает себя таким, какой он есть»¹, — писал дервиш Азиз ад-дин Насафи.

Весьма точно описывал нравы дервишей французский писатель Жерар де Нерваль: «У «кружащихся», как и «воющих» дервишей бывают моменты, так сказать, магнетической экзальтации, после которой наступает совершенно особый экстаз.

Образованный человек не станет удивляться столь странным способам отправлять религиозный культ. Дервиши продолжают традиции кабиров, дактилов и корибантов, которые на протяжении многих веков танцевали и кричали на тех же самых берегах. Возбуждающие напитки приводят человека в то необычное состояние, когда бог, тронутый его любовью, открывается ему в возвышенных видениях, предвещающих райское блаженство»².

Дервишей иногда называют мусульманскими нищенствующими монахами. В их среде имеется множество орденов, отличных своими обрядами и практиками. Многие приемы из их арсенала перекочевали на арены цирков. Так, например, дервиши ордена Руфаи поражали зрителей глотанием огня и шпаг. Дервиши лечили заклинаниями и молитвами, предсказывали будущее, толковали сны и продавали за большие деньги

¹ Суфизм. М., 1989. С. 40.

² Нерваль Ж. Путешествие на Восток. М., 1986. С. 402.

чудодейственные амулеты и снадобья. Они были и влиятельными лицами при дворах восточных монархов.

Глава ордена Мевлеви был неременной фигурой коронации султана. Во время этой церемонии он опоясывал нового султана дамасским мечом.

После короткого пребывания в общине дервишей в Регаре Георгий Иванович осел в Новой Бухаре, населенной в основном русскими. Здесь же он знакомится с Соловьевым.

«История Соловьева» стала частью главы «Князь Любовецкий» из «Встреч с замечательными людьми». Соловьев, как мы увидим ниже, также псевдоним. Гурджиев конспирирует его не меньше других персонажей своей автобиографии.

Сам Соловьев личность тоже весьма загадочная. Вместе с ним Гурджиев мечтает отправиться на Памир к таинственной духовной цитадели Сармунгского братства.

Соловьев, как следует из рассказа Георгия Ивановича, был 21 года от роду. Он являлся бывшим служащим Закаспийского железнодорожного полка, страдал алкоголизмом и пытался «разжиться» с помощью изготовления фальшивых денег, которые ему предлагал сбывать какой-то исчезнувший в Варшаве поляк. Применив гипноз, Гурджиев вылечил своего молодого компаньона от пьянства и преступных наклонностей.

Это было сделано вовремя, так как духовный проводник Багаутдин уже приготовил ему желан-

ную встречу с одним из дервишей из духовного братства Сарлизне.

О братствах дервишей Гурджиев впервые упоминает в главе «Князь Любовецкий». Упоминает вскользь как тему на тот момент то ли незначительную, то ли слишком загадочную. Во время его приезда в Стамбул в связи с простоем корабля, на который был взят билет, образовалось несколько свободных дней. «Поэтому я решил использовать это время, чтобы посетить знакомого мне дервиша в Брусе и попутно осмотреть знаменитую Зеленую мечеть»¹.

Теперь же в Новой Бухаре происходит обстоятельное знакомство, инициатором которого выступает Багаутдин.

Багаутдин, как явствует из мемуаров, сам пришел в дом Гурджиева и сообщил ему о прибытии в город члена духовной конгрегации.

«Этот старик, — продолжал Багаутдин, — является членом братства, известного среди дервишей под названием Сармунгского, главный монастырь которого находился где-то в глубине Азии»².

Более того, Багаутдин сам выступил инициатором встречи Гурджиева и восточного пилигрима. Георгий Иванович вспоминал: «Слова Багаутдина чрезвычайно взволновали меня. Ведь братство Сарлизне я искал всю жизнь. Я попро-

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 118.

² Там же. С. 142.

сил дервиша устроить встречу как можно скорее. Этот старик остановился неподалеку у каких-то своих знакомых в кишлаке поблизости от Новой Бухары»¹.

Со старцем состоялось несколько встреч, после которых член братства согласился найти проводников для путешествия к тайной обители. Однако он взял клятву с Гурджиева и его друга Соловьева, что они сохранят в тайне расположение загадочной духовной цитадели.

Через месяц Гурджиев и его спутник прибыли в условленное место возле древней крепости Ени-Гиссар. Она расположена недалеко от сегодняшнего Душанбе. Собственно, отсюда и началось путешествие к духовной конгрегации.

2

Литературная биография Гурджиева намеренно запугана. Можно предположить, что, помимо конспирации имен «замечательных людей», он конспирировал и географические пункты, где располагались очаги древней науки. Так, если судить по его мемуарам, он совершил несколько походов через Памир. Мне кажется правомочным предварить историю его путешествия к Сармунгу историей встречи с русскими военными в горах Памира.

Это стратегический район империи. Здесь проходила так называемая большая игра между

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 143.

английскими и российскими спецслужбами. За хребтами на юг — колониальные владения англичан, ведущих войны и в Афганистане. Но перевалы и хребты Памира уже осваивают русские военные топографы: на карты наносятся реки, ущелья, дороги.

Гурджиев достаточно обстоятельно рассказывает о встрече с топографической экспедицией Туркестанского военного округа.

Он вспоминает: «...у меня были сведения, что в одной из долин горы, называвшейся тогда пик Александра III, находились в то время несколько русских офицеров, топографов туркестанского Топографического управления, среди которых был один из моих очень хороших друзей...»¹

Описываемая встреча должна была состояться в долине пограничной с Афганистаном реки Пяндж. Во «Встречах с замечательными людьми» Гурджиев рисует это событие несколько иначе: «Это произошло, когда я путешествовал с несколькими членами группы «Искателей истины» через горы Памира, в район пика Александра III. Там мы встретили топографическую экспедицию Туркестанского военного округа, начальником у них был полковник, оказавшийся большим другом одного из моих спутников, и поэтому нас приняли с великим радушием»².

¹ Гурджиев Г. Жизнь реальна только тогда, когда «Я есть». СПб., 1996. С. 28—29.

² Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 197.

После царской колонизации все эти горные вершины получили имена монархов и членов императорской фамилии. Так, на Ваханском хребте появились пик императрицы Марии и пик цесаревича Алексея, пик Александра III. Иначе он назывался пик Царя-миротворца. После революции пик переименован, естественно, в пик Карла Маркса.

Но интересна именно сама эта группа топографов, как утверждает Гурджиев, будто бы из Туркестанского военного округа. Если сопоставить сроки их пребывания в горах и биографические заметки Гурджиева из книги «Жизнь реальна только тогда, когда «Я есть», то получается, что это время приходится на 1905 год.

Тогда на Памире и в прилегающих к нему районах соседнего Китая занималась картографической съемкой экспедиция подполковника Генерального штаба Владимира Гурьевича Ласточкина. В Российской государственной библиотеке есть множество карт, сделанных им в ту пору. По ним легко в целом представить подробный маршрут экспедиции. Он начал свои измерительные и разведывательные исследования еще в 1904 году в Западном Китае, в городке Марал-баши. Оттуда отправился в сторону Аксу. В августе 1905 года подполковник прошел с территории России в Китай по долине реки Хындар. Затем провел месяц, передвигаясь по большой дороге Кашгар—Аксу, и наконец в октябре пересек перевал Бедель. Отсюда он намеревался проникнуть в китайский

городок Уч-Турфпан. Последний маршрут был для него тем более интересен, так как здесь проходил древний караванный путь из Восточного Туркестана в Среднюю Азию через район Иссык-Куля. Путь шел по маршруту Уч-Турфан — перевал Бедель — Заука — Иссык-Куль и затем выходил в долину реки Чу через Баумское ущелье.

Октябрь и ноябрь 1905 года подполковник Генерального штаба продолжал курсировать вдоль границы Китая с британской Индией. А в конце ноября даже попытался проникнуть в Тибет, что было чревато опасностью. Военный решил из Хотана пробраться в Керию и Полур. Собственно, это была уже территория Тибета.

Нет сомнений, что общий маршрут Ласточкина и Гурджиева указывал и на общие интересы. Они сходились в одно время и одном месте — в Керие.

«Русский хребет между Кериейдарьей и реками Бостан-Торганом, — писал подполковник, — представляет покрытую снегом с зазубренным скалистым хребтом высокую горную цепь, вершины которой превышают 20 тысяч футов, а гора Люши-таг, или Царя Освободителя достигает 22 тысяч футов. К востоку от Бостан-Торгана хребет понижается и вечные снега почти исчезают»¹.

Гурджиев писал о своем предприятии: «Хотя мы уже были недалеко от легендарного города,

¹ *Ласточкин В.* Восточный Туркестан. Кашгария. Ташкент, 1911. С. 27.

который ожидали найти в нашем путешествии, тем не менее мы изменили все планы и решили покинуть пустыню как можно скорее. Поэтому мы направились к западу и за четыре дня достигли керийского оазиса»¹.

Что же могло привлечь подполковника Генерального штаба в Гурджиеве? Как ни странно — его национальность. А именно армянская ее половина.

Армянская колония в Азии в XIX веке была достаточно велика. Если вас когда-нибудь судьба забросит в индийский Мадрас, непременно побывайте в храме Святого апостола Фомы. Там, в подземной раке находится могила одного из 12 сподвижников Христа, но в полу вы увидите и бронзовые плиты прошлых веков с витиеватыми значками армянского алфавита. Армяне были донаторами этого храма на протяжении столетий, и самые важные из них были захоронены в приделах этого собора.

Многие из них были удачливыми торговцами и путешественниками.

А политический агент Российской империи в Бухаре Люшт писал 21 марта 1909 года в министерство иностранных дел:

«Ввиду того, что проживающие в Керки и Термезе армяне завязывают торговые отношения с приезжими в этот город афганцами и на этой почве между ними происходит сближение, впол-

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 166.

не допустима возможность, что некоторые армяне согласятся служить афганцам, сообщая им интересные их сведения о положении дел в ханстве и о наших войсках на границе.

Я обратился поэтому к начальникам Керкинского и Термезского гарнизонов с просьбой поделиться со мной имеющимися у них сведениями о таковой деятельности наших армян и установить над ними бдительный надзор. Насколько таковой вообще осуществим по местным условиям»¹.

Российская власть и военные стремились использовать армянскую диаспору в разведывательных целях в Центральной Азии.

3

История Гурджиева волей-неволей приводит нас к одному из самых затерянных районов мира — к великому нагорью Тибета. Правда, эта страна достаточно большая по своим размерам, и трудно понять, к какому конкретно ее пункту стремился искатель истины.

Так же, видимо, как различные интерпретаторы стремились расшифровать самыми невероятными способами имена героев книги Гурджиева «Встречи с замечательными людьми», так и сам автор был предметом расшифровки.

Тот же Луи Повель писал: «Во всяком случае я

¹ АВПР. Оп. 485. Д. 750. Л. 26.

могу полностью подтвердить приводимое ниже свидетельство г-на Р. Ландау. Согласно ему, Гурджиев в течение доброго десятка лет являлся главным русским агентом в Тибете. Этот факт, кстати говоря, был небезызвестен Кипплингу»¹.

И в подтверждение этого приводилось и письмо некоего капитана Ахмета Абдуллы, проживавшего на Пятой авеню в Нью-Йорке, адресованное упомянутому Рому Ландау:

«Уважаемый сударь!

Не имея возможности ничем подтвердить мое сообщение, прошу вас принять его на веру. Я познакомился с Гурджиевым лет тридцать назад, в Тибете, где он, будучи наставником юного далай-ламы, являлся также главным агентом русской разведки. Он был бурятом по происхождению и буддистом по вероисповеданию. Его познания были огромны, а влияние на Лхасу весьма значительно, поскольку он непосредственно занимался сбором податей с прибайкальского населения в пользу далай-ламы. В Лхасе он удостоился весьма значительного титула Цаннид Хамбо Лхарамба. В России же был известен под именем Хамбо Агван Доржиев. Когда мы вторглись в Тибет, он вместе с далай-ламой бежал в направлении Монголии. Он знал русский, тибетский, татарский, таджикский, китайский, греческий, французский (на нем он говорил с сильным акцентом) и в какой-то степени англий-

¹ Повесть Л. Месье Гурджиев. М., 1998. С. 30.

ский. Что же касается его возраста, то этот вопрос остался для меня загадкой. Во всех отношениях значительный человек, хотя он и защищал русскую империалистическую политику; впрочем, мне лично кажется, что это было для него чем-то вроде развлечения. Через тридцать лет я встретил его у нашего общего знакомого, Джона О'Хары, бывшего редактора «Нью-Йорк Уорлд». Я убежден, что это был он, лама Доржиев. Я сказал ему об этом, он подмигнул мне. Мы говорили по-таджикски.

Я человек достаточно осведомленный. Но и мне хотелось бы узнать кое-что, о чем предпочитает помалкивать Гурджиев»¹.

«Осведомленный» Абдулла тем не менее ошибался, отождествляя Гурджиева с Доржиевым. Это были совершенно разные люди.

Наставник далай-ламы Агван Доржиев, о котором в общих чертах правильно рассказал автор письма, действительно был одним из агентов русской разведки в окружении иерарха Тибета. Однако после революции жизнь его складывалась весьма непросто, и в тот период, о котором говорит Ахмет Абдулла, Доржиев уже имел проблемы с ОГПУ — НКВД: в 1934 году, во время приезда в Москву, он был подвергнут трехнедельному аресту. А в 1937-м в Бурятии его ждали более суровые испытания, от которых он и скончался в тюремной камере от паралича сердца 29 января 1938 года.

¹ Повесть Л. Месье Гурджиев. М., 1998. С. 52—53.

Из всех районов Тибета, где Гурджиев мог побывать, самым вероятным представляется именно оазис Керия. Но описания тибетских буддийских монастырей у Георгия Ивановича достаточно расплывчаты и условны. Возможно, пребывание в Керие было кратковременным. А затем наступила пора возвращаться или даже бежать, скрываясь как от английских властей в Тибете, так и от китайцев.

Дальнейший путь искателя истины вел его к пределам Афганистана, к загадочной земле кафи-ров, где, возможно, и располагалось Сармунгское братство.

4

«Переходя от одной долины к другой и вступая в контакт с различными племенами, мы наконец дошли до центрального поселения африсидов, в сердце Кафиристана»¹, — начинает рассказ об этом загадочном месте Гурджиев.

В книге «Встречи с замечательными людьми» название Кафиристан упоминается впервые в 10-й главе, которая посвящена профессору Скирдлову.

«...Задолго до нашего решения поехать вместе в Бухару, — пишет Гурджиев, — профессор и я много беседовали и составили много планов, чтобы как-нибудь проникнуть в Кафиристан — большую

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 218.

страну, посещение которой тогда было совершенно невозможно для европейцев»¹.

Примечательно, что еще во времена юности Гурджиева в 1892 году в Тифлисе в газете «Кавказ» вышла любопытная статья о событиях в Афганистане, и большое место в ней было отведено описанию интересовавшей Георгия Ивановича таинственной территории.

«К югу от Кабульской реки, — сообщалось в газете, — вдоль высоких и диких гор, которые тянутся параллельно Инду вблизи англо-афганской границы, расположены многочисленные афганские племена, более или менее независимые от эмира, с которыми пограничные британские власти вступают в сношения, ведут переговоры или заводят неприятельские столкновения совершенно помимо кабульского правительства. Самое известное из них, афридии, занимают местность между Кабульской рекой и хребтом Сефид-Кух, непосредственно к югу от первой и владеют знаменитым Хайберским ущельем: они официально признаны независимыми в силу договора, заключенного британским правительством с главарями всех их племен и родов во время последней афганской войны и обеспечивающего им ежегодную субсидию взамен обязательств «охранять» проход караванов через их землю, т. е. попросту не грабить.

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 210.

Но к северу от Кабульской реки дело обстоит еще хуже. На большой части карт здесь оставляется большое белое пятно, не отнесенное ни к одной из соседних держав; пятно это с юга почти доходит до реки, с востока ограничено британской и кашмирской границами, с севера, на протяжении около 500 верст, Гиндукушем, а на западе вдается углом в Афганистан в сторону Кабула, этот угол занят Кафиристаном, то есть страной «неверных», как называются у соседей-магометан малоизвестные арийские племена, сохранившие независимость и первобытную религию.

Все это пространство в высшей степени пересечено и труднодоступно; здесь по всем направлениям скрещиваются огромные кряжи гор высотой с Главный Кавказский хребет и даже более и замкнутые долины, сообщающиеся друг с другом узкими ущельями, головоломными тропинками, проложенными вдоль отвесных скал с перекинутыми через бурные потоки плетеными мостами или едва проходимыми высокими перевалами. Благодаря такому характеру страны в ней могли сохранить независимость разные мелкие владения или вольные племена под боком у могущественных соседей».

Статья, вышедшая в «Кавказе», была посвящена планам эмира Афганистана подчинить себе тот самый Кафиристан и захвату городка Асмар. Тема эта была настолько волнительной, что уже на следующий день, 10 апреля, в той же газете появилась новая публикация.

«Занятие Асмара открывает афганцам путь в три стороны: на запад в Кафиристан, который оказывается таким образом обойденным с фланга и может подвергнуться нападению с двух сторон, на север — в Читрал и на восток в Баджоур, владение побежденного Амра-хана.

Но Кафиристан и Баджоур представляют для эмира Абдурахмана лакомые кусочки, на которые он давно точит зубы и нападение на которые является теперь более легким, чем когда-либо; к сожалению, англо-индийское правительство также «интересуется» этими странами».

5

Само это место не менее загадочно, чем Шамбала, хотя и имеет конкретное географическое расположение. Возможно, именно поэтому там, по сведениям Георгия Ивановича, и располагался один из четырех монастырей так называемого «Мирового братства».

Кафиристан — страна неверных — кафиров, так переводится на русский язык наименование этого далекого и почти недоступного района, лежащего на востоке Афганистана и северо-запада нынешнего Пакистана, а во времена, описываемые в книге Гурджиева, части британской Индии. Здесь, на стыке Гиндукуша, Памира и Гималаев, по сию пору живут странные, не похожие на многих других племена, пытающиеся сохранить свои обычаи и идентичность. Но усиливающийся на-

тиск насильственной исламизации оставляет им мало шансов.

Русский военный агент в иранском Хоросане подполковник Скуратов сообщал в МИД в августе 1914 года: «Кафиры — сиях-пуши, составляющие массу населения Кафиристана /Нуристана/, в части его, вошедшей в описываемый район, населяют только ущелье Пири-дэррэ ниже г. Асмара. Число их незначительное»¹.

Само происхождение кафиров, или, как иначе они себя называют, калаши, сияхпуши, загадочно. Эти аборигены, проживающие в окрестностях города Читрал, так же упоминаемого Гурджиевым в связи с историей монастыря «Мирового братства», утверждают, что в действительности они потомки воинов Александра Македонского, которые после похода решили не возвращаться в Грецию и Малую Азию. Почвы для такой уверенности предостаточно. Этот народ изготавливает странные серебряные чаши-кубки для вина, весьма напоминающие греческие, делает амфоры и светильники, практически идентичные античным, выращивает виноградную лозу. Калаши поклоняются божеству Малуш — специфическому кентавру с головой лошади и телом человека.

Селения таких потомков разбежавшейся греческой армии встречаются не только здесь, но и на Памире, в Горном Бадахшане, в окрестностях хребта Язгулем, в Гиссаре и в расположенном в Индии в долине Кулу поселке Малана.

¹ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 755. Л. 131.

В Малане не только утверждают, что имеют греческую родословную, но даже говорят на языке, в котором половина слов греческого происхождения. В селении исповедуют и культ странного нетипичного для индусов божества — Джамлу. Он, собственно, является главным вершителем судеб всех обитателей деревни, фактическим судьей. Джамлу живет в расположенном в центре деревни старинном деревянном храме. Свою волю он оглашает общине с помощью жреца, который вот уже несколько тысячелетий носит имя (внимание!) — Гур.

Я был двое суток в окружении этих странных, неприветливых и, честно сказать, неграмотных ханжей. Меня занесло туда в один из тех дней, когда полицейский спецназ Индии прибыл в Малану для того, чтобы с помощью обычных газонокосилок и мачете уничтожить урожай маланской конопли, или, как называют ее высушенный субстрат наркодилеры, — *malana slim*.

Это было напряженное время. Ночью маланцы забросали камнями палатки полицейских. Но утром те вновь принялись за работу, выставив охранение. Агент в среде жителей Маланы сообщал им о недовольстве населения.

Надо сказать, что местные жители столетиями жили почти изолированно от внешнего мира, а своих соплеменников, уходивших вниз, к людям, обратно не принимали, считая их уже испорченными и нечистыми.

Сама система правления в деревне — много столетий существующая демократия. Все совершеннолетнее население — выборщики, и решения принимаются не большинством голосов, а исключительно всеми. Даже если имеется один голос «против», то решение не пройдет.

Здесь 80-процентная детская смертность, и это понятно. Четыре семьи, которые еще в начале заселения этих мест образовали Малану, за эти тысячелетия перероднились вдоль и поперек, и в деревне существует целая система разрешения на вступление в брак, но и она уже давно не спасает от кровосмешения, которое здесь налицо. За идентичность приходится дорого платить смертью своих детей.

И все это при тотальной безграмотности.

Хотя существуют некие старики наподобие жрецов, которые и берегут заветы предков, связанные с древними религиозными церемониями и тайными культами.

Малана, собственно, малодоступное плато и часть прилегающих к нему горных лесов и пастбищ. В деревне не принято пожимать руки чужакам. Женщины и дети при виде инородца зажимают носы и с шипением убегают. Когда я взял в единственной в деревне лавке нехитрое украшение, торговец в ужасе убежал в глубь дома, считав отныне эту вещь нечистой. И это презрение к чужакам уживается у сегодняшних маланцев с параболическими антеннами и мобильными телефонами. Без них были бы невозможны наркотрафик и серьезные доходы владельцев конопляных полей.

Но тем не менее в деревне постоянно проживает обширная колония молодых евреев-израильтян. Их гест-хаусы расположены по периметру деревни. Здесь эти юные наркоманы медитируют, наслаждаясь горным пейзажем, и раскумаривают анашу. Они все напоминают Боба Марли. Имеют дреды и вязанные шапочки.

Нельзя исключить, что, возможно, в этих селениях до сих пор практикуются странные обряды седой древности: элевсинские мистерии, орфизм и дионисийство.

Тем интересней, что именно к таким сообществам и влечет инстинкт странствий каппадокийского грека Георгиадиса-Гурджиева, именно в подобных местах Кафиристана он и встречается наполовину грека, наполовину итальянца отца Джованни, одного из обитателей монастыря «Мирового братства».

Глава 7

Привратники Шамбалы

1

Словарь «Буддизм» определяет Шамбалу как полулегендарную страну и заключает, что вопрос о ее расположении является дискуссионным. В широком смысле Шамбала — это недостижимое место, где находятся хранители главной тайны мира. Ее искали на Алтае, Памире и в Гималаях. Если разговор вести о потайной территории, то располагаться она может где угодно, да и называться тоже может совсем иначе. Не в этих дефинициях дело. Возможно, расположение и название носят личный характер и, следовательно, зависят лишь от собственного отношения к легенде.

Это обстоятельство является ключевым в биографии Георгия Ивановича, наметившего однажды маршрут своего путешествия и прошедшего его своей личной тропой. А то, что на ней возникло Сармунгское братство, а, скажем, не Шамбала, по сути ничего не меняет.

Сармунгское братство — одна из самых главных тайн Гурджиева. Я встречал людей, которые

были готовы отправиться на поиски этого общества познавших мудрость даже в воюющий Афганистан, так как там и располагается провинция Кафиристан, где якобы и находится монастырь братства. Легенда, рассказанная в книге «Встречи с замечательными людьми», рисует весьма затерянную недоступную обитель некоего «Мирового братства».

Гурджиев пишет: «Как мы прежде узнали, адепты этого монастыря были в прошлом христианами, иудаистами, магометанами, буддистами, ламаистами и был даже один шаманист. Они все были соединены одним Богом — Истиной»¹.

Со слов обитателя загадочного Сармунга некоего отца Джованни Гурджиеву стало известно — братство имеет четыре монастыря: один в Кафиристане, второй в долине Памира, третий в Тибете, а четвертый в Индии². И два проповедника совершают постоянное паломничество между этими затерянными в самых высоких горах мира обителями.

Отец Джованни, по-видимому, католический священник, примкнувший к братству, посвятил Гурджиева и бывшего с ним профессора Скридлова в тонкости обычаев закрытого общества.

«В течение этих бесед отец Джованни, — пишет Гурджиев, — много рассказывал нам о внутренней жизни братьев и о принципах ежедневно-

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 220.

² Там же. С. 222.

го существования, связанных с этой внутренней жизнью; и однажды, говоря о других братствах, организованных много веков назад в Азии, он поведал нам немного более подробно об этом «Мировом братстве», в которое мог войти любой человек независимо от религии, которую он прежде исповедовал»¹.

В самом Сармунге, о чем говорит Георгий Иванович, лишь одно здание было закрыто от остальных членов братства. Там жил главный шейх. Его могли видеть лишь адепты, достигшие высокой степени посвящения.

В книге Беннета я наткнулся на некоторую интерпретацию перевода названия. «Позже это братство, — пишет англичанин, — получило название общества Сарман от персидских слов, означавших «голова» и «чистый». Кроме того, слово «сарман» можно перевести и как «пчела». Игра слов, столь популярная на Востоке, отражает двойную ответственность»².

Объяснение Беннета ничего не давало для понимания миссии монастыря и его духовных истоков, которые, несомненно, имелись. Казалось любопытным, что люди самых разных религий могли войти в братство, хотя путь к нему, по крайней мере, для Гурджиева, был связан с общинами дервишей и с их авторитетными указаниями.

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 220.

² Беннет Дж. Г. Учителя мудрости. М., 1999.

Создатель тайного общества «Единое трудовое братство» Александр Барченко правомерно объединял различные мифические и полумифические страны в одно духовное пространство: «Все это: у Сент-Ива Д'Альвейдера — Агарта; у тибетцев — Шамбала; у Гурджиева — знание древней науки из Кафиристана...»¹

Среди различных религиозных братств, существовавших на Памире и Гиндукуше, имелись весьма разнообразные и экзотические. В этих краях всегда укрывались и долго существовали носители различных мистических учений и культов.

Так, «по некоторым свидетельствам местных жителей, в низовьях Гунта в месте слияния с Шох-Дарой еще в XIX веке был какой-то христианский монастырь»². Вполне возможно, что это был один из еретических несторианских центров. Но мог ли он иметь отношение к Сармунгскому братству?

Я просмотрел книгу Лефорта «Учителя Гурджиева», а потом весьма осведомленное исследование Мухаммеда Али Мирзы Казем-Бека «Мюридизм и Шамиль», где имеется очень подробный перечень 35 суфийских орденов и сообщается о шестистах знаменитых шейхах. Я перечел множество исследований о дервишах, и все время у меня было одно навязчивое ощущение, что я брожу где-то рядом, что следы Сармунга петляют у меня

¹ Архив ФСБ. Дело А.В. Барченко. Допрос от 10 июня 1937 года.

² *Иоанн Горненский*. Легенды Гиндукуша. М., 2000. С. 22.

перед глазами и только не могу разглядеть их на затейливом книжном узоре.

Так продолжалось до тех пор, пока в августе 1998 года я по просьбе одного русского-исмаилита, живущего в Великобритании, не принялся за собирание документов, касающихся жизни исмаилитов — подданных Российской империи XIX века.

2

В 1904 году русский барон Черкасов с целью изучения и, видимо, имперской ревизии отправился в припамирские бекства, то есть горные княжества Бухарского ханства. Об этом событии путешественник составил подробнейший информационный отчет для МИДа, чиновником которого он состоял. Земли Памира совсем недавно были присоединены к Российской империи, точнее, к ее вассалу — Бухарскому эмирату. В Припамирье традиционно проживали таджики, исповадовавшие странное и еретическое исламское учение исмаилизма.

Об этой мистической доктрине есть разные мнения. Одно из них, весьма устойчивое, утверждает: «Памирский вариант исмаилизма, как кажется, проникнут идеями буддизма, в частности, учением о переселении душ (metempsychosis)»¹.

¹ Харюков Л. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М., 1995. С. 107.

Казем-Бек же даже считал, что учение о переселении души, так же, как и учение огнепоклонников, оставило свои следы во многих сектах Средней Азии. Он утверждал: «Буддизм же, давно раскинувший по этим странам свои ветви, вместе с философией Зороастра, оставил семена учения о воплощении божества в образе человека»¹.

Барон Черкасов фотографировал так называемых ишанов и общался с этими духовными наставниками памирских религиозных общин, имевших большой вес среди местного населения. Эти разговоры он скрупулезно фиксировал, и из них мы знаем, что «по словам памирских ишанов, Ага-хан является духовным главою всех людей, желающих руководствоваться в жизни известными этико-философскими положениями безотносительно к официально исповедуемой ими религии. Поэтому в числе мюридов Ага-хана имеются будто бы не только мусульмане всех сект, но и язычники браманисты и даже христиане. Число всех мюридов Ага-хана достигает 800 000 человек, которые все обязаны беспрекословно подчиняться своему главе и пиру и вносить зякет»².

Получалось, что такая община была в принципе открыта для многих и не требовала изменения религиозных взглядов неофитов. Достаточно было лишь разделять этику исмаилизма.

На Памире родилось специфическое учение, которое вобрало в себя то, что в общем-то мы

¹ Казем-Бек М. Избранные произведения. Баку, 1985. С. 25.

² АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 895. Л. 519 (об.).

вправе называть древней наукой. Барон Черкасов дал ряд разъяснений, связанных с мистическим учением «Пяти пальцев» и сделал весьма неожиданные открытия.

«Признавая главнейшими святынями Мухамада, дочь его Фатьму, зятя Али и внуков Хасана и Хусейна, — писал дипломат, — свою религию таджики между собой называют джни-пэндж-тэн, «религия пяти особ», а себя адептами этой религии — пэндж-тэни. Символическим знаком принадлежности к «пэндж-тэн» служит рука с расставленными пятью пальцами, изображение которой часто встречается на скалах и камнях в Шугнанае и Вахане.

Учение это, несомненно, народилось из исмаилизма, но отошло от него так далеко, что я положительно считаю пэндж-тэн совершенно особой религией, имеющей с мусульманством столько же общего, сколько персидский бабизм, — т. е. почти ничего. Основатель религии Шах Насири Хосров, живший в XIII веке нашей эры, как сказано в его жизнеописании, приложенном к книге «Ишар», изучал в Бухаре не только мусульманское богословие, но основательно познакомился также с Новым и Ветхим Заветом.

Затем он жил при дворе халифа Аль Мустансира Билла (во второй половине XIII века) в Египте, где, как известно, исмаилизм достиг в X веке при халифе-фатимиде Аль-Хаким-би-амралла крайних уродливых форм развития. В учении Шах-Насири-Хосров перемешаны доктрины чистого ис-

лама, учения Христа, секты исмаилитов и даже брахманизма. К этому народ от себя прибавил остатки древнего огнепоклонничества и фетишизма, и в результате получился странный конгломерат, каким ныне представляется по внешности религия пэндж-тэн.

Из обязанностей, возложенных на мусульман их пророком, пятикратная ежедневная молитва, паломничество к святым местам, пост и омовение являются для массы пэндж тэни необязательными, а потому никем не исполняются.

Обрезание и многоженство — вот то, что осталось в религии пэндж тэн от ислама. Подоходный налог в пользу бедных — зякет в исламе — выражается в форме пожертвования одной десятой части со всего получаемого пэндж тэни своему бомбейскому пиру»¹.

«Бомбейский пир» — живой бог исмаилитов Ага-хан. Тот самый человек, о котором Гурджиеву достаточно много поведал князь Бебутов, о чем мы говорили в 3-й главе.

Барон Черкасов настаивал, что все духовные лидеры памирцев являются выходцами из Ирана, откуда они принесли таинственное учение. Многие из них имели родословную, уходившую к самому имаму Али — зятю и двоюродному брату пророка Мухаммеда, мученически погибшему. Барон Черкасов особо останавливался на этом моменте: «Религиозные главари таджиков все счита-

¹ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 895. Л. 513—515.

ются сеидами — потомками Али. Несеид ишаном быть не может. Таким образом, знание ишана остается в одних и тех же семьях, переходя преимущественно, хотя и не всегда, от отца к старшему сыну, если последний окажется, по мнению общины мюридов, достойным стать их фетишем и получит утверждение от главы религии Ага-хана. Готовящиеся в ишаны сеиды изучают Коран и священные книги своей религии, из которых главных четыре: «Ваджхуд-дир» («Наставление в вере»), иначе «Калами-пир» («Слово наставника»), «Уммуль-Китаб» («Мать книг»), «Хефт-баб» («Семь глав») и «Ишар» — краткое изложение в стихах книги «Калами-пир». Есть и другие сочинения, ознакомление с которыми для ишанов необязательно, — «Рушнан-наме», «Казкуль-хакаи» и «Диван» совершенно, кажется, неизвестного европейским ориенталистам персидского поэта-суфия и вольнодумца Шамсуд-дина-Табризи¹.

Шамсуд-дин-Табризи был тем не менее особо почитаем у исмаилитов и стал героем их многих легендарных рассказов². Он был также известен как друг и духовный наставник Джалаладина Руми, основавшего орден «вертящихся» дервишей.

На протяжении многих столетий секта исмаилитов была овеяна множеством легенд, и особенно громко прозвучало их учение во время Крестовых походов, когда в XI веке Хасан ас-Сабах,

¹ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 895. Л. 516.

² *Дафтари Ф.* Краткая история исмаилизма. М., 2003. С. 166.

прозванный позднее Старцем горы, образовал группу исмаилитов, более известных как ассасины, или гашишины. Непрístupная цитадель пророка называлась Аламут и располагалась в горах на западе Ирана. Эту крепость последователи нового наркотического пророка называли Орлиным гнездом. В этом месте исмаилиты провозгласили Великое Воскрешение и стали распространять слухи о том, что в цитадели явлено чудо — там возник рай на земле и все его удовольствия, описанные в сурах Корана.

Тем, кто решил вступить в пределы этого рая и в члены этого братства, предлагали попробовать чудесного напитка, содержавшего в себе большую долю наркотика. В этом состоянии новообращенных вводили в искусственный рай с экзотическими садами, фонтанами и сказочными красавицами. После того как они засыпали, их снова буквально переносили в привычное жилье. Но обещали возвращение в необыкновенное место, в тот самый рай после совершения намеченного политического убийства и собственной смерти. Бедь Старец горы позволил им видеть то, что в действительности их ожидает в раю.

Конец ассасинам положило монгольское нашествие. В 1221 году орды Сабудея и Джаме лавиной обрушились на Западную Персию, и противостоять им ассасины не смогли. Крепость Аламут была разрушена, а наркотический рай с его красавицами и богатствами разграблен и предан огню.

В последующие столетия исмаилиты вынуждены были уходить в подполье, скрывать свои общины от репрессий, развязанных против них традиционными мусульманами, как суннитами, так и шиитами.

Вот что об исмаилистской конспирации пишет Фархад Дафтари: «...тезис о том, что все исмаилиты-низариты Персии и сопредельных стран скрылись под маской другой веры, остается верным»¹.

Но о какой вере идет речь? Чью личину избирали для себя хранители древнего знания? Что казалось им надежным способом?

«...персидские низариты, — утверждает Дафтари, — осуществляли практику сокрытия своей религиозной принадлежности, рядились в одежды суфизма, в действительности не принадлежали ни к одному из суфийских орденов, или тарика, распространившихся в монгольской Персии. Организация и раннее развитие этого феномена остаются не вполне ясными. Вскоре такая практика получила широкое распространение среди низаритов других регионов. Самое раннее письменное подтверждение этому найдено в сочинениях низаритского поэта Хакима ад-Дина, более известного как Низами Кухистани. В действительности он, возможно, был самым первым низаритским автором посталамутского периода, которому удалось найти поэтические и суфийские

¹ Дафтари Ф. Краткая история исмаилизма. М., 2003. С. 167.

формы выражения для сокрытия исмаилистских идей — модель, принятую позднее низаритскими авторами Персии, Афганистана и Центральной Азии»¹.

Дервиши, у которых Гурджиев искал озарений, на самом деле были не дервишами, а исмаилитами, и они действительно обладали тайными знаниями в древних науках. Это признавали даже мусульманские эксперты, такие, как ал-Фахри, писавшие о том, что учение исмаилитов имело «заимствования у магов, маздакитов, дуалистов, древних философов»².

3

Есть странная история, которую я вспоминаю достаточно часто. Ее рассказал мне московский химик Адам Михайлович Гонопольский, и при некоторой ее фантастичности я, однако, в нее поверил.

Начало 1970-х годов. Но точно до октября 1973 года. Лето в Пскове. Двое молодых офицеров-химиков. Они попали в часть сразу после института. Год службы уже пролетел, и наступил срок положенного летнего отпуска. Но молодые люди решили домой не ехать, а отправиться в Среднюю Азию в романтическое путешествие. Сделать это было нетрудно. Туда каждую неделю с

¹ Дафтари Ф. Краткая история исмаилизма. М., 2003. С. 167.

² Али ибн Мухаммад ибн Абдаллах ал-Фахри. Краткое разъяснение к перечню последователей разных вер. М., 1988. С. 32.

местного военного аэродрома уходил транспортный самолет.

Они отправились в Узбекистан, если еще точнее, — в древнюю Бухару. Хотели посмотреть великий город. Ехали туда, видимо, не вслепую: кто-то надоумил их обратиться к Сергею Николаевичу Юреневу. Они имели к нему рекомендательное письмо. Молодые офицеры хотели побывать в древних городах и на раскопках.

Обстановка, которую они увидели дома у Юренева, была весьма экзотичной. Примерно в это же время или чуть-чуть раньше дом Юренева посетил китаист Лев Сычев. Вот как он описывал жилище таинственного старика, расположенное в худжре медресе XVI века, — жилище, которое, по всей видимости, именно таким и предстало перед глазами молодых офицеров: «Невероятное количество диковинных вещей заполняло мрак кельи, и это ощущение их диковинности усиливалось тем, что я не мог их рассмотреть. Все внимание сосредоточивалось на иконописном лике невероятно высокого старца, высокого еще и потому, что пол худжры имеет два уровня и Сергей Николаевич стоял на возвышении. Но я неправильно, может быть, определил его лик как иконописный... да, в нем есть какая-то иконописная елейность и торжественность, но в то же время есть что-то в высшей мере человеческое, симпатичное и аристократически утонченное.

Особенно же покоряют его интонации, его дикция, необычайно приятный тембр голоса и очень-очень несовременные модуляции. Пока

Сергей Николаевич приготавливал на керосинке кофе, я немного огляделся. Комната похожа на кавказского джигита былых времен, одетого в лохмотья, но при серебряном, тончайшей работы оружии. При невероятной убогости обстановки изобилие чудесных вещей и какая-то особая их жизнь, общая с обитателем этой кельи. Очень много керамики, но керамики особого вкуса, дикой, созданной стихийно, по принципу изречения Лао-цзы: «великое красноречие говорит заикаясь...» Это то, что особенно ценится японцами в качестве посуды для чайной церемонии. С потолка свешиваются нанизанные на длинные шнуры какие-то странные предметы, не то камни, не то кусочки причудливых корней. А в другом месте на протянутых под потолком веревках висят черные, чуть седоватые большие бубенцы и небольшие колокола, очень необычной строгой формы. В стене прямо напротив входа ниша. В ней стоит прислоненное к стене узбекское блюдо, а перед ним теплится крошечная свечка, бросающая на поливу блюда таинственные отблески.

Сергей Николаевич курит свою неизменную трубку, а пепел стряхивает в стоящий на столике китайский треножник, на дне которого значатся китайские иероглифы — эпоха Великой Мин, период Сюань-дэ, XV век! А рядом с треножником лежит большая медаль с изображением левого ангела из рублевской «Троицы». Как только Сергей Николаевич усадил меня, он возжег передо мной фимиам — палочку индийских курений с необычайно тонким ароматом и с восторгом следил за

причудливыми, ленивыми сплетениями двух струек дыма»¹.

Впрочем, среди лозунгов и изречений, украсивших его дом, были и весьма неожиданные. На стене его кабинета висел один весьма шокирующий девиз: «На все насрать».

Хозяин экзотического дома оказался человеком радушным и знающим: он дал офицерам несколько рекомендаций на раскопки и еще одну записку в весьма экзотическое место.

Тот же Сычев, описание которого давалось выше, считал, что Юренев не знал арабского и был человеком слишком православным. Однако офицеры получили от него послание на одном из восточных языков, каком — они не смогли определить.

И вот, побывав в разных уголках Узбекистана и Киргизии, двое молодых людей очутились в городе Ош, что расположен рядом с киргизской частью Памира. Надо сказать, что место, в которое они отправлялись, первоначально не входило в список их посещений, но его рекомендовал сам Юренев.

На автовокзале они дождались маршрута и вскоре сошли за городом на указанной Сергеем Николаевичем остановке. Пройдя небольшое расстояние, они очутились перед деревянной массивной дверью, которая вела прямо в глубь скалы.

¹ Юренев Сергей Николаевич. К столетию со дня рождения. Бухара, 1996. С. 14—15.

То, что рассказывалось дальше, меня лично поразило. Когда дверь открыли, спутники оказались на территории странного монастыря. К ним вышел человек в белой одежде, по виду киргиз. Но остальные монахи были в черном и имели как бы более европейскую внешность. Возможно, они были иранцами или таджиками. Записку Юренева офицеры передали настоятелю этого странного монастыря. Рекомендация произвела на него впечатление, и вскоре он рассказал гостям краткую историю монастыря. Суть ее сводилась буквально к тому, что их обители более двух с половиной тысяч лет и они имеют прямую устную передачу от Будды.

В это утверждение можно было бы не поверить, однако офицеры находились на территории храмового комплекса. Само сооружение располагалось внутри громадной скалы. Она была пронизана штольнями, уходившими вниз и вверх и имевшими множество ступеней, внешний вид которых убеждал в древности обители. Внутри имелись многочисленные статуи Будды, вырубленные прямо в толще горы, специфические кельи, а на вершине скалы, куда вели штольни, находились делянки. Здесь, на нанесенной снизу земле, выращивались овощи и другие необходимые для монастырской жизни растения. Из рассказов было ясно, что монастырь не контактировал с внешним миром и старался самостоятельно обеспечить свои потребности.

Вспоминая историю об этом «буддийском» монастыре и рассказы Гурджиева о Сармунгском

братстве, я случайно натолкнулся на письмо генерала от кавалерии Тевяшова, посланное в МИД в Санкт-Петербург 4 декабря 1904 года. Освещающая деятельность крупного исмаилистского ишана, он доносил по инстанции: «Помимо Юсуф-Али-Ша и группы влиятельных таджиков, временно проживающих вместе с ним в Ташкенте, ходжам надлежит до ездки на Памиры съездить на свидание с главарями одного из второстепенных центров исмаилизма в городе Ош»¹.

Возможно, что отец Джованни из Сармунгского братства, говоря о втором «монастыре в Памире», имел в виду этот странный, закрывшийся от внешнего мира пещерный храм.

¹ АВПРИ. Ф. 214. Генеральное консульство в Бомбее. Оп. 779. Д. 24. Л. 55.

Глава 8

Возвращение в революцию?

1

Пути по нагорьям и пустыням Азии были для Гурджиева чрезвычайно извилистыми. Жизнь в тайных обителях стала для искателя истины формой сокрытия своих духовных и жизненных целей, местом, где совершенствовался дух и постигались важные начала древней науки.

Но так уж получается, что мистика и политика взаимопроникают друг в друга, а то, что лежит в законспирированных пещерах, может оказаться влиятельным полюсом планетарного масштаба.

Интересно, что пути искателей истины привели Гурджиева из дашнакцутюна и, возможно, эсеров в общины исмаилитов, которые создавались когда-то аламутским старцем как тренировочные лагеря убийц-ассасинов и были исторически ассоциированы с первыми политическими убийствами и терактами.

2

Поиск следов Гурджиева — весьма странное дело. Иногда ты набредаешь на экстравагантные

повороты сюжета. Так, изучая историю чиатурского выстрела, я волей-неволей решил обратиться к архивам Особого отдела Департамента полиции, разумно предполагая, что такая организация не могла пройти мимо личности Гурджиева. Карточка этого учреждения довольно объемна и включает в себя информацию на тысячи людей. Среди них я обнаружил некоего Георгиади.

Надо понимать, что написание имен и фамилий в то время весьма варьировалось. К тому же иностранные фамилии, например греческие, могли по-русски звучать чуть иначе и даже разными людьми писаться по-другому. Паспортная система в ту пору была не столь жесткой, поэтому и транскрипция варьировалась. К тому же люди, владельцы фамилий, если им было что скрывать, так же жонглировали с написанием в официальных документах.

Вот так мне попался Георгий Георгиади. В России так часто переименовывали греческие фамилии, сглатывая конечное «с». Не подходило только отчество — Константинович. Но для задержанного полицией измененное отчество тоже могло быть неким шансом скрыть часть своей жизни и не быть установленным лицом.

Вот что сообщалось в деле о террористах: 4 августа 1907 года в Ашхабаде на квартире некоего Гольдова, члена боевой дружины эсеровской организации, полиция произвела обыск. Результатом его стало обнаружение карандашного списка членов подпольного террористического центра. Одним из членов, фигурировавшим в этом спи-

ске, оказался некто Георгий Константинович Георгиади. В Ашхабаде, Бухаре и Самарканде, где проживали члены боевой дружины, последовали аресты всех тех, кто проходил по этому списку.

Я довольно долго и тщательно перечитывал этот полицейский отчет и допрос задержанного. Вначале мне показалось, что я ошибся и этот человек не имеет отношения к Гурджиеву. Просто это какой переселенец-грек, член террористической группы. Однако что-то меня настораживало, и я вновь и вновь перечитывал архивный пожелтевший документ, который назывался «Разбор шифровальной телеграммы из Самарканда от губернатора Гаскет на имя министра внутренних дел. Входящий № 21810». Он пришел в МВД 24 августа 1907 года и звучал следующим образом: «В дополнение от телеграммы от 22-го сего августа № 208. Имею честь сообщить список задержанных: служащие железной дороги, машинисты и слесаря Иван Чернуха, Алексей Гольдов, Григорий Кузнецов, Алексей Матренин, Осип Андреев, Василий Склюев, Николай Каменский, Харитон Зелинский, Дмитрий Першин, Михаил Щербинин, Василий Котов, Андрей Анучин, Дмитрий Федотов, Леонтий Ситников, Семен Ситников, Константин Семенов, Сергей Клишин, Алексей Семенов, Александр Маграцкий, Николай Антропов, Василий Липутин, мелкий торговец Николай Марков, солдат второго Закаспийского железнодорожного батальона Иосиф Миронов, запасный нижний чин, не имеющий определенного рода занятий грек Георгий Георгиади, студент Томского политехни-

ческого института Петр Гомелецкий, служащие частных контор Сергей Огарышев, Николай Пысин и писец окружного суда Василий Суетин»¹.

Потом я понял, что цепляло мой глаз: соседство фамилии Георгиади и солдата второго Закаспийского железнодорожного батальона некоего Иосифа Миронова. Именно этот человек и помог мне понять, где с 28 июля по 18 октября 1907 года находился Георгий Гурджиев. Этот самый солдат, правда, под фамилией Соловьев появляется в книге Гурджиева «Встречи с замечательными людьми». Вот как в книге звучит этот текст: «Встав на военный учет, Соловьев устроился телефонистом на почту. Он должен был ждать несколько месяцев своего призыва, так как его категория рекрутировалась по особому распоряжению. Поэтому он жил со своими родителями еще три или четыре месяца до предписания выехать с железнодорожным батальоном в распоряжение Закаспийской железной дороги, которая в то время была еще военной»².

Закаспийская железная дорога имела стратегическое значение. Ее строительство, начатое в 1881 году, проходило под контролем Генерального штаба, в рамках так называемого ахалтекинского похода, фактически карательной акции против работорговцев. Уже шесть лет как был сдан участок от Чарджоу до Самарканда. А в

¹ ГАРФ. Д. П. Ф. 102. Опись. Д. п. 7. 1907. 1 ч. 77. Л. 15.

² Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 140.

1896 году железная дорога пришла в Ферганскую долину, соединив Самарканд с Андижаном. В 1900 году дорога подошла фактически к границе с Афганистаном, когда в городке Кушка был открыт железнодорожный вокзал.

Гурджиев не раз упоминает в своих «Встречах...», как он пользовался поездами в этих отдаленных уголках страны.

О Соловьеве Георгий Иванович рассказывал довольно подробно: «Он прибыл в Красноводский гарнизон и прослужил несколько недель рядовым во второй запасной роте. Потом его назначили в подразделение Кушкинской линии. Но там он вскоре заболел желтухой и был отправлен в госпиталь в Мевр. Когда он выздоровел, его направили в штаб армии в Самарканд, а затем в военный госпиталь, чтобы проверить на пригодность для дальнейшей военной службы.

В главном корпусе госпиталя, куда был помещен Соловьев, была также другая палата для больных заключенных. Гуляя по коридору и иногда разговаривая с заключенными через небольшое окно, он познакомился с одним из них, поляком, который обвинялся в фальшивомонетничестве.

Когда Соловьева комиссовали от службы из-за плохого здоровья и он вышел из госпиталя, этот заключенный-поляк попросил передать письмо другу, который жил недалеко от станции в Самарканде»¹.

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 140—141.

Дело боевой дружины эсеровской организации вело Седьмое делопроизводство. Это управление считалось политическим, а литера «Б», стоявшая в верхнем левом углу главного документа, указывала на то, что ведением следствия занимается подразделение «Б» Особого отдела Департамента, специализировавшееся на ведении наблюдения за общественными движениями, профсоюзами, имеющими политический характер, революционными выступлениями среди рабочих, крестьян, учащихся, и особо выделялись телеграфисты и железнодорожники.

«Секретно.

Сведения о лице, привлеченном к дознанию в качестве обвиняемого по делу о боевой дружине Самаркандской группы партии С.Р.

1) Когда послана литера А — 4 августа 1907 года за № 5.

2) Фамилия, имя, отчество (о замужних упомянуть первоначальную фамилию) — Георгий Константинович Георгиади.

3) Время рождения — 26 лет.

4) Место рождения — г. Харьков.

5) Вероисповедание — православный.

6) Происхождение — мещанин.

7) Народность — грек.

8) Подданство — российское.

9) Звание — кондитер г. Баку.

- 10) Место постоянного жительства — г. Баку.
- 11) Место прописки — Харьковская губерния.
- 12) Занятие — кондитер.
- 13) Средства к жизни — личный труд.
- 14) Семейное положение — холост.
- 15) Родственные связи — отец Константин Николаевич, сторож при городском училище, мать Мария Васильевна, брат новорожденный и сестры Наталья и Маргарита при родителях.
- 16) Место постоянного жительства родителей или замещающих их опекунов — г. Харьков.
- 17) Экономическое положение родителей — без средств.
- 18) Место воспитания — без образования.
- 19) На чей счет воспитывался — прочерк.
- 20) Был ли за границей, когда именно, где и с какой целью — не был.
- 21) Привлекался ли раньше к дознаниям — не привлекался.
- 22) Основания привлечения к настоящему дознанию — агентурные сведения.
- 23) Время привлечения к дознанию — 4 августа 1907 года.
- 24) Место производства дознания — Самарканд.
- 25) Время и место обыска или ареста — 28 дня июля месяца 1907 года.
- 26) Время первого допроса — 7 августа 1907 года.
- 27) Что обнаружено по обыску — ...

28) Принятая мера пресечения — заключен под стражу в Самаркандскую тюрьму»¹.

Задержанный явно стремился перехитрить следствие, и через 20 дней он дает совершенно иные показания, которые отправляет в Петербург Отдельного корпуса жандармов ротмистр Явор 26 августа 1907 года.

«Первоначально назвал себя Георгием Георгиади. Лит. Б послана 26 августа № 16.

1) Когда послана литера А — 4 августа 1907 г. за № 5.

2) Фамилия, имя, отчество (о замужних упомянуть первоначальную фамилию) — Шагинов Паруин /он же Регеус/ Шагинович.

3) Время рождения — 26 лет.

4) Место рождения — Тифлисская губерния, Боргалинский уезд, селение Гюль-Агарак.

5) Вероисповедание — армяно-грегорианское.

6) Происхождение — из крестьян.

7) Народность — армянин.

8) Подданство — российское.

9) Звание — ...

10) Место постоянного жительства — г. Тифлис.

11) Место прописки — с. Гюль-Агарак.

12) Занятие — сапожник.

13) Средства к жизни — личный труд.

14) Семейное положение — холост.

15) Родственные связи — отец Шагин Георгиев

¹ ГАРФ. Д. П. Ф. 102. Опись. Д. п. 7. 1907. 1 ч. 77. Л. 4—5.

Шагинов, мать Шушан, братья: Баград, Амаяк, Самбад, Макртыч и сестра Айкануш — при родителях. Сестра Пепрон замужем за Гамбаровым, подрядчиком в с. Джемал-оглы Тифлисской губернии. Отец живет в селении Гюль-Агарак. Подрядчик.

16) Место постоянного жительства родителей или замещающих их опекунов — с. Гюль-Агарак.

17) Экономическое положение родителей — отец имеет землю.

18) Место воспитания — кончил одноклассную сельскую школу в селении Гюль-Агарак.

19) На чей счет воспитывался — на счет родителей.

20) Был ли за границей, когда именно, где и с какой целью — не был.

21) Привлекался ли раньше к дознаниям — был судим Ташкентской судебной палатой за произнесение речей и приговорен к годичному заключению в крепость.

22) Основания привлечения к настоящему дознанию — агентурные сведения.

23) Время привлечения к дознанию — 4 августа 1907 года.

24) Место производства дознания — Самарканд.

25) Время и место обыска или ареста — 28 дня июля месяца 1907 года.

26) Время первого допроса — 7 августа 1907 года.

27) Что обнаружено по обыску — записки и письма.

28) Принятая мера пресечения — содержание под стражей в Самаркандской областной тюрьме»¹.

История Соловьева-Миронова поучительна тем, как Гурджиев конспирирует своих друзей. И это тем более показательно при сравнении «Встречи с замечательными людьми» и «Жизнь реальна только тогда, когда «Я есть».

«Я не рискнул остаться в Самарканде...»² — сообщает Гурджиев и аргументирует отъезд тем, что он якобы занимался на манер солдата Швейка подделкой воробьев под канареек с помощью раскрашивания.

Из книги «Жизнь реальна только тогда, когда «Я есть» недвусмысленно следует, что путешествие Гурджиева в Туркестан было предпринято после злополучного ранения.

Из «Встреч с замечательными людьми» уже ясно, что в Ашхабаде произошло знакомство с Соловьевым-Мироновым. Но вот смерть этого героя Гурджиев упрямо переносит в 1898 год!

«Во время одной из этих экспедиций в 1898 году он погиб от укуса дикого верблюда в пустыне Такла-Макан»³.

Надо сказать, что никаких дополнительных документов по этому делу найти не удалось. И может показаться странным, что история обрывается на аресте и двух внешне взаимоисключающих допросах. Однако сам Гурджиев в своих мемуарах

¹ ГАРФ. Д. П. Ф. 102. Опись. Д. п. 7. 1907. 1 ч. 77. Л. 6—7.

² Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 133.

³ Там же. С. 157.

дает возможность предположить, как дальше развивались события его туркестанской эпопеи.

В книге «Жизнь реальна только тогда, когда «Я есть»» Георгий Иванович сообщает интригующую подробность. Оказывается, в тот момент, когда он и его спутник прибыли в столицу закаспийской области Ашхабад, произошло чрезвычайное происшествие: попутчик пошел в аптеку и не вернулся. Гурджиев бросился его искать и, напрасно потратив все усилия, неожиданно встречает дальнего родственника — армянина, который еще к тому же оказывается «переводчиком полицейского суда»¹.

То, что происходит дальше, достаточно емко обрисовывает ситуацию.

Со слов Гурджиева все выглядит так: «...на следующее утро этот мой дальний родственник, бывший полицейский чиновник, пришел ко мне в сопровождении своего друга, лейтенанта полиции. От них я узнал, во-первых, что с моим товарищем ничего серьезного не произошло.

Он был арестован только потому, что был здесь в первый раз и никто его никогда до этого не видел. И поскольку везде было много опасных революционеров, он был арестован с единственной целью установления личности.

Это, они сказали, несложная вещь. Они напишут в то место, где был выдан его паспорт, и сделают запрос о его политической благонадежно-

¹ Гурджиев Г. Жизнь реальна только тогда, когда «Я есть». СПб., 1996. С. 26.

сти; а если он должен тем временем развлекаться с блохами и вшами, что из этого? Испытать такое очень хорошо как подготовительное образование для дальнейшей жизни.

И, во-вторых, прибавил мой дальний родственник, понижая голос, твое имя появилось в списке нарушителей спокойствия посетителей «Монмартра», мест фривольных развлечений»¹.

Последнее весьма удивительно, так как Гурджиев находился в Ашхабаде в тот момент, по его словам, всего два дня. Возможно, имелось в виду, что в закаспийскую область уже поступили полицейские циркуляры с Кавказа.

Мне лично кажется, что в реальности ситуация выглядела так: Гурджиев и его приятель были арестованы полицией в связи с делом о боевой организации. Георгий Иванович пытался скрыть от полиции свои настоящие анкетные данные. И это ему удалось, так как в Ашхабаде в полиции действительно работал его родственник со стороны армянки-матери, который и помог ему выпутаться из этой истории и исчезнуть в том направлении, в каком он сам пожелает.

«Учитывая это, также в связи с другими соображениями, я, все еще очень больной, решил покинуть также и это место, и как можно скорее. Тем более что я никак не мог помочь моему другу»², — сообщает Гурджиев.

¹ Гурджиев Г. Жизнь реальна только тогда, когда «Я есть». СПб., 1996. С. 26—27.

² Там же. С. 27.

Глава 9

•

Москва

1

Приезд в Москву гуру считал этапным событием. Собственно, с этого началась его самопрезентация. Почему он выбрал Москву, а не Санкт-Петербург? Сам он на этот вопрос ничего конкретного не говорит. Возможно, здесь сыграло роль то, что этот город тогда был не избалован развлечениями и медиумами, которые предпочитали Северную Пальмиру.

Сам Георгий Иванович так говорил об этом моменте: «Наконец после четырех или пяти лет бурной экономической деятельности я ликвидировал все мои дела; и когда к концу 1913 года я приехал в Москву, чтобы начать осуществление на практике того, что я взял на себя сам как священную задачу, я набрал сумму в миллион рублей, вдобавок две бесценные коллекции — старинных и редких ковров и китайского фарфора»¹.

Что это за бурная экономическая деятельность?

¹Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 249.

Его знакомый и сотрудник британских спецслужб Поль Дюкс, который обучался в Москве игре на фортепиано, вспоминал, что его музыкальный преподаватель, увлекавшийся теософией, познакомился с Гурджиевым, когда они совершали экскурсию по сборищам различных маленьких сект.

Для того чтобы усилить атмосферу таинственности или показать законспирированность гуру, англичанина вели через петляющие дворы и бесконечные коридоры. И только после этой процедуры он удостоился чести лицезреть возлежавшего на оттоманке Гурджиева, перед которым стоял шкафчик или комод с вырезанными из слоновой кости фигурками Христа, Моисея, Магомета и Будды.

Он то курил кальян, то играл в шахматы с раскосым таинственным восточным пилигримом, а потом мог преподавать уроки голосовой гимнастики.

Гурджиев был склонен к гиперболам и мистификации своей личности и даже личностей своих знакомых. Видимо, это, а возможно, и политическая ангажированность были причинами того, что в это новое для себя время он взял и новую фамилию вместо Георгиадеса.

Полагают, что само слово «Гурджиев» — ключ к его пристрастиям. Отчасти это так. «Гурджи-стан» — так тюркоязычные народы Азии называли Грузию, где бывал Георгий Иванович. Отсюда и Гурджиев. Однако есть другие весьма любопыт-

ные возможные источники ее происхождения. «Гург» по-персидски и по-пуштунски — означает «волк». Во времена, когда властителем дум был Ницше с его «человеком-волком», фамилия Гурджиев могла иметь и вполне звериное значение. Но есть и еще один логичный источник происхождения фамилии Георгия Ивановича: «Гур» — так на языке пуштунов называется центральный район Афганистана.

2

Москва — это не только место отсчета нового пути для искателя истины. Здесь он обретает друзей, с некоторыми из них его судьба уже будет связана фундаментально. Таковым, конечно, был Петр Демьянович Успенский.

Оригинальный мистик и создатель одной из наиболее интересных зарисовок из жизни Гурджиева «В поисках чудесного», он с самого своего первого дня становления был отмечен в анналах полицейских отчетов.

3-е делопроизводство Особого отдела — так называемое Главное управление по делам печати 19 июня 1903 года в секретном служебном письме информировало Департамент полиции:

«Издатель «Русско-Английского журнала торговли, промышленности и инженерного дела» великобританский подданный Стаффорд Тальбот ходатайствует об утверждении сына надворного советника Петра Демьяновича Успенского (живет

в Москве, Малый Харитоньевский переулок, д. Котова, кв. № 11) в звании редактора названного журнала. Вследствие сего Главное управление по делам печати имеет честь покорнейше просить Департамент полиции сообщить имеющиеся в Департаменте сведения о личности г. Успенского, присовокупляя при этом, что по поводу настоящего ходатайства, вместе с сим, сделано сношение с Его императорским Высочеством Московским генерал-губернатором»¹.

Через месяц, 23 июля 1903 года, отдел имел обширную информацию о директоре журнала и вновь сообщал в Департамент полиции:

«Вследствие отношения от 28 минувшего июня за № 9116 имею честь уведомить Д.П., что сын надворного советника Петр Демьянович Успенский, 23 лет, вероисповедания православного, прибыл в Москву 7 июня сего года из г. Санкт-Петербурга, проживает в доме Попова, по М. Харитоньевскому переулку, 1 участка, Мясницкой части, где в квартире № 22 снимает комнату, за которую платит 20 рублей в месяц, образа жизни и поведения очень хороших, живет на собственные средства, которые имеет довольно хорошие. Нравственных качеств Успенский вполне одобрительных, и неблагоприятных в политическом отношении сведений о нем до сего времени в мое распоряжение не поступало»².

¹ ГАРФ. ООДП. 3 делопроизводство Д. 316. Ч. 63. 1903. Л. 7.

² ГАРФ. ООДП. 3 делопроизводство Д. 316. Ч. 63. 1903. Л. 10.

Успенский в те годы сам был искателем истины. Он много вращался в среде, близкой теософам. Уже четыре года спустя после полицейского исследования его личности Петр Демьянович погрузился в пучину антропософии и оккультного познания. На его столе книги Штайнера, Синнетта, Эдуарда Шюре. Но они не в силах удовлетворить тех невольно возникающих вопросов, ключи к которым, как кажется ищущему, может дать только путешествие на Восток.

В 1908 году, полный надежд, он отправляется в плавание к берегам Индии. По пути Успенский имеет мистические видения. Он посещает Гизу в Египте, лицезреет Будду с изумрудными глазами на Цейлоне. И наконец Индия, Тадж-Махал. Древние и величественные храмы Танджора и Мадурая и Теософское общество в пригороде Мадраса — Адьяре. Но удивительно — среди восточной экзотики Успенский не может обрести того знания о мире и его устройстве, которое так необходимо этому искателю.

В саду Теософского общества он встречает немецкого графа Германа Кайзерлинга. В беседе оба приходят к неутешительному выводу о том, что хотя теософы и говорят о ценностях восточной мудрости, в действительности они не представляют, что такое реальный духовный мир Востока.

Вот с такими мыслями и возвращается в Москву Петр Демьянович, в то время уже автор небольшого труда «О четвертом измерении».

Он приезжает на родину тогда, когда уже идет война и, кажется, не до духовных поисков. Но в

Москве его ждут друзья как эксперта в области исследования психических сил человека. Так он попадает на сеанс медиума Яна Гузика. Бывший на одном из таких сеансов журналист Василевский приводит небольшой монолог Петра Демьяновича: «Вдумаемся, — медленно говорит П. Д. Успенский, от которого, как от автора книги «Четвертое измерение», мы все ждем какого-то ответа. — Это чудо? Но разве вся наша жизнь не чудо? И мы — чудо, и этот стол — чудо... Мы ничего вообще не знаем. Вокруг нас сплошь чудеса. Почему же именно то, что мы видели сегодня, волнует и поражает нас?..»¹

В это же время на глаза Успенскому попадается и заметка в газете «Голос Москвы», где упоминается о балете Гурджиева «Борьба магов».

Но с мэтром Успенский познакомился только после Пасхи 1915 года, когда, приехав в Москву из Петрограда, его свел с Гурджиевым Меркуров.

Я не стал бы обстоятельно касаться драматических взаимоотношений Успенского и Гурджиева. Период взаимоприятия сменил период взаимоталкивания. С точки зрения данного повествования мне интересно, что Петр Демьянович стал свидетелем того, как будущий экстрасенс и глава секретной телепатической лаборатории ОГПУ Александр Барченко пытался войти в контакт с Гурджиевым еще во время пребывания последнего в России.

¹ Откровение Артура Конан Дойла: потусторонний мир существует. М., 1992. С. 90.

В книге «В поисках чудесного» Успенский описывает эту ситуацию так: «Однажды, в мое отсутствие, к Гурджиеву явился некий «оккультист» — шарлатан, игравший известную роль в спиритических кругах Петербурга; позже, при большевиках, он стал «профессором». Он начал разговор с того, что много слышал о Гурджиеве, о его знаниях и пришел с ним познакомиться.

Гурджиев, как он сам мне рассказал, сыграл роль настоящего торговца коврами. С сильнейшим кавказским акцентом, на ломаном русском языке он принялся уверять «оккультиста», что тот ошибся, что он только продает ковры, — и немедленно начал развертывать их и предлагать посетителю.

«Оккультист» ушел, убежденный, что стал жертвой мистификации своих друзей.

— Было очевидно, что у мерзавца нет ни гроша, — прибавил Гурджиев, — иначе я выжал бы из него деньги хотя бы на пару ковров!»¹

3

Гурджиев — учитель танцев и мистагог? Да, такова его новая сущность. Он более не странствует, а проповедует и поощряет своеобразную практику, порой сопряженную с большими физическими усилиями — с трудотерапией.

¹ Успенский П.Д. В поисках чудесного. СПб., 1992. С. 41.

Был ли Гурджиев полностью оригинален? Был ли он уникалом? Возможно... Но не всегда. 19 января 1923 года уже в Приере, в так называемом «Аббатстве» Георгий Иванович читает лекцию, названную «Ездок, возница, лошадь и повозка».

Обращаясь к своим ученикам, он вопрошает: «Может быть, вы помните, как вам говорили, что человек похож на упряжку, состоящую из ездока, возницы, лошади и повозки? Исключим ездока, не будем о нем говорить, его сейчас нет. Давайте поговорим о вознице. Наш ум и есть этот возница»¹.

Аналогии мы находим достаточно быстро в трудах Жерара Энкоса, более известного под своим эзотерическим именем Папюс. Обычно он присваивал себе весьма длинную череду званий: доктор медицины, доктор каббалы, президент Верховного совета ордена мартинистов, генеральный делегат каббалистического ордена «Роза и Креста-Розы», член общества H.B. of L.F.T.L.

В 1904 году в Санкт-Петербурге вышла книга Папюса «Первоначальные сведения по оккультизму». «Упряжка лошади состоит из трех частей или начал: экипажа, лошади и кучера. Экипаж, пассивно движимый, представляет изображение человеческого тела; лошадь, пассивная, но двигающаяся — тела астрального; а кучер — двигатель и руководитель — изображение духа»².

¹ Гурджиев Г. Вестник грядущего добра. СПб., 1993. С. 50.

² Папюс. Оккультизм. Киев, 1993. С. 232—233.

Еще более развернутый комментарий на этот счет Папюс дает в статье «Оккультный состав человека», также вышедшей в России до революции.

Обращаясь к анонимному пересказу этих сочинений, Гурджиев указывает на происхождение своих мистических установок, уходящих часто не в восточную мудрость, а к истокам европейского эзотеризма. И это естественно для человека, так плодотворно общавшегося с князем Любовецким-Бebutовым.

В «Рассказах Вельзевула своему внуку» он также иногда прибегает к формулировкам Папюса, хотя и не указывает этот источник. Вот лишь один небольшой образчик такого подхода: «Теперь давайте поговорим об учении Святого Индивидуума, который появился среди обитателей Тибета, Святом Ламе, и о причинах полного уничтожения этого учения»¹.

И в этой книге появление Святого Ламы имеет своим источником опять же произведения Папюса, где он называет его одним из множества личных имен Рамы.

«Сделавшись властителем народа, назначенного первенствовать в цивилизации белой расы, Рам установил в своем государстве теократический и религиозный порядок. Он установил в Тибете первосвященничество, и, переменив свое

¹ Гурджиев Г. Рассказы Вельзевула своему внуку. М., 2002. С. 491.

боевое имя Рам (Овен) на имя священника Лам (Ягненок), он основал ламаизм, культ таинственного агнца, характерный для арийской расы»¹.

Прямые заимствования у Папюса характерны для гурджиевских лекций.

В это время войны, в дни революции, Гурджиев уже профессиональный гуру. Он живет с того, что платят ученики. Один из них — Захаров, который рекрутирует и новых адептов в среде интеллигенции. Обещая композитору Гартману знакомство с Гурджиевым, он предупреждал: «Но здесь есть нечто, что может вас шокировать. Видите ли, приятно думать, будто высшее знание даруется бесплатно. Но если вы и ваша жена хотите участвовать в «работе», вам придется выложить некоторую сумму»².

Это была естественная плата за то, что учитель называл «работой». Духовный труд требовал усилий, а школа — обслуживания. Это же естественно. Но не естественными оказались время и пространство, окружавшие Гурджиева. Политический взрыв лишил его и членов его общины покоя, необходимого для сосредоточенного получения знания.

Гурджиев говорил об этом периоде в некотором смысле с долей сожаления: «В самый разгар этой работы вспыхнула война, и мне пришлось приостановить все, однако с надеждой на возоб-

¹ Папюс. Оккультизм. Киев, 1993. С. 177.

² Hartman T. Notre vie avec Gurdjieff. Paris, 1968. P. 260.

новление, как только политическая ситуация станет более устойчивой. К этому времени половина капитала, который я собрал, была уже потрачена на организационные нужды.

Война продолжалась, и, так как надежда на скорый мир становилась все слабее и слабее, я был вынужден покинуть Москву и поехал на Кавказ дожидаться конца военных действий»¹.

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 249.

Глава 10

Общество искателей истины

1

«Мы не предлагаем читателю рассмотреть происхождение и связь розенкрейцеров — Бульвер-Литтона — Мейтерса-Кроули — Гитлера или любую другую связь такого же рода, где можно встретить также Блаватскую и Гурджиева»¹, — писали в 1960 году Повель и Бержье. И тем не менее связь в пространстве «розенкрейцеры — Гурджиев» все же существует.

В 1994 году вышла книга диссидента Льва Разгона, который в тридцатые годы был зятем начальника Спецотдела ОГПУ Глеба Бокия. Во время демократизации Разгону было позволено ознакомиться с делом репрессированного родственника. В книге «Плен в своем отчестве» автор достаточно пунктирно излагал суть некоторых обвинений, имевшихся у следствия образца 1937 года, и, в частности, сообщал: «А после постановления идет так называемое следственное дело, состоящее всего-навсего из двух протоколов допросов.

¹ Повель Л., Бержье Ж. Утро магов. Киев, 1994. С. 255.

На первом из них обвиняемый, что стал масоном еще в 1909 году, вступив в ложу, где членами ордена были и академик Ольденбург, и художник Рерих, и скульптор Меркуров... Ложа продолжала активно существовать, от нее ответвилось «Великое братство Азии»...»¹

Тогда я еще не знал, что «орденом» назывался орден розенкрейцеров.

Позднее, уже на допросах Барченко, предоставленных мне его родственниками, я увидел более широкий список членов розенкрейцеровского общества, в число коих, наряду с перечисленными у Разгона, входил и Георгий Иванович Гурджиев. И множество других лиц, являвшихся членами как 1-го, так и 2-го капитула ордена в Петербурге.

В книге «Встречи с замечательными людьми» орден розенкрейцеров возникает под разными именами, присвоенными ему Гурджиевым. Вначале он пишет о его головном парижском отделении, откуда собственно в Россию и прибывали различные эmissары Розы и Креста. Так, упоминая об окончании путешествия на Восток, он пишет: «Через пять лет, когда мы вернулись из нашей экспедиции по Памиру и Афганистану во Францию, где стали свидетелями экспериментов Братства духовного единения...»² Российское же отделение ордена носит название религиозно-нравственной конгрегации «Искатели истины»³.

¹ Разгон Л. Плен в своем отечестве. М., 1994. С. 93—94.

² Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 128.

³ Там же. С. 157.

«Что есть истина?» — вопрошал когда-то Иисус.

Немудрено, что столь фундаментальная загадка объединила под своим знаменем самых разных людей с самыми разными целями. Произошло это, возможно, потому, что само понятие «истина» многозначно и одновременно универсально.

В мистическом же смысле корни «истины», исповедуемой тайными братствами Европы, следовало искать, бесспорно, в Азии, в самых глухих и заброшенных ее анклавах.

В России «искателями истины» были те, кто именовал себя мартинистами и розенкрейцерами. Оснований для такого утверждения более чем достаточно.

Корни многих идей Гурджиева проистекают из учения розенкрейцеров-мартинистов или являются их откровенным пересказом.

Принадлежал ли один из главных наставников Гурджиева, князь Бебутов к этой организации? Прямых указаний на это не имеется, однако первую догадку о его причастности к ним сделал еще Арон Яковлевич Аврех.

Он писал: «Если, согласно Некрасову, князь был изгнан из рядов политического масонства где-то в 1909 году, то спрашивается, с какими масонами он имел дело в 1913 году? Вполне допустимо предположить, что он подался в мартини-

сты. Уж коли граф Орлов-Давыдов, цвет и гордость прогрессистов, оказался в одной компании с фон Чинским, то почему этого не мог сделать князь Бебутов?»¹

Фон Чинский был эмиссаром мартинизма и розенкрейцерства в России.

3

Мартинисты и розенкрейцеры возникли не вчера. В Европе они уже несколько столетий составляют давнюю эзотерическую традицию.

По легенде розенкрейцеры ведут свое происхождение с Востока. Смысл их учения и его тайные обряды якобы были изложены в труде «Fama Fraternitatis», что переводится с латыни как «Слава братства». В этой книге утверждалось, что некий немец Христиан Розенкрейц учредил общество в IV веке. Он будто бы постиг основы магических знаний в странах Востока и теперь решил передать усвоенную науку ищущим братьям.

Свое путешествие в далекие страны он начал в 1378 году с Аравийского полуострова, а затем посетил Сирию и множество других стран. Там произошло много чудес. Совершенно неизвестные Розенкрейцу люди приветствовали его и открывали ему секретные знания, одно из них — формула эликсира бессмертия.

Уже возвратившись в Европу, Розенкрейц имел

¹ Аврех А. Масоны и революция. М., 1990. С. 319.

множество учеников и умер в возрасте 150 лет, умер не от болезни или дряхлости, а лишь оттого, что устал жить.

Спустя много лет после его смерти, в 1604 году, один из его наиболее достойных учеников вошел в пещеру, где была расположена гробница Розенкрейца, разрыл его могилу, откуда извлек на свет тайную рукопись, запечатленную золотыми буквами. Примечательно, что над входом в гробницу были начертаны слова: «Через 120 лет я возвращусь».

Гробница представляла собой семистенный склеп, в центре коего возвышался таинственный алтарь, а стены усыпальницы были разделены на множество отсеков. Чудо заключалось и в том, что в само помещение не мог проникнуть свет, однако само оно блистало.

Там же были обнаружены и жизнеописание Розенкрейца, и отображения «всевозможных ангельских сил, равно как и маленьких колокольчиков, пылающих лампад и особенно дивных песен».

Для меня же было любопытно, что Геккертон, описывая усыпальницу, писал: «Пещера, в которой была найдена эта могила, по описанию сильно напоминает нам пещеру митраиков». «Митраиков» — то есть последователей культа Митры. Он возник в последние века старой эры в Иране и был распространен в Римской империи, Передней Азии и в измененном виде проник на Тибет.

Достаточно сложно определить время проникновения розенкрейцеров в Россию. Но духовно и даже организационно они были связаны с другим

мистическим союзом — с мартинистами. Их же появление в пределах Российской империи относят к концу XVIII века. В 1775 году на русском языке вышла книга ученика Паскуалиса, французского офицера Сен-Мартена «О заблуждениях и истине». Автор был известен прежде всего своими поисками в области духовидения и лунатизма. Он придавал мистическое значение цифре 4. Любопытно, что вторая степень посвящения в мартинистских ложах была «товарищ».

В XVIII веке мартинисты были распространены на зажиточном юге Франции: в Бордо, Тулузе, Лионе, Марселе и Авиньоне. Здесь процветало так называемое Авиньонское братство. Мартинес Паскуалис считал, что его теория приводит к союзу воли, ищущей власти над миром духов и правом человека жить в свободном государстве. Здесь сочетались мистика и политика, которые в XX веке пришли к этому компромиссу во многих радикальных системах управления обществом.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона охарактеризовал мартинистов как «мистическую секту», пояснив: «Члены ее считали себя визионерами, то есть способными иметь сверхъестественные видения». Елена Петровна Блаватская в «Теософском словаре» добавила другие подробности к истории учения: «Мартинисты. Общество во Франции, основанное крупным мистиком по имени маркиз де Сен-Мартен, учеником Мартинеса Паскуалиса. Оно было первоначально учреждено в Лионе в виде оккультного масонского общества; члены его верили в воз-

можность общаться с планетарными духами, второстепенными богами и гениями надземных сфер».

Первое появление мартинистов в России было встречено властью враждебно. Екатерина II знала, что в сатирических журналах Николая Новикова, подозревавшегося в связях с мартинистами, имелись высказывания против крепостного права. По распоряжению Екатерины в его книжной лавке был произведен обыск. Царица поручила митрополиту Платону испытать владельца крамольного места в знаниях закона божия и даже произвести цензуру имеющихся там сочинений.

Новиков блестяще отвечал на этом «политическом экзамене», но 461 книга была изъята, опечатана и признана даже более вредной, чем издания французских энциклопедистов. В 1792 году Новиков был подвергнут заточению в Шлиссельбургскую крепость сроком на четыре года, типография опечатана. Но приговоры для остальных мартинистов, Трубецкого, Тургенева и Лопухина, были значительно мягче. Екатерина II считала их единомышленниками наследника, будущего императора Павла, способными на дворцовый переворот.

И хуже того, царица утвердилась в мнении, что мартинисты — доброжелатели зачинщиков Французской революции. Хорошо известно хрестоматийное восклицание императрицы после прочтения «Путешествия из Петербурга в Москву» в адрес Александра Радищева: «Мартинист, бунтовщик хуже Пугачева». Вольнодумец был пригово-

рен к смертной казни, которая вскоре была заменена ссылкой.

Проникновение тайных обществ в аппарат империи стало для Екатерины II еще более очевидным, когда в государственных архитекторах Баженове и Казакове царица разглядела членов тайного общества розенкрейцеров. Она несколько раз приостанавливала строительство Царицынского замка, весь облик которого был пронизан орнаментами, напоминавшими тайные знаки мистиков и так называемой «шотландской» архитектуры.

После смерти Екатерины император Павел реабилитирует всех пострадавших мартинистов, а Новиков и Лопухин становятся приближенными царя, что, впрочем, не спасет монарха от насильственной смерти. И здесь снова проявляют себя тайные общества.

Франкмасоны отделяют себя от мартинистов. У них нет такой тяги к общению с загробным миром и духами.

Но мартинисты также представляли собой элитарный политический клуб. В XIX веке основным реформатором европейского мартинизма стал Жерар Энкос, известный под своим эзотерическим именем Папюс. В 1888 году в Париже вместе со Станиславом де Гуйята, адептом нумерологии, он основывает Верховный совет каббалистического ордена Розы и Креста. А два года спустя с Огюстом Шабосо Папюс возрождает орден мартинистов. Вскоре обе тайные организации сливаются в одну. Иерархия распределяется своеобраз-

но: орден мартинистов становится первой ступенью, ведущей к более высоким посвящениям. Профаны начинали именно с нее, но если хотели приобщиться к тайнам эзотерических учений и гностицизму, они могли продолжить свое просвещение в ордене розенкрейцеров.

Любопытное сообщение об этой иерархии содержится в анналах Департамента полиции: «Во главе администрации ордена стоит Верховный совет, состоящий из 21 члена. Этот Верховный совет служит связующим звеном с т. н. христианским иллюминизмом каббалистического ордена Розы и Креста. Наидостойнейшие мартинисты получают возможность подготовки к восприятию учения эзотеризма и перехода в орден розенкрейцеров. Верховный совет назначает от себя генеральных делегатов в различные местности, и генеральные делегаты могут назначать специальных делегатов»¹.

Папюс был учеником Ив Сент Д'Альвейдера, автора оккультного трактата «Миссия Индии в Европе», и основателем учения о Синархии. Суть его открытий заключалась в том, что в глубине азиатского континента располагается недоступная подземная страна — убежище политических телепатов. Магические вожди с помощью заклинаний и силы мысли повелевают жизнью планеты и время от времени из гималайских пещер высылают своих эмиссаров.

¹ ГАРФ. ДПОО. 1905. 12 ч. 2 пр. 4. Л. 149.

О братстве в сердце Азии утверждал Ив Сент Д'Альвейдер. Уже в древности знали мистические секты Востока и тамплиеры. С этой идеей соглашался и Папюс в своем труде «Оккультизм». Член многих секретных организаций, он стремился расширить влияние мартинизма и розенкрейцерства с помощью монархов Европы, с многими из которых был на короткой ноге.

В 1900 году Папюс посетил с лекциями Россию. Его выступления посвящались популярным тогда магнетизерству и оккультизму. Их посещали поклонники эзотеризма, принадлежавшие к высшему свету.

Одна из русских мартинистских лож, членами которой были и великие князья Николай Николаевич и Петр Николаевич, инициировала встречу императора с Филиппом Назьером Вахом, наставником самого Папюса. Это произошло во Франции, в Компьене, 20 сентября 1901 года. Уроженец столицы мартинизма — Лиона, Филипп в прошлом был крестьянином, но приобрел славу толкового знахаря, гипнотизера и, как сказали бы сейчас, экстрасенса. Сверхъестественные возможности лионца ошеломили русского монарха, и он пригласил волшебника в Санкт-Петербург. Там чародея ожидали небывалые почести: должность медика Военной академии, звание генерала и статского советника.

В альковах Зимнего дворца тень Филиппа наводила ужас на придворных. Его страшатся сенаторы и министры. Царь был введен лионцем в мартинистскую ложу «Розы и звезды». В дни, когда японские самураи теснили русские полки в

Маньчжурии, в апартаментах Николая в Гатчинском дворце Филипп заклинал астрал Российской империи, вызывая душу отца императора, Александра III, дававшую стратегические подсказки, отзывавшиеся в решениях Верховного главнокомандующего и Генштаба.

Влиятельные русские круги пытались дискредитировать лионца с помощью полицейского генерала Рачковского, сфальсифицировавшего так называемые «Протоколы сионских мудрецов», родившиеся однажды в воображении Лео Таксиля. «Документы» были вброшены через публициста Нилуса, решившегося сообщить государю «правду» о жидомасонском заговоре. Но этот ход не достиг своей цели. Падение же знахаря предопределило другое, не совсем необычное событие. Царская семья ждала от Филиппа волшебной помощи: своим мистическим искусством он должен был повлиять на императрицу, желавшую родить на этот раз наследника. Филипп напроорочил ей беременность, но все это оказалось фикцией. Скандал привел к закату его звезды и выдворению из страны.

Впрочем, деятельность мартинистов на этом не закончилась. Одно из тайных обществ, возглавляемое В.В. Муравьевым, полковником русской армии и бывшим военным атташе в Риме, включало в свой состав трех великих князей. Глава этой ложи получил звание генерального делегата ордена мартинистов в России. Его представительство длилось до 1907 года, когда Муравьев был лишен этой привилегии и ему на смену пришел весьма экзотический персонаж.

В 1910 году январский номер оккультного журнала «Ребус» поместил на своих страницах объявление следующего содержания: «В настоящее время при Санкт-Петербургском кружке для психических исследований проводятся сеансы с медиумом Янеком. Как нам передают, на этих сеансах развиваются довольно сильные явления. Обычный спутник сеансов Янека — «материализованный зверек» — проявляет себя на этих сеансах, и говорят, что его даже удастся видеть при красном освещении»¹.

Ян Феликсович Гузик проводил свои сеансы начиная с 19 декабря 1909 года по 11 марта 1910 года. Он вызывал в основном духов животных, так называемых элементариев. Фантомы буквально терроризировали участников сеанса и устраивали побои. После таких сеансов некоторые вынуждены были обращаться к врачам.

«Ян Феликсович Гузик, брюнет среднего роста и сложения: склонность к нервности и малокровию — бледность лица и кожи и всегда влажные холодные руки; 29 лет от роду, женат с 23 лет, имеет троих детей и, сверх того, содержит сестру и престарелых родителей. Сдержан, робок, скромн, терпелив до non plus ultra, вынослив и скрытен.

С детства живет в Варшаве, где служит рабочим на кожевенной фабрике Пфейфер. Грамотен: по-русски пишет очень плохо, по-польски — до-

¹ СПб.: «Ребус», 1910, № 1.

вольно складно»¹, — сообщал о медиуме журнал «Ребус» еще в 1905 году, во время первых гастролей поляка в Санкт-Петербурге.

Ян Гузик вызывал и души известных покойников. Например, Наполеона, Пушкина или Александра Македонского. Параллельно с этими сеансами шли и сеансы других медиумов, вызывавших все тех же исторических персонажей. Журнал «Ребус» сокрушался по этому поводу, говоря о насилии над мертвыми.

Гастролями Гузика в Петербурге руководил Чеслав фон Чинский.

«Небезызвестный нашим читателям фон Чинский, — предупреждал журнал «Ребус», — «великий посвященный» в искусство извлечения и усвоения презренного металла, открывает охоту за русскими рублями. Ни много ни мало он анонсирует себя генеральным делегатом для России ордена мартинистов и предлагает посвящаться в орден всем желающим. Не сомневаемся, что легковверных желающих сделаться «рыцарями Христа» найдется много. «О времена, о нравы!»²

Некоторые столичные издания саркастически сообщили пикантные подробности организации гастролей медиума: первоначально Чинский собирался пригласить в Петербург парижского ламу Сарака, но тот ясновидец потребовал 2500 рублей, и даже не за сеанс, а только за то, что он придет к «северным варварам». Антрепренер был

¹ СПб.: «Ребус», 1905. № 13.

² СПб.: «Ребус», 1910. № 40.

вынужден обратиться к Гузику, согласившемуся на гонорар в скромном размере — 15—20 рублей.

Чинский был фигурой примечательной. Свой боевой путь он начал в Германии, в Дрездене, где, практикуя как врач-психиатр, вступил в интимную связь с пациенткой — весьма богатой прусской баронессой. Сам Чинский в то время был женат.

Родственники аристократки неодобрительно относились к этому союзу. Они подозревали врача в гипнотическом воздействии на баронессу с целью завладеть ее состоянием и пытались помешать их контактам. Но любовники вели себя решительно. Чтобы запутать следы и уйти от погоны, организованной настойчивой родней баронессы, они покинули Дрезден, перебрались в Швейцарию, а затем в Мюнхен. Туда был вызван бывший священник из Вены, который на скорую руку и обвенчал молодых.

Родственники баронессы негодовали. Они устроили скандал и инициировали судебный процесс. К участию в нем привлекались известные немецкие психиатры, практиковавшие гипнотизм, — эксперт Йенского университета профессор Прейер и специалист в области телепатического воздействия и ясновидения барон Шренк фон Нотцинг. Он приходился родственником баронессе.

20 декабря 1895 года суд присяжных заседателей города Мюнхена вынес решение по этому запутанному делу. Чеслав фон Чинский приговори-

вался к трехлетнему тюремному заключению: он неопровержимо уличался в подлогах документов и различных махинациях с брачным свидетельством.

Спустя много лет брачный аферист очутился в Санкт-Петербурге. 9 июля 1910 года он вручил градоначальнику Драчевскому заявление о своем назначении со 2 мая этого года членом Верховного совета ордена мартинистов и генеральным делегатом ордена для России. В справке на имя начальника санкт-петербургского охранного отделения о таинственной организации, делегировавшей Чинского, сообщалось: «К сему Департамент полиции добавляет — ложа ордена мартинистов находится в Париже и, имея свой особый ритуал, примкнула к всемирному масонству на федеративных началах»¹.

Агентура охранного отделения вычислила адрес генерального делегата: «Кузнечный переулок, д. 16, кв. 2»². Наружное наблюдение, установленное за мистиком, не обнаружило за ним, однако, никаких криминальных грехов. Но легализация ордена мартинистов так и не состоялась, так как делегат не представил устав объединения.

Чинский отнюдь не впал в уныние по этому поводу. Он развернул агитацию, в которой ему помогали медиумы и маги. К их услугам он прибегал постоянно. Связь с миром духов, которой владел Чинский, сделала делегата авторитетом

¹ ГАРФ. ДПОО. 1905. 12 ч. 2 пр. 3. Л. 19.

² Там же.

среди петербургских мистиков. И владелец потустороннего телеграфа прибыльно эксплуатировал его в своих интересах.

Он утверждал, что появляющиеся на его сеансах элементалии — «невидимые существа помогают только смиренным и отважным».

В 1911 году Чеслав фон Чинский выпустил немало всевозможных брошюр о своих способностях к ясновидению и общению с потусторонними силами. Среди них «Магические сеансы с медиумом Яном Гузиком под управлением Пунар Бхава». Все эти сочинения вышли в серии «Библиотека мартиниста». Пунар Бхав — таков был эзотерический псевдоним автора.

В предисловии к этой книге глава мартинистов и розенкрейцеров Папюс писал о Чинском: «Как ясновидящий и предсказатель, он удивлял многих скептиков, как экспериментатор, он тоже обладает выдающимися качествами. Bravo нашему другу Чинскому».

Сам же делегат заявлял следующее: «Глупцы, невежды и всякая мелкота, заседающая в разных обществах психических наук, ожидала этих сеансов, чтобы позабавиться и разоблачить фокусничество, по их мнению, Янека, но в этот раз они потерпели неудачу. Они должны были признать очевидность фактов, особенно с тех пор, как остались на их физиономиях следы когтей и царапин»¹.

¹ Чинский Ч.И. Магические сеансы с медиумом Яном Гузиком под управлением Пунар Бхава. СПб., 1911. С. 5—6.

Упоминаемые царапины посетителям сеансов Чинского оставлял некий дух медвежонка. По утверждению мага, это существо пыталось таким образом завоевать себе право перехода в высший план.

Сеансы связи с потусторонним миром имели и исследовательское значение. Из присутствующих выбиралась комиссия. После сеанса ее члены ставили свои подписи под специальным протоколом демонстрации, в котором удостоверяли все случившееся с ними в тот вечер. Чеслав фон Чинский обычно приглашал всю комиссию на будущие сеансы, где возможна материализация духа самоубийцы из Катовиц и маленького медвежонка. Чинский предупреждал, что хотя эти опыты чрезвычайно опасны для здоровья медиума, они могут быть повторены во время ближайшего контакта с потусторонними силами.

Среди тех, кто приглашался на сеансы в качестве членов научных комиссий, был врач и журналист Павел Васильевич Мокиевский. Он возглавлял отдел философии журнала «Русское богатство» и написал комментарии к труду французского гипнотизера Бони. Перед революцией он очень сблизился с кругом студентов Горного института. Возможно, потому что там учился его сын, а возможно, он хотел показать молодым людям, что есть другие пути изменения мира, отличные от пути революции. Мокиевский опекал студентов Бокия, Москвина и болгарина Стомонякова, которые потом станут видными представителями советской знати.

Многие сеансы с Гузиком имели и характер агитационных вечеров, после которых пополнялись ряды петербургских мартинистов.

Но раскроем один секрет — таинственного Чеслава фон Чинского делегировал в столицу России верховный совет мартинистов. Его благословил сам президент каббалистического ордена «Розы и Креста» Папюс. Чинский был снабжен всеми необходимыми рекомендациями.

5

Как это ни покажется странным, но некоторые ответвления мартинистских и розенкрейцеровских собраний, учрежденных Новиковым, ушли в конспирацию, сохранившись в России и после репрессий Екатерины II.

Ложа «Мезори» ордена розенкрейцеров заявила о себе 29 сентября 1905 г. во время первой революции. Братья адресовали царю письмо, полное мрачных угроз, предостережений и ультиматумов. Розенкрейцеры резко критиковали политику императора справа. Они заявляли, что сами устранят вредных, по их мнению, министров и в первую очередь Витте.

Обращение к царю начиналось высокопарно и официально: «Пользуясь дозволением верховного совета ордена, предоставившего с-петербургской ложе свободу действий во всем, что касается России, и принимая во внимание события последнего времени, великий магистр ложи Мезори счел

необходимым созвать чрезвычайное собрание для обмена мнениями по текущим вопросам внешней и внутренней политики нашего отечества, с тем чтобы о некоторых заключениях сего собрания доведено было до сведения вашего величества»¹.

Члены тайного братства выказывали себя ультрапатриотами и призывали монарха не отступать от традиционных, по их мнению, ценностей: «Основным положением более или менее всеми присутствовавшими на собрании членами была установлена необходимость поддерживать во что бы то ни стало начала, по коим до сих пор строилось и на коих зиждилось благополучие и процветание империи, а именно господство: православия, самодержавия и народности (русской)»².

Радикалы открыто давили на царя, отлично зная, что даже если это письмо попадет первоначально в руки дворцовой охраны или Департамента полиции, оно все равно будет доведено до сведения Николая II. Письмо логи «Мезори» прокламировало откровенный антисемитизм: «Между тем еврейско-масонской партией, насчитывающей многих сочленов среди правящих сфер, в том числе даже особ императорской фамилии и втайне преследующей цель ниспровержения начал монархического и христианского, для водворения повсеместно самодержавного иудейства, были измышлены, а затем вами утверждены неко-

¹ ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1905. Д. 12. 2 ч. Л. 42—43 об.

² Там же.

торые законоположения и мероприятия, коим нарушается изъясненный выше исторический уклад Российской империи».

Таинственные и мрачные советники утверждали, что вершение дел в Государственной думе может попасть «в руки либеральной плутократии, поддерживаемой жидовскими капиталами, несмотря на кажущееся превосходство русского элемента и особенно крестьянства в Думе»¹.

Главным другом на Западе члены «Мезори» объявляли Британскую империю и советовали царю: «Сближение с ней наиболее полезно». Германия для этих подпольщиков являлась воплощением мирового зла и «исконным врагом России и всего славянства»².

Ложа «Мезори», подводя итог своим наставлениям, «осмеливается привести пример Французской революции XVIII века, когда слепота правительства оказалась роковой как для страны, так и для царствующей династии»³.

Кто был магистром этой ложи «Мезори» — вопрос остался открытым. Но, судя по претензиям ордена и его интересам в верхах, этот человек должен был быть хорошо известен Николаю II.

Среди родственников царя было довольно много тех, кто увлекался оккультными опытами. Но, пожалуй, только двоюродный брат, великий князь Александр Михайлович, мог считаться на-

¹ ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1905. Д. 12. 2 ч. Л. 42—43 об.

² Там же.

³ Там же.

стоящим оккультистом. Для проведения опытов общения с потусторонними силами он отдавал много времени. Его интересовали инфернальные существа и возможность властвовать над ними, применяя в своих целях. А истинными хранителями таких секретов были члены законспирированных тайных обществ Запада и Востока.

Александр Михайловичу было известно о существовавшей в Париже ложе рыцарей-филалетов «Карма». Ее возглавлял некий сириец Алкахест. Он был когда-то масоном классического Шотландского устава, но постепенно создавал свое тайное общество, объявившее себя наследником ордена филалетов великого мастера Савалет де Ланжа. Оно существовало во Франции со второй половины XVIII века. В ложе Алкахеста имена членов и руководителей скрывались под псевдонимами. «Карма» провозглашала себя истинной преемницей розенкрейцеров и их удивительных тайн, принесенных с Востока.

Русское отделение этой ложи возникло также в Париже, в доме № 70 по улице Кине. Увлеченному спиритизмом Александру Михайловичу однажды во время сеанса явился дух Алкахеста и напроорочил грядущую революцию в России и то, что А.М. вскоре станет Царем Всея Великая, и Белая, и Малая и прочее... После таких пророчеств спирит стал искать контактов с филалетами и скоро занял в их русской ложе положение направляющего мастера. Вообще к Александру Михайловичу духи являлись регулярно. И без всяких сеансов. Он мог, на удивление своих родственников, долго

говорить с кем-то, кого никто, кроме него, не видел. Такие вещи случались с ним часто. Это обстоятельство породило всякие слухи о его психическом здоровье. Но Александр Михайлович относился к этому житейски и считал, что мыслит вполне здраво.

Один из традиционных русских масонов называет его имя в связи с историей одной из самых старых отечественных лож: «Есть сведения, что, например, новиковская ложа «Нептун» в Петербурге существовала непрерывно; в ней был посвящен известный историк масонства Пыпин, а также адмирал Беклемишев, доживший до глубокой старости, до наших дней и после «Нептуна» принимавший видное участие в ложе «Карма», уже при досточтимате Великого князя Александра Михайловича. Ее членом был многим нам памятный брат А.П. Веретенников, принимавший активное участие в наших мастерских на Иветт»¹.

Скоро Великий князь достиг высокого звания мэтра венерабль и в ложе, близкой к филалетам, — у розенкрейцеров.

В своих мемуарах об этом факте упоминает Александр Керенский: «Циркуляр № 171902, подписанный директором Департамента полиции Брюном де Сент-Ипполитом, является единственным документом, в котором упоминается масонское общество розенкрейцеров, известное в

¹ *Вяземский В.М.* Первая четверть века существования зарубежного масонства. Статья. «Новый журнал», 1985. Кн. 161. С. 233.

наших кругах под названием «Организация Варвары Овчинниковой», которое привело к возникновению общества под эгидой великого князя Александра Михайловича, куда входили придворные аристократы»¹.

Департаменту полиции было известно о мартинистских организациях в среде петербургского высшего света и гвардейского офицерства, находившихся под сильным влиянием библиотекаря Зимнего дворца, поэта и теософа Лемана. У него в квартире летом 1908 года останавливался глава оккультистов Франции Папюс. Во время своих визитов в Россию он читал лекции, посещавшиеся великими князьями. Его влияние на членов царской семьи было столь велико, что скоро в Царском Селе был воздвигнут мартинистско-розенкрейцерский храм. Однако на это обстоятельство российские спецслужбы закрывали глаза, зная о том, что ранее, во времена мэтра Филиппа, фаворита и предшественника Распутина, сам царь оказывал покровительство тайному обществу «Розы и Креста». Позиции этой оккультной ложи были настолько прочны, что благодаря именно ее влиянию на царя, с одной стороны, и, с другой, — действиям французского масона, бывшего премьера Франции Буржуа, в 1898 году в Голландии состоялся созыв первой Гаагской конференции мира.

Кроме Николая II, многие великие князья, его

¹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М., 1996. С. 82.

родные и двоюродные братья посещали экзотическую церковь в Царском.

Еще одна из лож называлась «Нептун» и к началу XX века функционировала в Петербурге. Когда вновь грянуло возрождение мартинистских традиций и из Парижа стали приходить указы и приезжать посланцы Папюса, старая ложа ожила. Рядом стали возникать новые: «Северная Пирамида», «Два Горизонта», «Четыре Элемента», «Карма». Направляющим мастеров «Нептуна» стал великий князь Александр Михайлович, двоюродный брат царя.

Петербургские мартинисты представляли собой замкнутый круг людей. Они любили пышные церемонии и экзотические обряды. На их жизни лежала печать тайны. Среди лиц, входивших в орденские организации, выделялся художник, глава «Общества поощрения художеств» Николай Рерих.

Был там и Сергей Ольденбург. Он являлся известным востоковедом, буддологом, неизменным секретарем Академии наук, но для многих оставались тайной его контакты с Генеральным штабом и военным министром генерал-адъютантом Куропаткиным. Тот часто обращался к ученому за консультациями по поводу секретных русских миссий в Тибет.

Ольденбург имел репутацию ревнителя тайных оккультных учений Востока. Ему же принадлежал и фантастический проект транспортировки в столицу древнего индуистского храма. В этом его поддерживал брат-мартинист князь Щербатской. Лишь невероятные денежные рас-

ходы и технические трудности остановили предпринимчивых ученых-мистиков.

Поэт Александр Блок назвал свою новую пьесу «Роза и Крест», изобразив в ней символический путь рыцаря, проходящего через невзгоды странствия. Но, в сущности, это было поэтическое изложение розенкрейцеровского посвящения. Для поэтов мистика была благодатным полем. И нет ничего удивительного, что еще один гений, литовец Юргис Балтрушайтис, погрузился в пучину потусторонних поисков и был, по словам Рериха, посвящен в тайну Шамбалы в рядах братьев «Розы и Креста».

Вообще это братство петербургских розенкрейцеров было поистине общиной путешественников и полиглотов. Неудивительно, что в их ряды влился монгольский аристократ Хаян Хирва. Он много ездил по Европе и Азии, посетил Францию, Германию, Турцию, увлекался международным языком эсперанто, а в будущем ему суждено было стать главой монгольских спецслужб.

Среди приверженцев «Розы и Креста» встречались врачи-психиатры. Например, Константин Николаевич Рябинин. Он познакомился с Рерихом еще в 1898 году. «Общность интересов по изучению трудных и малодоступных для понимания широких масс областей человеческого духа сблизили нас», — напишет Рябинин в предисловии к своему дневнику «Миссия Николая Рериха. Развенчанный Тибет». В среде врачей доктор прославился своими успехами в области лечения эпилепсии. Рерих неоднократно встречался с Ря-

бининым в связи с болезнью жены. Но, оказывалось, тот же недуг был и у монарха Японии Иошихито. И его доверенное лицо явилось однажды к врачу в сопровождении Рериха.

Уже упоминавшийся врач Павел Васильевич Мокиевский, член комиссии по проверке способностей Яна Гузика, также принадлежал к числу посвященных. Он знал весь литературный Петербург, и его часто называли «литературным доктором».

Мокиевского ценили и как гипнотизера, и как телепата. «Как и все новое, гипнотизм вызвал противоречивые суждения и породил недоразумения», — писал Мокиевский во вступительной статье к труду профессора Бони «Гипнотизм». С другой стороны, влиятельный Павел Васильевич был известен и своей филантропической деятельностью. Он часто приходил на помощь тем запутавшимся в революционном угаре студентам, которым грозили острог и ссылка. Одним из них был Глеб Бокий, чье имя зловеще прогремело потом в 1918 году, когда он возглавил кампанию «красного террора» на посту начальника питерской ЧК.

В дореволюционной России Бокий не раз подвергался арестам, из-за чего так и не смог окончить Горный институт. Он проявлял чудеса конспирации, выдумывал коды для секретной переписки большевиков, создавал под видом столовой для малоимущих студентов подпольные явки. Однажды, когда ему в очередной раз грозил срок заключения, его старший покровитель помог студенту. «Мокиевский внес за меня 3000 рублей, под залог которых я был выпущен на свободу», —

вспоминал Бокий за месяц до расстрела в 1937 году.

В 1909 году Мокиевский рекомендовал Бокия членам ордена высшей степени — розенкрейцерам — для вступления в ложу. Рекомендация не требовала присутствия новичка. Его кандидатура должна была быть тайно одобрена. Среди тех, кто поддержал его вступление, был Александр Васильевич Барченко — биолог, оккультист и автор мистических романов «Доктор Черный» и «Из мрака», вышедших в Петербурге перед Первой мировой войной. «И хотя мне Барченко известен не был, он обо мне, как об одном из учеников Мокиевского, знал»¹, — уточнял Бокий в 1937 году. К его словам следует добавить, что все вышеперечисленные члены каббалистического ордена «Роза и Крест» знали о посвящении студента Горного института.

Годы Первой мировой войны были для адептов «Розы и Креста» временем действия. Некоторые члены тайного общества были посвящены в обстоятельства подготовки покушения на фаворита царской семьи Распутина. А врач и оккультист Рябинин, сподвижник Бехтерева, с помощью гипноза готовил Юсупова к совершению убийства.

Когда же пришел Октябрь, розенкрейцеры и мартинисты оказались в растерянности. Они не сразу нашли свое место в этом изменившемся мире. Но длилось это недолго.

¹ Из протокола допроса Бокия Г.Б. от 15 августа 1937 г. (дополнительно).

Глава 11

Шандаровский и ЕТС

1

Среди зашифрованных персонажей книги «Встречи с замечательными людьми» тем не менее есть один, кто был упомянут под своей собственной фамилией. Точнее, он упомянут в единственном процитированном документе — разрешении на ношение оружия: «Предъявитель сего, товарищ Гурджиев, имеет право носить всюду револьвер — калибр... номер...

Заверено подписью и скреплено печатью:

Председатель Совета солдатских и рабочих депутатов Рухадзе.

Секретарь: Шандаровский.

Место выдачи: Ессентуки.

Дата выдачи:...»¹

Речь в этом случае идет о Петре Сергеевиче Шандаровском. Можно было при отсутствии в документе инициалов усомниться в этом, но известно, что в 1923 году именно человек по фамилии

¹ Гурджиев Г. И. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 253—254.

Шандаровский пришел к Александру Барченко с предложением продолжить дело созданного в Ессентуках Георгием Ивановичем Единого трудового содружества. Так что речь в «разрешении» только о нем. В документе он выступает как секретарь Совета солдатских и рабочих депутатов. Видимо, в этой важной советской инстанции Шандаровский выступал в роли засланного Гурджиевым казачка.

Но произошло это уже после революций октября и февраля.

А до этого момента и до встречи с Гурджиевым жизнь Шандаровского складывалась весьма своеобразно.

Борис Зубакин, один из видных русских розенкрейцеров, вспоминал, как перед самой революцией он и круг близких к нему лиц образовали первый капитул: «Мы решили, что мы сами достаточный институт во главе с Кордигом и Владимировым. К нам примкнули д-р Злобин, бывший репетитор Волошинова (пропала без вести с конца 1916 г.), мой гимназический учитель А. Ал. Попов (в 1917-м уехал к родным в Уфу, и с тех пор о нем ни слуху ни духу) и приятель Волошиновой Георгий Ченцов, Шандаровский Петр Сергеевич, Бржезинский (имени не помню). С 1917 г. связи с ними не поддерживаю (почему, объясню ниже), имел сведения, что они в Петербурге»¹.

¹ Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 110.

«Шандаровский Петр Сергеевич — член лож розенкрейцеров 1-го капитула»¹.

В Специальной оперативной сводке ОГПУ № 2 находим дополнительную информацию о Шандаровском. Из ответов Кириченко, одного из оккультистов Ленинграда, оперативному сотруднику ОГПУ следует: «ШАНДАРОВСКИЙ принадлежит к группе так называемых «Северных лож». На мой вопрос, не к тем ли «Северным ложам», которые были организованы в Финляндии выходцем из Англии, неким гр-м Кордигом, он сказал — да. На мой вопрос, имеется ли кто-либо в этой группе в СССР, он сказал, что в Москве находится много его учеников, и в том числе указал на проф. Зубакина, а в Ленинграде будто к этой группе принадлежит Шандаровский»².

Поиски Шандаровского отнюдь не ограничились одними розенкрейцерами. Возможно, в их среде он и познакомился с приехавшим с Востока Гурджиевым.

Так уж случилось, что Гурджиев каким-то, видимо, известным только ему чутьем решил еще во время Первой мировой войны перебраться на юг умирающей империи. Он вспоминал: «Война продолжалась, и, так как надежда на скорый мир становилась все слабее и слабее, я был вынужден покинуть Москву и поехать на Кавказ дожидаться конца военных действий»³.

¹ Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 412.

² Андреев А. Оккультист Страны Советов. М., 2004. С. 346.

³ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 249.

Ессентуки — известный курорт на Кавказе, где жизнь кипит, особенно летом, когда сюда на минеральные источники съезжается люд со всей России. Возможно, поэтому Гурджиев и облюбовал это место для создания там Института гармоничного развития человека.

Сам он достаточно подробно писал об этом судьбоносном моменте:

«Несмотря на то что политические события заполняли ум каждого, интерес к моей работе в определенных кругах общества продолжал расти. Люди, действительно увлеченные моими идеями, начали собираться в Ессентуках, где я тогда поселился; они приезжали не только из близлежащих областей, но и из Санкт-Петербурга и Москвы. Мало-помалу обстоятельства заставили меня создать организацию в Ессентуках, не дожидаясь возвращения в Москву»¹.

Здесь, в Ессентуках, его поджидала еще одна неведомая опасность. Когда в 1918 году началась Гражданская война, противоборствующие стороны стали мобилизовать под свои знамена людей призывного возраста. И причем, как писал Гурджиев, «один день большевиками, на следующий день белыми, днем позже каким-нибудь другим правительством»².

Да и само положение на Кавказе ничего хорошего штатским людям не сулило. Приходится

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 250.

² Там же.

удивляться, какими дипломатическими и деловыми способностями должен был обладать Гурджи-ев, чтобы в этом чудовищном хаосе спасти своих учеников.

Вот что писал об этих днях 1918 года главнокомандующий войсками Юга России генерал Деникин: «Грабеж, как занятие, пользовавшееся почетом на Кавказе, стал теперь обычным ремеслом, значительно усовершенствованным в приемах и «орудиях производства» — до пулеметов включительно. Грабили все «народы», на всех дорогах и всех путников — без различия происхождения, верований и политических убеждений. Иногда сквозь внешний облик религиозного подъема хищным оскалом проглядывало все то же обнаженное стремление. Дороги в крае стали доступными только для вооруженных отрядов, сообщение замерло, и жизнь замкнулась в порочном круге страха, подозрительности и злобы».

Георгий Иванович, возможно, понимал, что единственный выход заключается в том, чтобы внедрять во все эти правительства своих людей. Это и произошло с Шандаровским, который стал секретарем Совета солдатских и рабочих депутатов Ессентуков.

Именно в Ессентуках и произошло оформление нового тайного общества, которое тем не менее члены гурджиевской коммуны и сам гуру решили зарегистрировать в местном Совете.

Вот как об этом вспоминал Петр Успенский: «Однажды во время общей вечерней беседы Гурд-

жиев сказал, что нам нужно придумать какое-то название для нашей колонии и вообще как-то ее узаконить. Дело происходило в период Пятигорского большевистского правительства.

— Придумайте что-нибудь вроде «содружества» — и в то же время «своим трудом» и «интернациональный», — сказал Гурджиев. — Во всяком случае, они ничего не поймут; но им необходимо дать нам какое-нибудь название»¹.

Несмотря на слова Успенского вроде бы о мимикрии под советское или коммунистическое учреждение, порядки в содружестве были весьма жесткие и связанные с определенной аскезой. Барченко потом, со слов Шандаровского, рассказывал о духовной практике ее членов: «Единое Трудовое Содружество» объединило мистические элементы, ставило своей задачей пропаганду мистических идей. Руководитель Гурджиев обращал внимание на то, чтобы привить членам «Содружества» любовь к физическому труду, который, по представлениям Гурджиева, действует на человека облагораживающим образом. Для этого Гурджиев заставлял членов «Содружества» копать ямы и выполнять другую физическую работу»².

Петр Сергеевич Шандаровский занимал в этой иерархии отнюдь не последнее место. Он знал круг особо приближенных к Гурджиеву лиц и сам в этот круг, несомненно, входил.

¹ Успенский П.Д. В поисках чудесного. СПб., 1992. С. 427.

² Архив ФСБ. Дело А.В. Барченко. Допрос от 10 июня 1937 года.

«В 1922—1923 гг. мой знакомый Шандаровский рассказал, что «Единое Трудовое Содружество» представлено и объединено мистически настроенной интеллигенцией в городах Москве, Петрограде и Тифлисе — подтверждал Барченко. Организатором руководителем этого «Содружества» являлся александропольский грек Гурджиев Георгий Иванович, проживавший в России с до-революционных времен.

В состав ЕТС входили следующие лица:

1) Шандаровский — ленинградский юрист, где сейчас находится, не знаю.

2) Петров Александр Никифорович¹ — инженер, в 1935 году работал в Грозном.

3) Успенский Николай² — литератор, научный работник, эмигрировал за границу.

4) Меркурьев³ Сергей Дмитриевич — московский скульптор.

5—6) Шишков и Жуков. Один из них — инженер, другой — работник Мосгортоба. Оба в 1934—1935 годах находились в Москве.

7) Демидов — врач по профессии. В 1934—1935 годах работал в театрах Станиславского режиссером (о нем я не знаю точно, был ли он учеником Гурджиева).

8) Гартман — ленинградский композитор, эмигрировал за границу.

¹ В действительности Никанорович.

² В действительности Петр Демьянович Успенский.

³ В действительности Меркуров Сергей Дмитриевич.

9) Григорьев — врач, ассистент московского неврологического института.

10) Шмаков — инженер»¹.

2

Лихолетье войны вскоре заставило Гурджиева и его учеников перебраться в Грузию. Но Шандаровский покинул гуру и отправился в небезопасный и голодный Петроград. Это был его личный выбор. Он понимал, что дальнейшее движение на юг волей-неволей окончится эмиграцией, а этого он явно не хотел.

Дальнейшая его жизнь была довольно бурной и интересной. В Петрограде он снова влился в среду розенкрейцеров и мистиков.

Подобное предприятие представлялось в ту пору отнюдь не безопасным. Члены тайных обществ находились в поле зрения советской секретной службы ОГПУ, и информация о них группировалась в особых подразделениях.

Ввиду того, что часто среди лиц, к ним принадлежавших, мелькали представители элиты и даже партийные бонзы, все сведения о такого рода лужах концентрировались в 1-м отделении Спецотдела и направлялись начальнику этого подразделения, заведовавшему гостайной.

Так, к нему в феврале 1925 года поступила

¹ Архив ФСБ. Дело А.В. Барченко. Допрос от 10 июня 1937 года.

сводка о том, что якобы в Ленинграде существует «карбонарийско-фашистская группировка (Кириченко-Астромов, Радынский, Шандаровский, возглавляющие одновременно ложу «Астрей»)»¹.

Примечательно, что упомянутый наряду с Шандаровским Кириченко-Астромов 11 февраля 1926 года отправил лично Сталину письмо, в котором предлагал использовать красное масонство как маскировку для Коминтерна и, видимо, как подпольную структуру для дела мировой революции.

Информация об этом передавалась бывшим деятельным розенкрейцером Владимировым, который уже с 1918 года был сотрудником Петровича, а затем перебрался в Москву в центральный аппарат и поступил в Спецотдел Глеба Бокия.

Когда в 1926—1927 годах началась массированная атака спецслужб на различные тайные общества Ленинграда, в последний раз всплыло имя Шандаровского.

Тогда, в июне 1927 года, прошла повальная волна арестов прежде всего членов группы Михаила Радынского. Ему, Шандаровскому и другим органы инкриминировали попытку создания масонской ложи.

Находясь под стражей, Шандаровский все же уверенно отвечал на вопросы следователей и опровергал многие обвинения, в том числе и в принадлежности его к масонам. Он заявлял: «О ма-

¹ Андреев А. Оккультист Страны Советов. М., 2004. С. 264.

сонстве я знаю только по литературе. С масонами никогда не был связан. Вообще же я никогда ни в каких религиозных или других подобных объединениях не участвовал»¹.

Дело о карбонарийско-фашистской группировке удивительно быстро развалилось. Причиной этому было письменное заявление всех участников подпольного тайного общества об отрицательном отношении к реанимации масонской работы.

Шандаровский был выпущен под подписку о невыезде.

Но прежде того, в 1924 году в Петрограде он встретился с Александром Барченко и вместе с ним создал продолжение «Единого Трудового Содружества» — тайное общество «Единое Трудовое Братство».

¹ Андреев А. Оккультист Страны Советов. М., 2004. С. 267.

Глава 12

Продолжение легенды. Боевой 19-й

1

Осенью 1919 года, когда армия Деникина потерпела поражение от красных и откатывалась на юг, в Закавказье властвовала английская оккупационная администрация. Узнав о том, что военное счастье отвернулось от белого генерала, британцы решили и сами эвакуировать свои войска. Англичане не горели желанием вступить в прямое столкновение с Красной армией. На их взгляд, было бы логичнее отдать покинутую территорию под прямой контроль главнокомандующего Вооруженными силами Юга России Деникина. С этим драматическим временем связана еще одна легенда из жизни Георгия Ивановича.

Шлейф историй с сильными мира сего настойчиво преследует имя Гурджиева. Одна из историй, несомненно, таинственных, вполне могла бы называться кавказской эпопеей. По правде сказать, она не кажется столь уж невероятной, хотя появление в этих декорациях Сталина выглядит действительно экстраординарно и наводит на множество размышлений.

Речь идет о почти легендарных событиях. Впервые они были описаны Станиславом Тарасовым в статье «Секретная миссия Сталина на Кавказе».

В 1986 году автор совершил поездку в Дашкесанский район Азербайджана. Это было уже тревожное время. Назревали столкновения армян и азербайджанцев в Карабахе. Предчувствуя грядущие потрясения, люди жгли костры и организовывали отряды самообороны. Кругом ходили самые мрачные слухи. Пытаясь разобраться в их источнике, Тарасов обращался к жителям села Баяна с вопросом: откуда идут все эти разговоры? И ему было сказано, что печальные вести приносят дервиши.

Так, один из старожилов села, бывший учитель истории в местной школе Александр Сергеевич Шахмурадян поведал ему впечатляющую историю. «Он вспоминал, — пишет автор, — что в его жизни это вторая история, связанная с дервишами. Первая произошла в 1919 году, когда он, тогда 18-летний парень, вместе с неким Гурджиевым, одетым в дервишское одеяние, сопровождал Сталина при переходе через армянские села из Азербайджана в Грузию по «маршруту Шаумяна». Это было сенсационное сообщение, ибо ни одна из написанных к тому времени биографий Сталина не фиксировала его пребывания на Кавказе в тот период. Но Александр Шахмурадян настойчиво доказывал свое. Он даже назвал свидетелей. Это некий Мелик Меликян, царский полковник Генерального штаба, и Егор Аветисян, местный уроже-

нец, прибывший в село из Москвы незадолго до появления там Сталина с Гурджиевым. «Помню, как к нам в село для переговоров прибыли немцы из колонии Елендендорф (ныне Ханлар), — рассказывал Шахмурадян, — они долго совещались со Сталиным, Егором Аветисяном и Гурджиевым». «Что вам еще известно о Егоре Аветисяне?» — выпрашивал я у сельского учителя, полагая, что речь идет о каком-то очередном мифе. Брат его был депутатом Государственной думы и часто выступал по аграрному вопросу в Закавказье. Его цитировал даже Ленин. «А еще что?» А в соседнюю Гянджу тогда приехал из Москвы еще один царский полковник, Тер-Саркисов. Он был лично знаком с младшим братом младотурка Энвера — Нури-пашой и поддерживал связь с ним через агента по кличке Кайцак. На него работал замначальника гянджинского полицмейстера Сарри Имам Кули оглы Мамедов. Он обеспечивал личную безопасность Сталину и Гурджиеву при переезде по мусульманской зоне. Что в этих утверждениях правда? Все или почти все. Как удалось установить на основе архивных данных, русская военная разведка передала большевикам почти всю свою агентурную сеть. Так что появление в Закавказье полковников-армян Тер-Саркисова и Аветисяна тогда, в 1919 году, не случайно. Шла разработка какой-то операции, требовавшей личного участия Сталина и Гурджиева. Ленин действительно цитирует в одной из своих работ депутата Государственной Думы от Закавказья Аветисяна. Наконец, удалось разыскать родствен-

ников Кайцака. Под этой кличкой скрывался местный большевик Семен Матевосович Багдасаров. От него сохранилась даже секретная военная инструкция. Она начинается так: «Кайцаку от Белокора». Перед Кайцаком ставилась задача отслеживать складывающуюся в тот момент обстановку в Закавказье, докладывать о передвижениях войск. Что касается заместителя гянджинского полицмейстера Сари Имам Кули Мамедова, то он в 1920 году «эмигрировал» вместе с 18-летним сыном в Турцию. На родине вплоть до начала 30-х годов спокойно жили его жена и две дочери. Как удалось установить, в 1931 году Сари Имам свободно приехал на родину и забрал в Турцию свою семью. Сын его стал при Ататюрке видным начальником и, по некоторым сведениям, руководил турецкими спецслужбами¹. Оставалось только выяснить, что обсуждали Сталин и Гурджиев с армянами-полковниками. Дело в том, что к тому времени английские оккупационные войска готовились покидать Кавказ»².

2

Тарасов дает весьма привлекательную версию событий: он считает, что предлогом для этого визита Гурджиева и Сталина были планы англичан, оккупировавших в это время Закавказье, передать

¹ Возможно, имеется в виду руководитель разведки Главного штаба Турции генерал Сахид Окули (О.Ш.).

² «Век», 1998, 4 дек.

контроль над ним генералу Деникину. Дервиш и будущий вождь стремились помешать этому осуществиться, они даже вошли в контакт с турецкими эмиссарами и сотрудниками мусаватистской разведки.

Могло быть и другое оправдание тайной миссии: осенью 1919 года большевистское правительство обратилось к правительству Азербайджана с просьбой заключить договор о совместных действиях против Деникина.

В обоих случаях тайная дипломатия была направлена против белой армии.

Мусаватистами называли азербайджанских националистов, добивавшихся независимости своей страны.

Откуда мог знать о планах англичан Гурджиев? На этот вопрос есть весьма убедительный ответ, связанный с именем его самого известного ученика.

В июле 1919 года, «...через десять месяцев страданий и штурмов, в Ессентуки вошли войска генерала Деникина, командующего Белой гвардией. Успенский стал советником майора Пайндера, главы Британской экономической делегации при армии Деникина. Об Успенском ему сообщил друг, англичанин А. К. Орейдж, опубликовавший шесть «Писем из России» Успенского в своем журнале «Нью Эйдж», в номерах с сентября по декабрь 1919 г.»¹.

¹ Вашингтон П. Бабуин мадам Блаватской. М., 1998. С. 233.

Успенский, как советник и переводчик, должен был обладать исчерпывающей информацией обо всем, что творилось на южном направлении и в Закавказье. Его информация имела, что называется, стратегическое значение.

Любопытно и то, что и у Сталина, а точнее, у большевиков, действительно были люди в азербайджанской разведке. Таким агентом являлся Лаврентий Берия!

Вот что говорила об этом этапе биографии повелителя НКВД старая большевичка Ольга Шатуновская: «В мусаватистскую разведку Берия взяли по рекомендации его однокашника Мирзы Балы. Он же познакомил его с начальником бакинской полиции Мир Джафар Багировым»¹.

Мирза Бала был одним из лидеров партии Мусават. И его рекомендация имела для молодого Берии решающее значение. Важно и то, что начальник бакинской полиции Багиров сам с симпатией относился к большевикам и с их приходом рассчитывал занять ведущие посты в республике.

Когда уже много лет спустя, в 1953 году, проходил июльский Пленум ЦК КПСС, на котором Берию среди прочего обвиняли в сотрудничестве с мусаватистской разведкой, Анастас Микоян говорил: «А Берия ни разу не попытался ни товарищу Сталину, ни Серго, ни Пленуму ЦК представить подтверждение с чьей-либо стороны того, что он

¹ Антонов-Овсеенко А. Лаврентий Берия. М., 1999. С. 18—19.

был в контрразведку послан партией. Между тем такой документ был необходим»¹.

Но вот любопытное свидетельство той же Ольги Шатуновской, рассказавшей, как однажды, когда она работала в Баку в подпольном кавказском бюро РКП (б), туда пришли два члена партии, студенты технического училища Вася Егоров и Шура Кремер. Он привели с собой и своего однокашника, который назвался Лаврентием Берией. Пришедшие хотели увидеться с секретарем бюро Виктором Нанейшвили. Ольга Шатуновская, дежурившая в тот день, заверила, что его здесь не бывает, однако поинтересовалась:

« — Что ему передать?

— Ничего. Я должен переговорить с ним лично.

...Вечером дежурный сообщил Нанейшвили о визите трех студентов и о просьбе Берии»².

Когда же через несколько дней Шатуновская поинтересовалась: «Зачем приходил тот человек?», то услышала в ответ от Нанейшвили: «Он работает в мусаватистской охране и просит принять его в нашу партию. Обещает давать ценную информацию».

«Но ведь у нас ведь есть уже свои люди в мусаватистской охране — Муссеви и Ошум Алиев. Мы их туда специально послали.

— Яйца курицу не учат! — закончил этот спор старший»³.

¹ Лаврентий Берия. 1953. Документы. М., 1999. С. 309.

² Антонов-Овсеенко А. Лаврентий Берия. М., 1999. С. 18.

³ Там же.

Получается, что прав был Микоян. Никто Беррию не посылал в мусаватистскую контрразведку. Он сам, будучи ее членом, пришел вступать в партию большевиков!

Любопытно и другое: особая миссия Муссеви и Алиева, о которых упоминала Шатуновская. Вот что припоминал о них и Анастас Микоян: «В 1919 году, будучи в подполье, бакинская организация большевиков для поддержания нелегальной связи с Астраханью, где тогда работал Киров, использовала двух азербайджанцев, которые были известны как социалисты и пользовались доверием буржуазного правительства, но на деле уже примкнули к коммунистам, — Муссеви и Ошум Алиева. Задача их, как и приданных к ним коммунистов, заключалась в получении полной информации, необходимой для того, чтобы предотвратить провалы нелегальной организации большевиков и содействовать нелегальным переездам в Астрахань и обратно, а также обеспечивать нелегальные перевозки авиабензина в Астрахань на лодках, доставку в Баку денег и литературы»¹.

В дни, о которых говорил Александр Сергеевич Шахмурадян, Сталин действительно был на Южном фронте и в принципе мог тайно, например, через Астрахань, откуда отправлялись конспиративные лодки, перебраться в Баку.

Имел ли он полномочия для подобных дейст-

¹ Лаврентий Берия. 1953. Документы. М., 1999. С. 308.

вий? В принципе имел. Когда в Политбюро ЦК РКП (б) готовился проект постановления по защите Азербайджана, Ленин поручал ему через Оргбюро «выудить максимальное количество мусульман-коммунистов для работы в Азербайджане»¹.

Если события с участием Сталина и имели место, то они могли произойти только в короткий промежуток времени — начиная с 26 сентября 1919 года и до конца осени того же года. Это было время тайных дипломатических демаршей советской власти. Характерно, что в этот период истории, а также позднее советские вожди в своих действиях стремились использовать конспиративные сообщества и тайные организации.

26 сентября Пленум ЦК РКП (б) принял решение направить Сталина на Южный фронт. На следующий день Реввоенсовет республики утвердил его назначение членом Реввоенсовета Южного фронта. Он имел весьма серьезный статус да еще был и наркомом по делам национальностей.

В начале осени 1919 года Берия поступает на службу в мусаватистскую контрразведку, и первые письма Успенского, который благодаря майору Пайндеру мог быть источником информации о действиях англичан, вышли в журнале «Нью Эйдж» в сентябре 1919 года.

Сам Гурджиев в июле — августе неожиданно уезжает в Боржоми, а затем возвращается в сере-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 47.

дине сентября оттуда в Тифлис. В столице Грузии он основывает Институт гармонического развития. Боржомское и тифлисское время достаточно туманно в его биографии. За эти месяцы можно было не один раз съездить в соседний Азербайджан.

Вот как описывает то время ученик Гурджиева Хартман:

«Мы должны были поехать в столицу Армении Ереван и дать несколько концертов. Окончилась война с турками. Президент Армянской республики сказал мне, что на улицах сотни людей умерли от голода. Километр от поезда до станции шли пешком. Летом несколько недель в Боржоме. Туда приезжал Гурджиев.

Осенью все вернулись в Тифлис. Гурджиев открыл плотницкую мастерскую, где делали скамейки. Занимались гимнастикой, встречались там с артистами художественного театра. Оттуда уехали в Батум».

Встает и закономерный вопрос: а зачем был нужен Сталину такой странный дервиш, как Гурджиев, в районах, контролировавшихся мусаватами?

Возможно, ответ на этот вопрос кроется в следующей фразе Шахмурадяна: «А в соседнюю Гянджу тогда приехал из Москвы еще один царский полковник, Тер-Саркисов. Он был лично знаком с младшим братом младотурка Энвера — Нури-пашой и поддерживал связь с ним через агента по кличке Кайцак».

Нури-паша был бывшим командующим турецкой армией, которая непродолжительный период времени занимала Баку в 1918 году. Позднее уже в расколовшейся Турции он возглавил так называемую Республику Юго-Западного Кавказа. Во время английской интервенции в Закавказье, когда обнаружилось, что правительство турка Нури британцы терпеть не будут, тот попросил Деникина о скорейшем назначении в Карс, где была столица республики, русского губернатора.

«Если не турецкая, то только русская власть», — откровенно говорили турки юго-западного Кавказа английскому полковнику Лесли 31 декабря 1918 года в Карсе. Прибывшего туда же в январе 1919 года полковника Тимперлея Шуро народное собрание республики встречало словами: «Мы рады вас приветствовать как союзников, победителей и как дорогих гостей на русской земле».

Только не англичане — такова была позиция влиятельного Нури-паши. Того самого Нури-паши, который еще в 1908 году, как и его брат Энвер-паша, не только был одним из членов организации «Единение и прогресс», но и принадлежал к влиятельным турецким масонам.

Гянджа была прибежищем наиболее радикальных членов партии Мусават. Это объяснялось и тем, что здесь дислоцировались турецкие части, которые по-прежнему подчинялись Нури-паше.

Фигура Тер-Саркисова, о котором говорит Шахмурадян как о приехавшем в соседнюю Гянджу из Москвы царском полковнике, неожиданно возникает в совершенно оригинальном документе, хранящемся в так называемой особой папке в архиве ЦК КПСС. Из документа следует, что этот человек находился на подпольной работе в Баку и был задержан Берией. Лаврентий Павлович допрашивал Тер-Саркисова, представившись заместителем начальника контрразведки мусаватистов.

Сам же начальник контрразведки Шихзаманов называет в агентурных справках Берию своим секретарем.

В этих же партийных документах всплывает и «Мелик Меликян, царский полковник Генерального штаба», по словам Шахмурадяна, свидетель конспиративной миссии Гурджиева и Сталина. Но Меликян уже носит другую, не армянскую, а созвучную ей азербайджанскую фамилию — Меликов и является в 1919 году сослуживцем Берии в контрразведке Азербайджана.

Вообще это очень любопытное смешение: мусаватистские контрразведчики, большевики-подпольщики, бензинные контрабандисты и турецкие масоны.

Конечно, некоторых из этих людей уже ждала пуля. И вот что на этот счет говорил сам Берия: «Муссеви — это левый коммунист. Еще до меня получил задание работать в контрразведке, как это мне было известно от Гусейнова, причем он

был заместителем начальника контрразведки, начальником контрразведки был Шихзаманов. От Гусейнова я имел задание контактировать с Муссеви. Он давал задание Измайлову, а через него мне знакомиться с письмами и при надобности ориентировать его, Муссеви. Муссеви был убит, по моему мнению, мусаватистами за его деятельность»¹.

Убийство это произошло в марте 1920 года в одном из бакинских ресторанов. Вместе с Муссеви в упор был застрелен и Ошум Алиев.

Сразу же после этого убийства Берия покидает контрразведку и переходит на службу в бакинскую таможенную, но по-прежнему остается в Азербайджане. Хотя главные свидетели его работы в контрразведке были убиты одновременно.

В этой истории много «если», и тем не менее, если все это действительно так, то получается что контрразведка и МВД Азербайджана были в курсе миссии Гурджиева—Сталина, а значит, в курсе был и секретарь начальника контрразведки Берия. Его сослуживец Меликов-Меликян принимал непосредственное участие в обеспечении миссии. И вот что еще важно: именно Гурджиева — человека, в равной степени вхожего в круги турецких масонов и партию армянских националистов дашнакцутюн, Сталин избрал для своего тайного вояжа в Азербайджан.

¹ Из дела Берии. Цит. по кн.: А. Сухамлинов. Кто вы, Лаврентий Берия? М., 2004. С. 411.

Была ли эта миссия успешной? Как будто нет. Правительство Азербайджана не решилось выступить единым фронтом против Деникина.

Хотя, возможно, у Сталина в этом случае имелась и еще одна, более радикальная цель — он хотел понять, насколько можно расколоть партию Мусават и подготовить ввод частей Красной армии в Азербайджан.

Глава 13

•

Еким-бей

1

Гражданская война и неразбериха толкают Гурджиева на ряд авантюрных поступков. Таково уж свойство времени, изменяющее свойства людей или способствующее тому, чтобы эти свойства проявлялись. Так оно вышло и с Георгием Ивановичем. Он вспоминал: «Я продал за бесценок все приобретенное для института в Тифлисе и, обеспечив всем, чем было возможно, оставшихся, уехал в Константинополь, взяв с собой тридцать человек»¹.

Цель этой поездки, помимо политической эмиграции, он видел достаточно ясной: «...я решил, что расширю сферу моей деятельности в Константинополе организацией публичных лекций по разъяснению различных аспектов моих основных идей и открытием курсов по изучению трех искусств — танца, музыки и рисования, рассматривая их в отношении к объективной науке»².

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 261—262.

² Там же. С. 260.

Конечно, это было либо чистой воды наивно-стью, либо игрой в оную. Гурджиев, можно сказать, ехал в неизвестность эмиграции — в Турцию, оккупированную и саму стоящую на пороге гражданской войны.

Однако в Константинополе у него все же были знакомцы, один из которых являлся персонажем его «Встреч...».

В главе «Князь Любовецкий» уже говорилось о принце Сабахеддине. Он вновь появляется на горизонте, когда Гурджиев среди моря беженцев вместе с членами «Единого Трудового Содружества» очутился на берегах Босфора.

Гуру часто мистифицирует свои встречи с «замечательными людьми». Мистифицирует прежде всего историю знакомств с ними. Здесь есть свой резон: часть этих встреч была связана с большой политикой или тайнами закрытых организаций. Немудрено, что он решился создать свой собственный эпос, указывая лишь местами реальные детали героев, намеренно путая следы. Как и в истории Еким-бея, он называл своего героя «сыном паши...»¹.

Отца принца Сабахеддина — Джамад Махмуд Джелаладин-паша. «Бывший губернатор одного пашалыка»² — собственно, паша и управлял пашалыком, то есть областью.

«Принц Сабахеддин был невысокий меланхо-

¹ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. М., 1994. С. 171.

² Там же. С. 170.

личный человек средних лет; он носил фрак и феску. Он интересовался восточными религиями и западной политикой. Обратив внимание на теософию и антропософию, он вступил в переписку с Рудольфом Штайнером и Эдмондом Шюре; кроме того, он изучал исламский мистицизм, буддизм и христианство»¹.

В 1899 году отец принца Джамад Махмуд Желаладин-паша, сторонник конституционной монархии, бежал из Турции во Францию с сыновьями Сабахеддином и Люфтулиахом.

Находясь в эмиграции, семья примкнула на какое-то время к организации младотурок — тайному обществу «Единение и прогресс», фактически превратившемуся в политическую партию. Принц не мог принять общество, в котором заправляли дервиши ордена Мевлеви.

«Последний султан Мехмед Решад V был почетным членом этого ордена. В течение долгих лет заключения, брошенный в тюрьму Абдулом Хамидом, он поддерживал себя, практикуя суфийский мистицизм под руководством главы Мевлевского ордена, Ахмеда Челеби из Кони»², — писал английский разведчик Беннет.

Султан окружал себя «истинными людьми веры» — шерифами, сеидами, богословами и амирами. Повелитель Турции оказывал предпочтение шейхам из Сирии, Аравии, Северной Африки. Все они имели репутацию астрологов, магов, некро-

¹ Вашингтон П. Бабуин мадам Блаватской. М., 1997. С. 226.

² Беннет Дж. Г. Учителя мудрости. М., 1999.

мантов. Самым влиятельным считался уроженец Алеппо Худа ас-Саади. Он обладал паранормальными способностями, занимая при дворе султана положение Распутина, символизируя связь с умой. Особо процветали ордена рифаи, накшбенди, тиджани.

Но в 1908 году Сабахеддин и его родственники вернулись в Константинополь после победы заговорщиков. Надо сказать, что известна дата возвращения принца в Турцию. Это 2 сентября 1908 года. Причем на следующий день он устроил пресс-конференцию в театре «Варьете». Выступая там, он говорил: «В настоящее время у нас в стране живут представители самых разных национальностей — турки, арабы, албанцы, курды, греки, армяне. Их общая выгода не принести вреда нашему политическому единству».

После 1912 года Сабахеддин покинул Стамбул и вновь отправился в эмиграцию. Но он был настоящим османским принцем. В жилах его матери текла кровь султанов. Поэтому принц находился в Европе до конца войны. Когда его дядя, правящий султан Мехмет VI, после капитуляции Турции решил отречься от престола, своим наследником он признал Сабахеддина. Принц, узнав об этом, поспешил на родину и вскоре поселился в стамбульском районе Куру-Чешм, где его в 1920 году и навещил Георгий Иванович.

Об отношениях Гурджиева и принца Сабахеддина имеется красноречивое свидетельство английского разведчика Беннета.

«Зная пунктуальность князя, за несколько минут до восьми я приехал в Куру Чешм и был прямо препровожден в маленький салон, где мы обычно беседовали после обеда. Князь немедленно ко мне присоединился. Я узнал имя гостя — Гурджиев и то, что впервые князь случайно познакомился с ним, возвращаясь из Европы в Турцию после турецкой революции 1908 года. Всего три или четыре встречи связывали князя с Гурджиевым, однако князь знал, что Гурджиев — оккультист и исследователь, много и далеко путешествующий. А также один из немногих, сумевших проникнуть в тайные братства Центральной Азии, и превосходный собеседник. Больше он не мог или не хотел мне рассказать»¹. В другом месте Беннет со слов принца упоминает о прежнем времени знакомства с Гурджиевым и встречах: «Он представил гостя как человека, которого он не видел с 1912 года, но которого считал необычайно интересным»².

2

Видный российский государственный деятель Василий Витальевич Шульгин, оказавшийся в 1920 году в эмиграции в Константинополе, так описывал свое знакомство с этой личностью:

¹ Беннет Дж. Г. Свидетель. Цит. по интернет-изданию.

² Там же.

« — Какой он национальности? — спросил я факира.

— Неизвестно.

— На каком языке говорит?

— На всех.

— Возраст?

— На вид лет сорок. Но, говорят, ему за двести.

— Чудеса в решете.

— Чудеса. Он читает письма, не распечатывая конвертов.

— Ясновидец?

— По-видимому.

— На какие средства он живет?

— Его ученики ему платят.

— Значит, у него школа?

— В древнем смысле. Как у греческих философов».

После этого заинтригованный Шульгин попросил познакомить его со столь загадочным господином.

«Ярко освещенный зал с колоннами. Паркетные сияли. Они переходили в невысокую эстраду, — рассказывает он. — Рояль чернел в углу у белых колонн. На этой эстраде, на обыкновенном венском стуле, заложив ногу за ногу, сидел человек в черном пиджаке. Больше никого не было.

— Гюрджиев, — шепнул мне мой факир. И он стал подводить меня к руководителю «Гармонического развития человека» с такими манерами,

как будто мы приближались к коронованному лицу. Меня это сначала рассмешило. Венский стул мало походил на трон.

Человек, сидевший на низенькой эстраде, соблюдал неподвижность, не делая никаких движений. Но он пристально смотрел на нас, подходящих к нему, собственно — на меня, так как моего спутника-факира он уже знал. Я видел его глаза. Они незабываемы. Горящие глаза. Как у богатых караимов, державших в Киеве табачные лавочки».

В это время Шульгин и побывал на занятиях одного из классов, где увидел методику Гурджиева в действии.

«Гуру сел за рояль и заиграл. Одновременно с музыкой из-за колонн показались люди. Они выходили на блестящий паркет и выстраивались против Гурджиева, который остался сидеть на своем стуле. Они заняли свои места примерно в шахматном порядке. По какому-то знаку пришли в движение. Факир сказал мне:

— Это одиннадцать противоречивых движений. Следите за золотоволосой дамой в переднем ряду посредине. Она лучше всех...

Действительно, каждый делал одно из одиннадцати противоречивых движений, противореча не только себе, но и всем остальным телам. Танцующие двигались как сомнамбулы. Вся эта головоломка одурманивала зрителей. И в самый разгар гипнотического хаоса из-за кулис послышался крик:

— Стоп!

Люди остановились в тех позах, в которых их застал мучительный танец. Застыли, точно каменные изваяния. Зрители сразу увидели, сколь противоречивы движения танцоров. Одни были на двух ногах, другие — на одной. Некоторые оказались в самых неустойчивых положениях... Но сила тяготения взяла свое. Люди-изваяния, стоявшие в противоестественных позах, стали падать один за другим.

Зловеще раздавались удары падающих тел об пол. Занавес опустился медленно, как опускается страшная угроза человечеству...»¹.

Неизвестно, что, помимо своих представлений и лекций, устраивал Гурджиев в эмигрантской среде. Злые языки утверждали, что он будто бы был даже причастен к возвращению в советскую Россию генерала Слащова, прототипа одного из героев пьесы М.А. Булгакова «Бег». Подобные интриги контролировались ЧК. Однако никаких очевидных концов этой истории обнаружить не удалось.

Понимая, что эмиграция — дело хлопотное и долгое, если не вечное, Георгий Иванович решил перебраться в Европу, где, может быть, начать новый этап своей жизни, жизни института и в целом учения — единственного смысла существования в потрясенном войной мире.

¹ Шумилин В. Последний очевидец. М., 2002. С. 551—552.

Глава 14

•

Апостолы ЕТБ и черная религия бон

1

Существование «Единого Трудового Братства» долгое время считалось мистификацией. Это случилось, потому что первые сведения о нем пришли из места весьма примечательного — из архива центрального аппарата ФСБ.

В 1937 году НКВД раскручивало дело, которое даже в 1990-х годах причислялось (а возможно, и сейчас причисляется) к «особо важным», то есть имеющее отношение к первым лицам государства. ЕТБ было тайным обществом, членами которого были сотрудники центрального аппарата НКВД и высшая кремлевская номенклатура.

Основателем ЕТБ стал врач и первый советский экстрасенс Александр Барченко, член ученой конференции Института Бехтерева.

Вот как он вспоминал о встрече с человеком, который уже возникал в моем повествовании в связи с розенкрейцерами и «Единым Трудовым Содружеством» Гурджиева: «Первый, с кем я по-

знакомился, был уже названный Шандаровский. Знакомство произошло при следующих обстоятельствах. В 1922—1923 годах, занимаясь исследованиями в области «Древней науки» (системы Дюнхор), я проживал в ламаистском дацане в Ленинграде. Шандаровский, будучи сам мистиком и желая установить со мной контакт, пришел однажды в дацан поделиться находившимися в его распоряжении сведениями, как он говорил, и узнать о них мое мнение»¹.

В действительности встреча эта произошла при весьма экзотических обстоятельствах. Как-то зимой Барченко, прогуливаясь по городу, остановился перед витриной одного из магазинов, где продавались ковры, и разглядывал замысловатый узор, в котором угадал элементы Универсальной Системы. Такое вполне могло случиться: ряд дервишских общин Востока, занимаясь выделкой ковров, заключал в графику узоров сокровенные символы.

Неожиданно на улице появился весьма худой немолодой человек. Он тоже остановился у витрины и как замороженный принялся рассматривать выставленный ковер.

Между Барченко и Шандаровским состоялся примечательный диалог, о котором впоследствии вспоминал один из членов Единого Трудового Братства, Элеонора Кондиайн:

¹ Архив ФСБ. Дело А.В. Барченко. Допрос от 10 июня 1937 года.

«Александр Васильевич обращается к нему: «Это вам что-нибудь говорит?» А тот рисует на снегу какую-то геометрическую фигуру и спрашивает: «А это вам что-нибудь говорит?» Александр Васильевич ботинком на снегу тоже изображает какую-то фигуру... Так, обменявшись чертежами, они пошли вместе»¹.

Есть сомнение, что они были незнакомы до этого. Оба принадлежали к ордену розенкрейцеров и были посвящены в его эзотерические и организационные тайны.

Элеонора Кондияйн вспоминала, как потом оба пришли домой к Александру Васильевичу и всю ночь просидели, молчаливо выводя на листах бумаги причудливые знаки и идеограммы. Иногда жена Барченко приносила обоим чай. Потом к ней на кухню приходил Александр Васильевич и только издавал восторженные восклицания.

Шандаровский предложил использовать для организации ЕТБ и требник, свод законов ЕТС. Таким образом, Братство стало преемником Содружества. Вообще этот человек боготворил буквально все, что было связано с воспоминаниями о Гурджиеве.

Первоначально в ЕТБ вошли близкие друзья Барченко и те, кто разделял положения требника. Во главе общества встали Барченко, Шандаровский и астрофизик Кондияйн.

¹ Андреев А. Время Шамбалы. СПб.—М., 2002. С. 103.

Суть своеобразной миссии Шандаровского Барченко описал на следствии: «Он сообщил уже изложенные сведения о ЕТС, причем указал, что руководитель «Содружества» Гурджиев раньше, как и я, занимался исследованиями в области «древней науки». Он же указал, что некоторые материалы об этом имеются у Меркурова, родственника Гурджиева. И ввиду того, что область исследований Гурджиева совпадала с тем кругом вопросов, которыми занимался и я, я заинтересовался рассказом Шандаровского и связался впоследствии с Меркуровым. Последний представил мне хранившиеся у него материалы Гурджиева, а позже, в 1934 году, и дневник Петрова, ученика Гурджиева. Меркуров сообщил мне, что Гурджиев проживает за границей, переезжая часто из Парижа в Лондон, Нью-Йорк и обратно. По словам Меркурова, Гурджиев предлагал ему неоднократно крупные суммы денег. Но он отказался.

Помимо передачи мне материалов Гурджиева, Меркуров дал еще адреса двух членов «Содружества» — Шишкова и Жукова, с которыми я связался в 1925 году, однако нового о Гурджиеве, кроме того, что сообщили мне Шандаровский и Меркуров, я ничего не получил.

Позднее я познакомился с еще одним членом ЕТС, Петровым. Получив от Меркурова его днев-

ники, я написал Петрову письмо, желая получить новые сведения о Гурджиеве. Петров ответил мне, а через некоторое время сам приехал в Москву, остановился у меня и прожил дней десять в моей квартире. Нового о Гурджиеве он также ничего не сообщил...»¹

Знакомство с Шандаровским подвигло Александра Васильевича и на написание своеобразной памятки для членов «Единого Трудового Братства». Документ любопытен не только своеобразной декларацией мистического и нравственного направлений новой организации. Катализатором необоримого движения к закрытым территориям стал для главы ЕТБ весьма таинственный человек, некий Нага Навен. Его привел домой к Барченко член Оргбюро Монгольской народно-революционной партии Хаян Хирва. Вообще это было одним из самых загадочных знакомств в жизни Барченко. Однако дело не только в конспиративной миссии Нага Навена. Во многих последующих воспоминаниях о нем он присутствует ни больше ни меньше как эмиссар Шамбалы, облеченный вполне политическими полномочиями.

Барченко вспоминал: «Нага Навен осведомил меня, что прибыл для личного свидания с представителями советского правительства, чтобы добиться сближения Западного Тибета с СССР. Он сказал, что далай-лама все больше сближается в

¹ Архив ФСБ. Дело А.В. Барченко. Допрос от 10 июня 1937 года.

Восточном Тибете с англичанами, а население и ламство Западного Тибета против союза с англичанами, что вследствие этого ламство массами эмигрирует во Внутреннюю Монголию и далее в Улан-Батор, что духовный глава Тибета Панчен-Богдо также обнаруживает оппозицию да-лай-ламе и что в связи с этим создаются исключительные возможности для установления самых тесных отношений, как политических, так и культурных, между СССР и Западным Тибетом через Южную Монголию.

Нага Навен указал, что политическую сторону этого вопроса он надеется осветить советскому правительству и Коминтерну через Чичерина. Далее Нага Навен сообщил мне ряд сведений о Шамбале как о хранилище опыта доисторической культуры и центра «Великого Братства Азии», объединившего теснейшим образом связанные между собой мистические течения Азии. Нага Навен обнаруживал широкую осведомленность во всех вопросах мистических учений, меня интересовавших. Он вырос в моих глазах в совершенно исключительный авторитет «Великого Братства Азии».

С этой встречи с Нага Навеном созданное мною «Единое Трудовое Братство» включилось в связь с «Великим Братством Азии» и дополнялось его филиалом. Из совещаний с Нага Навеном я получил от последнего санкцию на сообщение большевикам моих мистических изысканий в области «древней науки» через специально создан-

ную группу коммунистов и на установление контактов советского правительства с Шамбалой. От Нага Навена я получил также указания на желательность созыва в Москве съезда мистических объединений Востока и на возможность этим путем координировать шаги Коминтерна с тактикой выступлений всех мистических явлений Востока, которыми, в частности, являются гандаизм в Индии, шейхизм в Азии и Африке. Продвижение вопроса о Шамбале большевикам, по словам Нага Навена, будет способствовать самому глубокому изменению отношений между СССР и Востоком. Именно на такое изменение отношений со всем Востоком, в результате сближения с СССР и Западным Тибетом, он, Нага Навен, готовится обратить внимание Чичерина, и если удастся, то и Коминтерна. Таким образом, представитель «Великого Братства Азии» Нага Навен в моем лице указывал «Единому Трудовому Братству» путь внедрения связи с ответственными представителями советского правительства и Коминтерна, с тем чтобы ориентировать их в осуществлении революционной пропаганды и руководства национально-освободительными движениями на революционные силы и добиться этим путем изменения политического курса и прорыва революционной базы на Восток»¹.

¹ Архив ФСБ. Допрос Барченко А.В. от 10 июня 1937 г.

В книге «Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж» я рассказал о невероятной авантюре, затеянной ОГПУ в связи с экспедицией в Шамбалу, когда были задействованы ресурсы спецслужбы и даже тайный партийный счет № 9. Есть смысл в общих чертах повторить этот рассказ, так как у него имеется специфическое продолжение, о чем будет рассказано только в этой главе этой книги.

Западный Тибет, о котором говорил Нага Навен, иначе называется Шаншунг. Эта область известна своей мистической особенностью, о которой, несомненно, должен был знать Александр Васильевич Барченко. Еще до революции он ведь весьма активно общался с крупными русскими востоковедами-буддологами Щербатским и Ольденбургом.

Я пытался понять: что собственно Барченко называл Шамбалой, что было для него конкретным символом учения? Только ли получение посвящения в учение Калачакра-Дюнхор, которое и есть главная идеологема таинственной страны, или что-то еще?

Конечно, кроме Тибета, никакой закрытой страны Шамбалы в XX веке в Азии не существовало. А в текстах Барченко видно, что под Шамбалой он имеет в виду понятие, а не страну. Однако я допускал возможность существования одного или нескольких монастырей, разбросанных в го-

рах Центральной Азии: от Памира до Гималаев, которые, в сущности, и выступали некоей секретной конгрегацией хранителей древней мудрости.

Но тогда возникал естественно вопрос: а где конкретно локализовалась «древняя наука» и кто собственно совершал посвящение в нее?

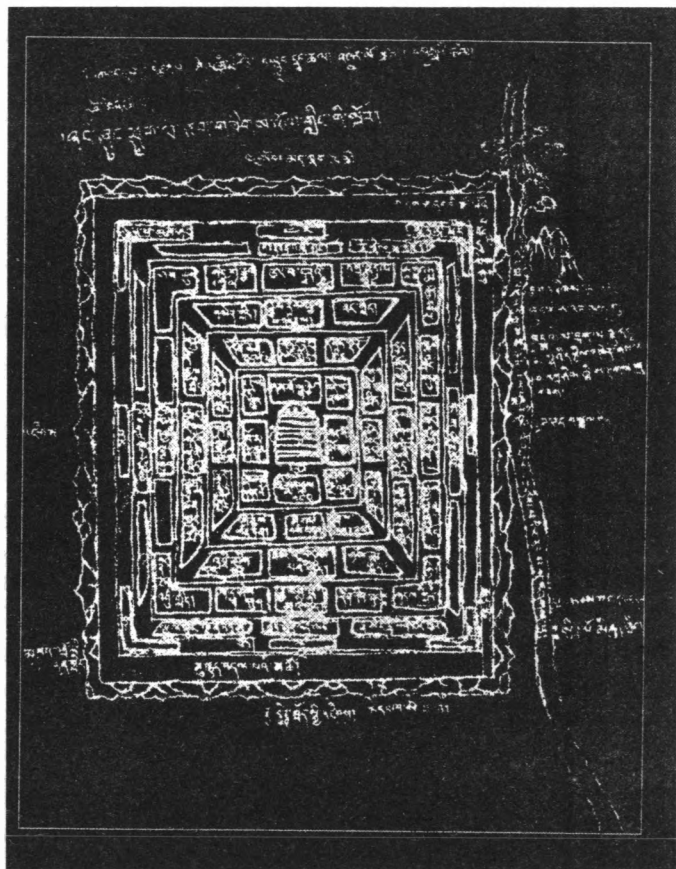
Из допросов Барченко, посвященных экспедиции, вытекало, что маршрут путешествия к тайным братствам сначала должен был пройти через Афганистан, затем через Западный Китай и Индию. По всей видимости, имелся в виду один достаточно конкретный район на стыке границ трех государств. Однако никаких конкретных названий, как мне казалось, он на допросах вроде бы не произносил.

Ключ к конечному пункту путешествия обнаружился при сопоставлении различных источников. И здесь мне помогла «Памятка для членов ЕТБ», о которой говорилось выше.

Размышляя о грядущем мировом потопе и его последствиях, Барченко впервые упоминает о высокогорном перевале Санджу, хотя и называет его Саджу. Рассуждая о роли белой, черной и желтой рас в мистические периоды исторических катаклизмов, ученый пишет: «Горные же плато и кряжи Евразии, сплошь заселенные белой¹ (Авганы, Кафиры, Горные Таджики, Курдистан, Белуджистан, Персия, Азербайджан, Закавказье и Гималаи с Шамбалой и Саджу), должны уцелеть»².

¹ Расой.

² Шишкин О. Битва за Гималаи. М., 1999. С. 314.

Саджу, как и Шамбала, стал центром навязчивого стремления ученого-эзотерика. Там, по мнению Александра Васильевича, и находятся первоисточники «древней науки», великие центры стародавнего знания.

12 декабря 1927 года в письме к автору книги «Буддист-паломник у святынь Тибета» бурятскому ученому Гамбоджапу Цибикову Барченко снова упоминает о загадочном перевале, лежащем на знаменитом в древности «Пути скелетов».

«Так же, как и вы, я глубоко и аргументированно убежден в неизбежности великого столкновения культур — западной и глубокого Востока, возглавляемого Саджа и Шамбала»¹.

Ответ на смысл поисков Барченко и одновременно на тайное знание, к которому он хотел привести экспедицию ОГПУ, содержится уже в другом документе — в книге Юрия Рериха «По тропам Срединной Азии». Сообщая о движении каравана своего отца после Каракорумского перевала, он писал: «В Донгга, находящемся между Шимша-Карбу и Чинигундом, я обследовал валуны с множеством высеченных на них горных козлов, охотников с луками и знаков свастики. Такие наскальные изображения широко распространены в Ладаке и соседних горных местностях и встречаются даже в оазисе Санджу, на северном склоне перевала. Они принадлежат примитивному культу природы Тибета, обычно называемому Бон»².

Бон, или иначе Бон-по — специфическое учение, распространенное именно в Западном Тибете. «Бон» переводится как «заклинание». Считает-

¹ Шишкин О. Битва за Гималаи. М., 1999. С. 348.

² Рерих Ю. По тропам Срединной Азии. Самара, 1994. С. 11–12.

ся, будто это учение вобрало в себя шаманизм и древнеиранские верования. В данном случае имелось в виду учение митраизма. Верховным божеством этого культа являлся «Царь бытия».

Иконографии тибетского буддизма и бон весьма похожи, хотя их общий символ — свастика — имеет разное направление лучей.

Основателем Бон явился некто Шенраб Миво.

Русский исследователь Бронислав Кузнецов писал: «Согласно традиции Бон, из Шан-Шунга происходит высшее учение бон, известное как Юндрун Бон — Традиция Вечной Мудрости, принесенной Буддой по имени Тонна Шенраб Миво, который был принцем и духовным учителем в древнем царстве в Центральной Азии задолго до появления в VI в. до н. э. Будды Шакьямуни в северной Индии. Учение этого центральноазиатского Будды было переведено с языка царства Тазик на язык Шан-Шунга, а позднее — на тибетский язык»¹.

Царство Тазик? Что это за еще одна легендарная территория? Но, оказывается, и на этот вопрос ответить довольно легко.

«Страна Тазик, что представляет собой тибетскую транскрипцию названия Таджики, хорошо известна в тибетских хрониках и играет заметную роль в эпосе о Гэсэре и в бонской литературе»².

¹ Рейнольдс Дж. Институт по изучению Бонпо. Гаруда № 2. СПб., 1992. С. 48.

² Рерих Ю. Тибет и Центральная Азия. Самара, 1999. С. 124.

Желание отправиться к носителям древней мудрости Барченко имел всегда, как, впрочем, и план путешествия на Восток.

Еще в первые годы после революции, выступая с просветительскими лекциями на кораблях Балтфлота, он настолько зажигательно рассказывал о своих намерениях достичь очага древней мудрости в Тибете, что группа матросов высказала желание пробиваться с боями к носителям мудрости и вождям мира.

Однако представляется, что реальные очертания планы ученого обрели лишь в начале 1921 года. Январем этого года датируется письмо к Бехтереву.

«В июле надеюсь получить легальную возможность ехать из России на Восток. Около 2 лет я располагаю провести в некотором пункте, находящемся всего в 460 верстах от русской границы, откуда почта ходит почти регулярно. Таким образом, я буду иметь возможность поддерживать с вами живую и регулярную связь еще 2 года и, если бог даст, получу возможность пригласить подходящее из объединенной вами группы лицо для непосредственных наблюдений на месте явлений, которые в европейской обстановке воспроизведены быть не могут. Почему — вы сами ясно поймете, когда глубже ознакомитесь с механизмом явлений»¹.

¹ Андреев А. Оккультист Страны Советов. М., 2004. С. 322.

Экспедиция, о которой мечтал Барченко, могла осуществиться. Но в Советской стране ее спонсорами выступили влиятельные люди из ОГПУ. Осенью 1924 года один из бывших членов 1-го капитула розенкрейцеров, некто Константин Владимиров, к тому времени графолог Спецотдела ОГПУ, специально прибыл в Ленинград, чтобы убедить Александра Васильевича ознакомить со своими планами руководство центрального аппарата ОГПУ. После некоторых размышлений Барченко пишет несколько писем в эту инстанцию. Оттуда прибыл и проверяющий, особоуполномоченный по важнейшим делам секретно-оперативного управления ОГПУ Яков Агранов.

Общение с ученым стало для чекиста решающим аргументом. И вот в декабре 1924 года Барченко выступает со своим проектом не где-нибудь, а на коллегии ОГПУ, и выступает столь убедительно, что коллегия поддерживает проект, и Дзержинский распоряжается о выделении специальных средств на экспедицию к «властителям мира», привлекая к финансированию и особый секретный партийный счет № 9.

Впоследствии целая интрига разгорелась вокруг экспедиции, и хотя она в конце концов оказалась сорванной, исследования Барченко взял под свою опеку Специальный отдел ОГПУ, возглавлявшийся Глебом Бокием.

Начальник настолько был покорен личностью Барченко, что внутри ОГПУ и части аппарата ЦК были созданы ответвления тайного общества «Единое Трудовое Братство».

Сам Бокий уже на допросе достаточно убедительно объяснял мотивы своего вступления в ЕТБ: «Дискуссию с Троцким 1923—1924 гг. я воспринял уже по-партийному и хотя не разделял взглядов Троцкого, но был против той, на мой взгляд, излишней страстности, которая применялась в полемике против него. Решающее влияние в дальнейшем имела смерть Ленина. Я видел в ней гибель Революции. Завещание Ленина, которое мне стало известно не помню от кого, мешало мне воспринимать Сталина как вождя партии, и я, не видя перспектив для Революции, ушел в мистику. К 1927 году я уже отошел от партии настолько далеко, что развернувшаяся в это время борьба с троцкистами и зиновьевцами прошла мимо меня, и я в ней никакого участия не принял. Углубляясь под влиянием Барченко все более в мистику, я в конце концов организовал с ним масонское сообщество...»¹

Масонское сообщество? Ну что ж, в какой-то степени тайное общество «Единое Трудовое Братство» можно было бы назвать масонским. Хотя большинство признаков его не удовлетворяет определениям и подходит лишь под формат так называемой «дикой логи».

¹ Андреев А. Время Шамбалы. СПб., 2002. С. 210.

В кабинетах на Большой Лубянке Александр Васильевич читал лекции о символическом значении карт Таро гражданам, казалось бы, весьма далеким от оккультных эмпиристов — сотрудникам ОГПУ.

Товарищ Леонов возглавлял 1-е отделение Спецотдела ОГПУ. Оно занималось охраной государственной тайны и исполнением режима секретности. Филиппов руководил подведомственным Управлением северных исправительных лагерей. Александр Георгиевич Гусев распоряжался в 4-м отделении Спецотдела, раскалывавшем иностранные и антисоветские шифры и коды и занимавшемся дешифровкой документов. Владимир Цибизов, из 2-го отделения, где был разработан «Русский код», объединивший 82 отечественных шифра, возглавлял 8-е, криптографическое отделение Штаба РККА. Словом, все эти люди являлись сотрудниками самого секретного подразделения ОГПУ. Его руководитель Глеб Бокий также присутствовал на этих лекциях, считая их полезными для всех сотрудников.

Впрочем, помимо стен ОГПУ, лекции Барченко проходили и в более штатской среде. И тогда среди слушателей появлялись члены ЦК партии Иван Москвин и Семен Диманштейн, заведовавший Национальным сектором. С ними за компанию приходил и Борис Стомонаков, заместитель народного комиссара иностранных дел. Он курировал в своем ведомстве направление Синцзян — Тибет.

Постороннему едва ли пришла бы в голову мысль, что все эти люди являлись членами тайного общества «Единое Трудовое Братство».

С переносом деятельности Братства в Москву и в связи с переездом Барченко на новое место работы изменилась и структура Высшего Совета Братства.

В него вошли следующие лица: Бокий Глеб Иванович — начальник Спецотдела ОГПУ, Москвин И.М. — кандидат, а потом член ЦК ВКП (б), работник аппарата ЦК, член комиссии Совконтроля, Миронов — инженер, товарищ Бокия по Горному институту, работник Наркомзема¹, Кострикин — инженер, также товарищ Бокия по институту, Стомоняков Б.С. — заместитель наркома иностранных дел, Гопиус — работник Спецотдела ОГПУ, Александр Барченко².

Известность и авторитетность Барченко росли на глазах. Со временем его лекциями заинтересовалась еще одна группа крупных партийных чиновников во главе с секретарем ЦИК СССР Аве-лем Енукидзе. По его просьбе Александр Васильевич неоднократно выступал перед членами тайного общества «Кремлевский кружок»³.

¹ Наркомзем — Народный комиссариат земледелия, так называлось Министерство сельского хозяйства.

² Архив ФСБ. Протокол допроса Барченко А.В. от 10 июня 1937 г.

³ Устная информация вдовы Барченко Ольги Павловны.

Барченко был арестован 21 мая 1937 года. Что интересно: в его допросах имеются выемки — отсутствующие листы. Они находятся в том месте его показаний, где речь заходит о Гурджиеве. Кто произвел эти купюры, неизвестно. Они могли быть сделаны либо самими следователями по личной инициативе, либо ими же по просьбе главного затевателя процессов Сталина. В первом случае и Бельскому, и Али грозила смертная казнь, к которой, впрочем, их после окончания дела и приговорили.

Зимой злосчастного 1937 года, находясь в заключении, Барченко пишет письма наркому внутренних дел Ежову с надеждой, что, возможно, глава репрессивной машины сжалится и отпустит его или хотя бы не убьет.

«Народному комиссару внутренних дел Николаю Ивановичу Ежову. Лично.

Лишенный свободы Лефортовской тюрьмы. Камера № 76.

Александр Васильевич Барченко.

24 декабря 1937 года.

Заявление

Мне объявлено об окончании следствия по моему делу. Я полностью разоружился, не оставив себе никакой лазейки для отступления, сообщив следствию все доступные моей памяти детали, события и имена лиц, проходивших в моем про-

шлом. Ответственность за него мне ясна. Искать смягчающих обстоятельств, если они в моем прошлом имеются, считаю себя не правомочным. Позволяю привлечь ваше внимание лишь к ниже-следующему: в свое время мне удалось открыть физическое явление, не учтенное, не описанное современной наукой. Разработке этого открытия я с начала революции посвящал большую часть своих жизненных интересов и времени. В момент моего ареста я заканчивал в Всесоюзном институте экспериментальной медицины организацию лаборатории, имевшую целью углубить практическую проверку моих научных построений, уже увенчавшихся в корне экспериментальным успехом в 1935 году, в бывшей моей лаборатории в МЭИ, в моих домашних работах. Из материалов, взятых при моем аресте, известно, что в силу определенных причин, примерно за два года до моего ареста, я вынужден был уничтожить часть научного материала, в том числе и чертежи, освещающие пути практического приложения моего открытия.

Известно, что до ареста я прибегал к содействию определенных лиц, в том числе профессора Тимирязева, для скорейшего привлечения наиболее крупных специалистов к оценке практической приложимости конкретных результатов моей научной работы, освещенных как раз в этом уничтоженном материале. Этому также помешал мой арест. Таким образом, я и наиболее надеж-

ные из работавших со мной лиц пока лишены возможности полностью осветить подлинную социальную ценность моего открытия и его конкретных оборонительных перспектив. Позволяю привлечь ваше внимание к тому, что из различных положений, освещенных вышеуказанным открытием, мною к моменту ареста были полностью теоретически и в значительной части экспериментально проработаны до степени, дающей возможность немедленной коллективной экспериментальной проверки, нижеследующие положения: 1) в результате проработки вопроса об энергетических факторах структуры жизнедеятельного вещества обнаружены конкретные пути энергорегуляции жизнедеятельности простейших, в том числе бактерий. Разработка этих путей может вооружить современную науку чрезвычайно мощным орудием как по линии терапии ряда болезней, в их числе эпидемических, по линии их профилактики и дезинфекции, так и по линии обороны от биологических методов войны; 2) в результате проработки того же вопроса об энергофакторах структуры жизнедеятельности вещества обнаружены пути энергорегуляции гиперплазии (разрастания клеток), не учтенные в современной науке в борьбе с злокачественными опухолями. В результате параллельной проработки вопроса о факторах повышенной сопротивляемости (механической) жизнедеятельного вещества обнаружен конкретный математический

проекционно геометрический (механизм), до крайности обеспечивающий подбор наивыгоднейших архитектурно-строительных конструкций, в том числе позволяющих найти ключ к антисейсмическим зданиям; 3) не в силу мистической чудесности, а в силу того, что колебательно-вихревые (квантово-волновой процесс) и неучтенные черты которого обнаружены моим открытием являются универсальным корнем всех без исключения случаев видоизменения энергии. Практическое приложение открытия в принципе универсально же. Механизм диалектических ступеней, внешне разграничивающих конкретные пути практических приложений открытия к различным областям науки и техники, в известной степени мной также уже проработан не только теоретически, но и экспериментально...»¹

Однако все тщетно. Механизм смерти запущен и запущен не Ежовым, а Сталиным, и его ответ на прошение о помиловании выглядит так: «Утверждаю.

Зам. наркома внутренних дел. Комиссар госбезопасности Бельский.

24 февраля 1938 года.

Утверждаю. Прокурор Союза ССР Вышинский.

13 апреля 1938 года.

Обвинительное заключение по обвинению Барченко А.В. по статье 58/6/8, 58/1 УК РСФСР.

¹ Архив ФСБ. Следственное дело А.В. Барченко.

Обвиняемый Барченко, заведующий лабораторией ВИЭМ, в прошлом офицер царской армии, беспартийный, до революции подозревался революционной общественностью в принадлежности к охране, его вина заключается в том, что, будучи завербован английской разведкой для шпионской (террористической) работы, создал контрреволюционную, масонскую, террористическую и шпионскую организацию «ЕТБ» и занимался шпионажем в пользу Англии. Следствием установлено, что обвиняемый Барченко, добиваясь парализации нашей разведывательной работы и выдачи английской разведке связей Коминтерна на Востоке, проник в 1925 году в ОГПУ при содействии обработанного им в пользу Англии бывшего начальника Спецотдела ОГПУ Бокия. У руководящих бывших сотрудников ОГПУ добился решения о посылке в Афганистан специальной экспедиции ОГПУ для установления связей с организатором английского шпионажа на Востоке Ага-ханом. В дальнейшем Барченко, используя сообщавшиеся ему Бокием секретные сведения, передал английской разведке шпионские данные о работе ОГПУ, а также и других советских учреждений. Организуя шпионскую и террористическую сеть на территории, обвиняемый Барченко неоднократно предпринимал поездки в различные районы Советского Союза, где устанавливал связи с представителями антисоветских, религиозно-мистических сект, ориентирующихся на

Ага-хана, и, используя их в целях шпионажа, добивался воссоздания наиболее благоприятных условий для деятельности этих сект и объединения их антисоветской работы. Барченко пытался провести при содействии Бокия легализацию этих сект и организацию съезда их представителей. Выполняя задание английской разведки, обвиняемый разработал ряд вредительских проектов, рассчитанных на дезорганизацию советского хозяйства. И при помощи обработанного им бывшего работника ЦК ВКП(б) Москвина пытался провести их через органы власти; в частности, он добивался отказа правительства от посевов кукурузы и сои, употребления резиновых подошв, применения яровизации. На следствии обвиняемый Барченко в предъявленных ему обвинениях виновным себя признал. Помимо этого, в инкриминируемых ему преступлениях он достаточно уличается показаниями своих единомышленников: Бокием, Москвиным, Королевым, Костыриным и других.

На основании изложенного Барченко Александр Васильевич, 1881 г. рождения, уроженец селения Елец бывшей Орловской губернии, сын нотариуса окружного суда, бывший офицер царской армии, научный работник, зав. лабораторией ВИЭМ, в прошлом не судим, обвиняется в создании контрреволюционной и террористической организации и ведении шпионской работы в пользу Англии, то есть преступлениях, преду-

смотренных статьей 58/11, 8, 6 УК РСФСР. Дело следствием закончено. Подлежит передаче в военную коллегия Военного суда СССР.

Старший лейтенант государственной безопасности Али А.А.»¹.

Расстрел Барченко 25 апреля 1938 года и ликвидация высокопоставленных членов ЕТБ подвели черту под существованием организации. Так оборвалась важная нить, протянутая к Гурджиеву.

¹ Архив ФСБ. Следственное дело А.В. Барченко.

Глава 15

Возвращение отменяется

1

Европейская эпопея Гурджиева описана достаточно хорошо и его непосредственными учениками, и его биографами. Поэтому расскажем о ней пунктирно, останавливаясь лишь на некоторых интригующих деталях его жизни за «железным занавесом».

22 августа 1921 года Гурджиев оказался в Берлине. Но путь его пролегал дальше — в Хеллерау, где долгое время существовал институт швейцарского композитора и экспериментатора Эмиля Жак-Далькроза, основателя учения об эвритмии. Собственно, от него Гурджиев и получил предложение о переезде, полученное через ученика музыканта Зальцмана.

Хотя ситуация развивалась благоприятно и Георгий Иванович убедил хозяев Хеллерау переписать и заключить договор об аренде только с ним, небольшая группа последователей Жак-Далькроза обвинила его в применении гипноза и через суд опротестовала документ.

Среди всевозможных историй, окружающих Гурджиева и его миссию в Европе в предвоенное время, одна из самых популярных связана с «нацистским» следом. В первую очередь множество самых разнообразных авторов посвящало немало страниц его взаимоотношениям с отцом немецкой геополитики Карлом Хаусхоффером.

«Необходимо заметить, что мюнхенский профессор повлиял на Гитлера в духовном плане. Хаусхоффер не любил распространяться об этом, но еще до Первой мировой войны он отдал большую дань оккультизму: прошел выучку у Гурджиева...»¹

Эта достаточно навязчивая история кочует из одних книг в другие. Истоки же ее находятся в сочинении Луи Повеля «Месье Гурджиев», вышедшем в Париже в 1954 году. Автор утверждал: «Гурджиев неизменно отказывался назвать имена тех, кто вместе с ним основал «Общество искателей истины» с целью исследования святыниц изначальной традиции. Однако достойные внимания информаторы сообщают, что по крайней мере один из его спутников известен; речь идет о Карле Хаусхоффере»².

Повель не раскрывает имен «достойных ин-

¹ Прусаков В. Оккультный мессия и его рейх. М., 1992. С. 143.

² Повель Л. Месье Гурджиев. М., 1998. С. 53—54.

форматоров», хотя правильнее их было бы называть недостойными. Хаусхоффер не имел никакого отношения к «Обществу искателей истины». Очень трудно представить и язык, на котором он смог бы общаться с Гурджиевым. Георгий Иванович сам практически очень скверно, по воспоминаниям его близких, знал европейские языки, и только турецкий, персидский или другие восточные наречия были для него доступны.

Карл Хаусхоффер родился в 1869 году в Мюнхене, получил блестящее образование и сделал удачную карьеру в рейхсвере. Он действительно предпринял несколько путешествий в Азию: в Тибет и в Японию. В звании капитана он даже служил несколько лет в Токио в качестве военного атташе.

После окончания Первой мировой войны Хаусхоффер полностью отдался своей главной музе — геополитике. Он возглавляет кафедру этой науки в Мюнхенском университете. Среди его учеников один из будущих вождей нацизма — Рудольф Гесс.

После «пивного путча» 1923 года, устроенного Гитлером, Гессом и другими, Хаусхоффер прячет Рудольфа Гесса в потайном шкафу в туалете своего дома.

Впоследствии Гесс знакомит его с самим фюрером, для которого мюнхенский профессор становится одним из главных политических и военных наставников.

Повель между тем продолжает: «В печати про- скальзывают сообщения о его совместном с Гурд- жиевым пребывании в Тибете в 1903-м и 1905—1908 годах...»¹

Эта ссылка на печать также не делает чести По- велю, ибо более ранним источником информа- ции о совместном пребывании Гурджиева и Хаус- хоффера в Тибете и связях Гурджиева с нациста- ми из тайных обществ являлись лишь устные воспоминания будущего соавтора по «Утру магов» Жака Бержье.

Сам Повель так и говорил: «...единственным ис- точником автора были свидетельства хорошо из- вестного в научных кругах Жака Бержье. Впослед- ствии он в одной из радиопередач повторил имеющиеся у него сведения о связях Георгия Гурджиева с «обществом «Туле». А в майском но- мере журнала «Медиум» за 1954 год поделился воспоминаниями о том, как в концлагере Маут- хаузен имел беседу с несколькими немецкими офицерами, замешанными в заговоре против Гитлера: зная, что их ждет смертная казнь, они решили поделиться с ним тем, что им было из- вестно о Гурджиеве»².

Удивительно, что Повель весьма уверовал в ин- формацию Бержье. И, даже зная о ее исключи- тельно устном характере, он продолжал ссылать-

¹ Повель Л. Месье Гурджиев. М., 1998. С. 54.

² Там же. С. 57.

ся на своего компаньона при каждом удобном случае. «Те же информаторы, — писал Повель, — утверждают, будто Гурджиев никогда не порывал связей с Хаусхоффером. Именно он познакомил Хаусхоффера с русским танцовщиком Житковым, который сделался потом ставленником Гитлера во французской белоэмигрантской колонии и бесследно исчез в 1945 году. В 1923 году Хаусхоффер основал эзотерическую группу, находившуюся под влиянием тибетских идей, основал ее в тот момент, когда Гурджиев поселился во Франции»¹. В этом пассаже Повеля единственное, что имело место, — временное совпадение приезда Гурджиева и основание Хаусхоффером оккультного сообщества.

Вообще Повель был склонен делать голословные и очень уязвимые утверждения о роли Гурджиева. Например: «Именно он посоветовал Хаусхофферу избрать в качестве эмблемы национал-социализма перевернутую свастику»².

Это еще одна сомнительная информация Луи Повеля о роли Гурджиева в истории нацистской партии. В действительности реальной предшественницей нацистской свастики была свастика, украшавшая герб теософского общества. У нацистов, вышедших из кругов теософов и ариософов, она получила свои права на символическое представ-

¹ *Повель Л.* Месье Гурджиев. М., 1998. С. 54.

² Там же. С. 54.

ление их идеи, однако в то время, когда Георгий Иванович Гурджиев еще находился в Закавказье.

В мае 1919 года член Немецкой рабочей партии Фридрих Крон выпустил меморандум «Может ли свастика служить символом национал-социалистической партии?» Он предлагал утвердить ее в качестве общепартийного символа в том варианте, как она была известна у теософов и в тайном обществе «Германский орден», — то есть принять левонаправленную свастику.

Авторитетный исследователь истоков нацизма Николас Гудрик-Кларк так оценивал именно такой выбор Фридриха Крона: «Он выбрал это направление, поскольку в буддистской интерпретации оно символизирует удачу и здоровье, тогда как правая ориентация (против часовой стрелки) означает упадок и смерть. Гитлер предпочитал ориентированную вправо свастику с прямыми линиями и в ходе обсуждения в комитете DAP убедил Крона изменить проект. Крон же придумал распределение цвета: черная свастика в белом кругу на красном фоне. 20 мая 1920 года на митинге NSDAP в Старнберге такая свастика, предложенная Кроном и модифицированная Гитлером, впервые появилась публично как флаг нового движения»¹.

В том самом мае 1919 года, когда началась

¹ Гудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма. СПб., 1993. С. 169.

дискуссия о свастике, Гурджиев еще находился в Тбилиси, где 22 июня в Оперном театре представил свои «Священные танцы». Затем он с учениками эмигрировал в Турцию. Но произошло это даже не в 1920-м, когда утвердился герб и флаг нацистов, а еще позднее: «13 августа 1921 года он покинул Константинополь и 22 августа прибыл в Берлин»¹.

Отсюда виден очередной «ляп» Повеля и многих его последователей.

Другой автор, Вернер Жерсон, идет еще дальше. В книге «Нацизм — тайное общество» он утверждает: «Ученик или уполномоченный Гурджиева, генерал Карл Хаусхоффер был, прежде всего, организатором группы «Туле», тайного или скорее магического общества, бывшего «внутренним кругом» национал-социалистического движения в начале его деятельности»².

Вернер Жерсон — в действительности некий Пьер Мариэль, утверждают Роже Фалиго и Реми Куфер, авторы «Всемирной истории разведывательных служб»³. Еще раньше, в 1933 году, он издал в Париже книгу «Семь голов Зеленого дракона», но тогда автор имел другой псевдоним — Тедди Легран.

Тем не менее реальная история общества «Ту-

¹ Вашингтон П. Бабуин мадам Блаватской. М., 1997. С. 230.

² Жерсон В. Нацизм — тайное общество. М., 1998. С. 154.

³ Фалиго Р., Куфер Р. Всемирная история разведывательных служб. М., 1997. Т. 1. С. 377.

ле» противоречит и утверждениям Жерсона-Леграна-Мариэля¹.

Общество «Туле», выделившееся из «Германского ордена», было организовано 17—18 августа 1918 года. Оно действительно может считаться духовным предтечей нацизма. Но Хаусхоффер не имел отношения к основанию «Туле», он демобилизовался из армии почти год спустя — в 1919 году. Основателями же общества выступили Зеботтендорф, Гаубатц и Иоганнес Геринг. Из них только первый мог быть знаком с Гурджиевым, знал турецкий язык и находился в Турции в то время, когда Гурджиев, по утверждению принца Сабахеддина, действительно приезжал туда — в период с 1908 по 1912 год.

Есть, правда, еще один персонаж нацистской истории, который вполне мог быть учеником Гурджиева, хотя это личность более мелкая, чем Хаусхоффер. Речь идет о Григории Шварц-Бостуниче.

Он родился в 1883 году в Киеве. Его мать была немецкого происхождения. Деятельный и весьма способный человек, Шварц-Бостунич одно время издавал газету в Киеве, возглавлял Железнодорожный театр, а с началом Гражданской войны в России служил в отделах пропаганды белых армий Деникина и Врангеля.

¹ На удочку Жерсона-Леграна-Мариэля и подобных ему персонажей не раз попадался и Александр Дутин, обильно цитирующий их в своей «Конспирологии».

В своих мемуарах Шварц-Бостунич упоминает о встрече с духовным учителем на Кавказе в период зимы 1917—1918 годов. Один из биографов Гурджиева, Вебб, считает, что речь может идти о Георгии Ивановиче.

Впоследствии Шварц-Бостунич сблизился с Гиммлером и даже дослужился до весьма высокого звания — штандартенфюрера СС. Он был одержим антисемитизмом, и всю жизнь ему мерещились еврейские и масонские заговоры.

Но вопрос о действительной роли Гурджиева в контактах немецких и советских тайных посланцев может все-таки рассматриваться. Однако до сих пор следов этого конспиративного процесса не обнаружено.

3

После поражения в Хеллерау Гурджиев решил покинуть Германию, что он и сделал в феврале 1922 года. Теперь гуру предполагал избрать новым пристанищем и базой группы Лондон. Но и здесь возникли проблемы, правда, из другой области: в министерство внутренних дел поступили весьма беспокоящие сведения о членах гурджиевского кружка. В сообщениях английской разведки, присланных из Константинополя, им давались неллицеприятные оценки и высказывались подозрения о причастности их к советскому шпионажу.

Сам Гурджиев мог остаться в Лондоне, но его группа такого разрешения не получила. Раздумывал он недолго, так как уже 14 июля 1922 года удалился во Францию, чтобы в Приере создать Институт гармоничного развития человека. Институт разместился в старинном здании XVII века, отремонтированном учениками Георгия Ивановича. Все заведение состояло из двух групп адептов: русских эмигрантов и англичан из среднего класса.

В СССР также доходили сведения о жизни в Приере, а духовная практика, имевшая там место, связывалась Александром Барченко с самым сокровенным учением — с Калачакрой.

Начальник Спецотдела ОГПУ Бокий вспоминал: «Как о посвященном в тайны мистического учения Шамбалы-Дюнхор Барченко говорил мне о некоем Гурджиеве — директоре Института ритма в Париже, в свое время проживавшем в СССР. Учеником и последователем Гурджиева на территории СССР в прежнее время, по словам Барченко, являлся скульптор Меркуров. Гурджиев, как мне говорил Барченко, старался установить связь с его учеником Меркуровым, но он от этого, по неизвестным для меня причинам, уклонился»¹.

¹ Андреев А. Время Шамбалы. СПб., 2002. С. 214—215.

В других источниках мы также встречаем информацию о том, что Георгий Иванович пытался во время жизни в Приере помочь материально, а может быть, даже и вывезти кузена в Европу. Однако сам Меркуров решил иначе. Да и нужно ли было уезжать из страны государственному скульптору, ваявшему монументы Сталину на Беломорско-Балтийском канале и на Выставке достижений народного хозяйства?

Институт Гурджиева просуществовал до сентября 1927 года, когда Гурджиев единолично принял решение о его ликвидации. Шесть лет спустя и здание института было продано.

Тогда и произошел отъезд в Америку. Здесь Георгий Иванович, ученик таинственных обитателей пещер Востока, показал себя не с лучшей стороны. Капризный и невозможный деспот — таким он стал для своего почитателя Фрица Петерса, сопровождавшего его в турне по США. Другие стали замечать, как то, что раньше именовалось высоким словом «работа», теперь обернулось унылыми уроками групповой терапии.

В апреле 1935-го, еще в Америке, Гурджиев пишет статью «Внешний и внутренний мир человека». Он неожиданно начинает размышлять о проблеме старения. Казалось, ему-то — человеку, прошедшему сквозь такое количество испытаний, зачем захламлять свою голову этим бессмысленным вздором, искать рецепт бессмертия. Но он отдается поиску с каким-то безумным упорством.

А 9, 10 апреля и наконец 14-го, когда уже наступил литературный кризис, Гурджиев фланирует в раздумьях по улицам Нью-Йорка и покупает эмигрантскую газету «Русский голос».

«Русский голос» был специфической газетой. Это было, пожалуй, единственное эмигрантское издание в США, которое открыто выступило за восстановление отношений между Америкой и советской Россией. Именно на страницах «Русского голоса» 10 января 1923 года было опубликовано письмо Ленина «Русской колонии в Северной Америке».

Таким образом, «Русский голос» отличался явно просоветской ориентацией. Статьи в нем писал эмигрант, бывший штаб-ротмистр Дикой дивизии Сергей Курнаков, в те годы уже агент НКВД. Долгие годы в рамках атомного проекта он «вел» двух значительных информаторов советской разведки «Стара» и «Млада» — Севила Сакса и Теодора Элвина Холла. Впоследствии Курнаков передал их резиденту НКВД Анатолию Яцкову, главному куратору атомного шпионажа в США, контролировавшему также отправку секретной информации из американских портов в СССР.

Биограф Гурджиева Мур так описывает последующие события: «В воскресенье 14 апреля гурджиевские глаза нашли в эмигрантской газете «Русский голос» что-то такое, что дало ему возможность все его другие надежды возвратить и

как-то таинственно модифицировать следующую фразу: «Начало в России, кончится в России»¹.

На страницах «Русского голоса» Гурджиев обнаружил перепечатанную из советской прессы статью некоего П. Манна «Проблема старения»...

В эти дни он настойчиво раздумывает о возвращении в советскую Россию, и кажется, будто даже уверовал, что такое возможно. Там, в далекой Москве, у него имелись последователи и очень влиятельные фигуры в самом Кремле. Это были члены ЕТБ, которые взяли его требник за основу своей нравственной и мистической повседневной жизни, там был его двоюродный брат Сергей Меркуров, ваявший скульптуры кремлевского горца.

Позже его ученик Бронсон из Санта-Фе тоже вспоминал загадочную фразу, сказанную Гурджиевым. После двух дней размышлений о, возможно, новом повороте судьбы Георгий Иванович приказал своей американской последовательнице миссис Андерсон пойти в советское посольство и разузнать, есть ли у него возможность вернуться в Россию, чтобы обучать там своей духовной практике. Он готов был пожертвовать своими книгами о Вельзевуле и многим еще, чтобы вновь ступить на покинутую когда-то землю.

Георгий Иванович появлялся несколько раз в советском консульстве в Нью-Йорке, но в послед-

¹ Мур Дж. Анатомия мифа. Маесачусетс, 1991. С. 255.

ний момент от затишья с возвращением решил отказать.

По словам Барченко, именно до 1935 года Гурджиев поддерживал переписку со своим родственником Меркуровым.

Две, казалось, разные темы: борьба со старением и возвращение в СССР, мне кажется, вполне увязываются и вот почему.

В Америке имелся человек, который многое заимствовал у Гурджиева и создал свою религию-терапию.

Это Рон Хаббард. 13 августа 1962 года он обратился с личным посланием к президенту США Джону Кеннеди, сообщая в письме, что Советы уже в 30-е годы интересовались его духовной практикой, предполагая применить ее для каких-то своих научных экспериментов. Хаббард утверждал, что еще в 1938 году правительство СССР обратилось к нему лично и предложило даже возглавить работу, которая раньше проходила под руководством академика Павлова.

Если отбросить в рассказе Хаббарда некоторые шероховатости, то он не выглядит таким уж фантастичным. Академик Иван Павлов создал Институт экспериментальной медицины (ВИЭМ), который в 1935 году переехал в Москву и главными, а точнее, официальными своими задачами объявил борьбу с процессом старения и решение проблем продления жизни. Кстати, в рамках этого института имелась и лаборатория нейроэнер-

гетики, где работал Александр Васильевич Барченко, занимавшийся исследованиями в области паранормальных способностей человека, и специальные лаборатории тибетской и восточной медицины.

Главными инициаторами новой программы ВИЭМа выступили Сталин и Горький. Возможно, Хаббарду, как и Гурджиеву, предлагали возглавить некоторые лаборатории этого института. Правда, получается это уже спустя три года после отказа Георгия Ивановича принять предложение.

Навязчивый мотив научных исследований, финансировавшихся Кремлем, это бессмертие. За его рецепт советские вожди готовы были простить все и пригласить в страну кого угодно¹.

4

Вторая мировая война застает Гурджиева в Париже. Его подозревали в сотрудничестве с гестапо, но никаких прямых улик против него обнаружено не было. Отдельных знакомых Георгия Ивановича настораживало то, что в его доме даже в самые голодные времена имелось немало вполне аппетитных деликатесов. Конечно, часть этого рациона поступала от верных последователей, но тем не менее вопросы оставались.

Гурджиев оправдывался тем, что якобы он вы-

¹ См.: *Шишкин О. Красный Франкенштейн*. М., 2003.

давал себя за американского нефтяного магната, которого задержала в столице Франции нелепая война. После ее завершения он обещал хозяевам лавок полностью оплатить счета.

В общем, так оно и получилось, когда после прихода войск союзников в Париж к Гурджиеву пожаловали его американские состоятельные ученики и в одночасье исправили положение. Справедливости ради нужно сказать, что имелись серьезные свидетельства его контактов с немецким комендантом Парижа, который был поклонником учения русского гуру.

Отдышавшись после войны, Гурджиев снова пытался устроить что-то вроде приерской школы, но на сей раз возле Рамбуйе. Казалось, жизнь вернулась в привычное русло. В октябре 1948 года состоялась последняя поездка Георгия Ивановича в Америку. Он провел там почти пять месяцев.

После возвращения в Париж случилось и последнее в его жизни весьма странное происшествие — Гурджиев попал в автомобильную катастрофу. Перед выездом из Фонтенбло Гурджиев хотел, чтобы его автомобиль был осмотрен механиком. Он подозревал что-то неладное и попросил экономку найти в соседнем гараже мастера для проверки двигателя. Механик не нашел ничего существенного, и Гурджиев решил выехать в Париж. В этой поездке его должна была сопровождать экономка. Но Георгий Иванович почему-то посоветовал ей добираться до города на поезде.

Она не стала возражать, и, видимо, это спасло ей жизнь.

До Парижа Гурджиев не доехал. Его самого без сознания обнаружила полиция на обочине шоссе рядом с остовом машины. Было очевидно, что автомобиль загорелся и взорвался, но уже после того, как раненый Гурджиев успел выбраться из него и отползти на безопасное расстояние.

Что было причиной аварии? Лихачество самого Гурджиева? Или, возможно, действие неких сознательных сил? Ответить на этот вопрос невозможно. Враги тайные и могущественные у него были. Они понимали, что маг—посредник, нежелательный свидетель самых разнообразных и темных историй. На эти подозрения наводит и нежелание Гурджиева везти с собой экономку в тот день. Возможно, по пути в Париж его ожидала одна из тех встреч с «замечательными людьми», которых так много было в его жизни. Однако не всегда эти «замечательные люди» являются безобидными искателями истины или истина, которую они ищут, имеет огнестрельный финал.

После выздоровления Георгий Иванович вновь приступил к урокам танцев, но 14 октября 1949 года упал на занятиях. Уже находясь на смертном одре, он убеждал своих учеников, будто никогда не покинет их. Они хотели верить в бессмертие мага, но физическая плоть подчинилась закону времени. 29 октября 1949 года Георгий Иванович их все же покинул. Гурджиев скончался в американском госпитале в городке Нейи.

Колин Уилсон, автор книги «Оккультизм», относит Гурджиева к крупнейшим магам XX столетия, таким, как Алистер Кроули. Гурджиев выступает у него наследником Калиостро, Элифаса Леви и пророчиц эры спиритизма сестер Фокс. Воздавая должное земляку Блаватской и Распутина, великих магов земли русской, Уилсон даже сравнил Григория Ефимовича и Георгия Ивановича, посвятив обоим целую главу в книге «Оккультизм», которую назвал «Два русских мага». Разбираясь в загадках обоих чародеев, автор пришел к парадоксальному выводу: если Распутин был человек, получивший дар ворожбы и магнетизма от бога и оказался только эксплуататором своего дара, то Георгий Иванович совершил собственную эволюцию волевым усилием.

«Волевое чудо» потребовало от него слишком много ловкости, и эта природная ловкость проявила себя убедительно.

Ему удалось увезти из советской России и своих родственников, и своих учеников. У него до некоторого времени имелись и влиятельные покровители в Кремле. И тайные нити связывали его с теми, кто повелевал народами как тайно, так и явно.

Любопытно, что так взволновавшая его статья «Проблема старения» была им даже полностью включена в книгу «Жизнь реальна только тогда, когда «Я есть». В собственном комментарии по

поводу этой публикации Гурджиев вновь возвращается к розенкрейцеровским мотивам.

«Материя, в которую облачается душа, — пишет он, — может быть произведена исключительно действием этих двух сил, которые древней наукой назывались «добро» и «зло» или «утверждение» и «отрицание», а современная наука называет их «притяжение» и «отталкивание». -

В этой странной, поистине манихейской системе мира и кроется секрет вектора движения души самого Гурджиева. Он не ушел от смерти и не возвысился над смертью, как призывал индийский мудрец Дхамаппада.

Он просто жил и умер так, как считал нужным. Но, даже старея и двигаясь к финалу, Гурджиев надеялся, что физическое бессмертие существует.

ЧАСТЬ
ВТОРАЯ

Глава 1

Легенда о тибетском «Черном легионе»

1

Тибет и его аборигенов часто окружали самые невероятные мифы. Труднодоступная и закрытая горная страна порождала множество легенд о спрятанных от европейских глаз религиозных сообществах, секретных братствах телепатов. В XIX веке этот миф усилился еще основательнее после выхода книги Елены Блаватской «Тайная доктрина».

Овеянное тайнами недостижимое пространство Тибета стало удобным плацдармом для разного рода проходимцев, имевших свои планы относительно поправки личного экономического положения.

Так, в семидесятые годы на прилавках Англии и США появился бестселлер «Третий глаз». Повель и Бержье писали о нем в «Утре магов»: «При публикации «Третьего глаза» английские газеты заинтересовались, кто скрывается под именем Лобсанга Рампы; официальные осведомительные службы хранят по этому поводу молчание.

Остается предполагать, что это либо подлинное имя посвященного ламы, сына одного из высших сановников бывшего правительства Лхасы, как пишет автор, вынужденный по этой причине скрывать свое имя; либо немец, входивший в одну из секретных миссий в Тибете, посланных туда между 1928 годом и концом гитлеровского режима»¹.

Эта книга начинается со слов: «Я тибетец, один из немногих, кто попал в этот странный западный мир». Человек, который ее написал, называл себя ламой Лобсангом Рампа.

В возрасте семи лет всеведущие монахи избрали его для одной из самых секретных медицинских операций — ему хирургически открыли третий глаз. К его лбу была приложена деревянная щепка, стимулировавшая железу, отвечающую за ясновидение, которым после этого вмешательства и стал обладать вышеназванный Лобсанг.

Затем монах-ясновидец рассказывал пораженным читателям о своих странствиях по горным монастырям и описывал, как в глубоких пещерах, под дворцом далай-ламы Поталой, он пережил мистерию «Живой смерти».

Но в один прекрасный день состоялось разоблачение проходимца. «Трехглазый монах» на самом-то деле оказался Сирилом Генри Хоскинсом, слесарем-сантехником из английского графства Корнуолл, поклонником оккультизма. Он даже не

¹ Повель Л., Бержье Ж. Утро магов. Киев, 1994. С. 275.

удосужился съездить в Тибет. Его афера была разоблачена частным детективом, привлеченным для этой цели английским востоковедом.

Но слесаря Хоскинса разоблачение не смутило. Он поведал журналистам, что все же был в Тибете, правда... в другой жизни и в предыдущей реинкарнации.

Самозванный лама написал 19 книг от имени тибетского монаха. Он умер в возрасте 70 лет, суммарный тираж его сочинений превзошел цифру в 4 миллиона экземпляров.

Но есть тибетские легенды более занятные и весьма запутанные. Одна из них — история о «Черном легионе».

2

Эта легенда началась также благодаря книге Луи Повеля «Месье Гурджиев», вышедшей в парижском издательстве «Ед Севиль» в 1954 году. Она гласит: «...в момент взятия Берлина русскими, сразу же после самоубийства Гитлера, на улицах города приняли смерть с оружием в руках примерно полторы тысячи тибетцев и индусов»¹.

Автор книги одно время был действительно последователем Гурджиева, а в годы войны находился в немецком концлагере. В своем исследовании Повель утверждал, что в Берлине имелась «Влиятельная тибетская колония».

¹ Повесть Л. Месье Гурджиев. М., 1998. С. 55.

Спустя шесть лет на прилавках Парижа появляется новая книга, уже под именем двух авторов: упомянутого Повеля и Бержье. Название интригует — «Утро магов». К чести ее авторов, она становится настольной книгой для шефа французской спецслужбы DST¹ — Марселя Шале.

«Утро магов» мгновенно превратилось в бестселлер. В нем вновь мы находим уже знакомую историю: «В день, когда русские закончили битву за Берлин, они среди трупов последних защитников нацизма обнаружили около тысячи тел добровольцев-смертников, людей тибетской крови. Смертники были одеты в немецкую форму без знаков различия, и в их карманах не было документов»².

История действительно выглядела на редкость диковинно. Кем были мертвые тибетцы и почему они принимали участие в обороне Берлина? Предположения, возникавшие в головах тех, кто пытался осмыслить экзотическую информацию, были самые неожиданные.

Так возникла версия о том, что обнаруженные в столице Германии человеческие останки — трупы солдат мистической гвардии Гитлера, шаманов черной религии бон, призванных своими чарами остановить победное наступление Красной армии. Якобы они являлись последней надеждой фюрера и, возможно, даже посланцами секрет-

¹ DST — Direction de la Surveillance du Territoire — Управление наблюдения за территорией. Создано в 1944 году. Фактически контрразведка, подчиняется МВД Франции.

² Повель Л., Бержье Ж. Утро магов. Киев, 1994. С. 323.

ной тибетской территории — «Черной Шамбалы», благословившей Тысячелетний рейх. По прошествии десятков лет история о таинственных восточных магах из СС обростала новыми подробностями, хотя собственно документов об этом не существовало. Тем не менее легенда о «Черном легионе» оказалась весьма популярной и живучей.

Со страниц книги «Утро магов» тысячи берлинских тибетцев перекочевали в сочинения репиховеда Валентина Сидорова. Он писал: «В книге французских авторов Повеля и Бержье «Утро магов» (ее сокращенный вариант публиковался у нас в журнале «Наука и религия» под названием «Какому богу поклонялся Гитлер?»¹) рассказывается о строго засекреченных экспедициях Третьего рейха в район Тибета. Характер экспедиций — до сих пор тайна. Тайной остается и появление на берлинских улицах в майские дни сорок пятого года трупов тибетцев в немецких военных мундирах»².

Вслед за Сидоровым и Валентин Прусаков утверждал: «Вошедшие в Берлин части Красной армии были немало поражены, когда увидели большое число трупов тибетцев в форме СС. Уроженцев далекой горной страны пригласил в свое время в немецкую столицу Карл Хадсхоффер»³.

¹ Имеется в виду «Наука и религия» 1966 г., номера 10—11.

² Предисловие В.М. Сидорова к книге: *Н.К. Репих. Избранное*. М., 1990. С. 16.

³ *Прусаков В. Окультизм и его рейх*. М., 1992. С. 204.

«Дальнейшая судьба «зеленых людей», лам из секты Агарты, своего рода слуг дьявола — дружественных нацистам посланцев темных сил, оказалась невеселой. По мере того, как все более и более прояснялась столь же невеселая судьба Третьего рейха, нацисты стали относиться к ним все хуже и хуже. Незадолго до захвата Берлина нашими войсками «зеленые люди, — а их было около тысячи — покончили самоубийством»¹ — это уже из книги Винокурова и Гуртового «Психотронная война». Заслугой этой пары является привнесение в историю «зеленых людей» и «плохое отношение» к ним нацистов.

«Когда в мае 1945 года наши войска вели бои на подступах к рейхсканцелярии, их удивило то, что они наталкивались на трупы азиатов — тибетцев. Об этом писалось в пятидесятых годах, правда, мельком и упоминалось как курьез. Тибетцы бились до последнего патрона, своих раненых пристреливали, в плен не сдавались. Ни одного живого тибетца в форме СС не осталось. В конце семидесятых вдруг появилась версия, что это были не тибетцы, а калмыки, которые тоже исповедуют буддизм»², — сообщает Михаил Демиденко. И тут же уточняет: «Я специально занимался этим вопросом. Могу с уверенностью заявить, что это утверждение неверно»³.

¹ Винокуров И., Гуртовой Г. Психотронная война. М., 1993. С. 235.

² Демиденко М. По следам СС в Тибет. СПб., 1999. С. 110.

³ Там же.

История с этими тибетцами благополучно воскресала многие годы то в расхожих книгах о тайнах СС, то во множестве самых разнообразных телевизионных программ, в которых якобы раскрывались какие-то темные секреты нацизма.

3

Небольшая группа тибетцев действительно существовала в Берлине. Об одном из таких «тибетцев» мы находим упоминание в мемуарах княгини Васильчиковой.

«У нас в ДД¹ работает странный человек. Его зовут Илион. Он разгуливает в лохмотьях, носит толстые очки, имеет американский паспорт, родился в Финляндии, а большую часть жизни провел в Тибете, где был близок к далай-ламе и, как он хвалится, никогда не мылся. Хотя жалование у него вполне приличное, не моется он и сейчас, что для нас, окружающих, не слишком приятно. Время от времени он обучает нас с Катей Клейнмихель коротким фразам по-тибетски»².

К подобным «тибетцам» принадлежал, видимо, и Игнац Тимотеус Требич-Линкольн. Еврей и уроженец Венгрии, он, однако, был фанатичным сторонником нацистов. Свою разведдеятельность загадочный мистик-шпион начал еще до Первой мировой войны, когда выполнял секретные пору-

¹ ДД — от «Дратлозер Динст» — служба радиовещания.

² Кн. Мария Васильчикова. Берлинский дневник. 1940—1945. М., 1994. С. 27.

чения немецких спецслужб в Англии и США. Находясь в Америке, он предложил свои услуги британской военно-морской разведке. Но получил отказ. В 1915 году Требича обвинили в мошенничестве, и американцы передали его английским властям.

Выйдя из тюрьмы, уже после Первой мировой войны, он обосновался в Китае и взял себе псевдоним брат Чао Кунь. Его подозревали в участии в операции по передаче японским властям последнего китайского императора Генри Пу И. В годы Второй мировой войны Требич занимался германской радиопропагандой в Тибете.

Однако и этих «тибетцев», и реальных, находившихся в Берлине, можно пересчитать буквально по пальцам. Никаких «тысяч» и даже одной тысячи их в Берлине в период с 1933-го по 1945-й не было.

Но кто же тогда эти загадочные люди в немецких мундирах, на которых ссылаются Повесть и Бержье? И почему такой информированный и близкий к французским спецслужбам человек, как Бержье, все же рискнул назвать мертвых солдат тибетцами? Ответ на эти вопросы весьма экстравагантен и связан с трагическими страницами нашей отечественной истории.

Упомянутый выше Демиденко, чтобы как-то подтвердить миф о тибетцах, даже придумал весьма замысловатую теорию: «По-моему, слух о калмыках-эсэсовцах появился в конце шестидесятых — начале семидесятых годов, когда назрел вопрос о реабилитации репрессированных Ста-

линым народов. У власти еще были те, кто участвовал в этих репрессиях. Чтобы как-то оправдаться, они и пустили «по низу» этот слухок. Не мог Гитлер доверить охрану собственной персоны калмыкам. Немцы пришли на Северный Кавказ лишь в 1942 году, а тибетцы появились в его окружении с начала тридцатых»¹. Откуда Демиденко взял историю о тибетцах в окружении Гитлера, сказать сложно.

Действительно, в 1935 году в Тибет отправилась особая экспедиция под руководством Шеффера. Вдохновителем этих исследований был глава оккультного, кстати говоря, не единственного, института Аненербе доктор Ганс Роберт Скульте-тус. Подобная же группа отправилась и в Эфиопию. Тибет и Абиссиния считались так называемыми метрополиями желтой и черной древних рас. Об этом писал еще в XIX веке французский мистик Ив Сент Д'Альвейдер, автор книг «Миссия Индии в Европе», «Миссия евреев в Европе» и «Миссия пролетариата в Европе».

14 мая 1942 года в ставке Гитлера Вольфшансе Генри Пикер записал в дневник: «За обедом шефу доложили о снятом участниками организованной службами СС экспедиции Шеффера фильме о Тибете»². Впоследствии фильм о путешествии эс-совцев широко демонстрировался в нацистской Германии и сам по себе секретом не являлся.

¹ Демиденко М. По следам SS в Тибет. СПб., 1999. С. 111.

² Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 116.

Немецкие экспедиции вели в удаленных районах мира антропологические и оккультные исследования, направленные на поиски остатков городов расы гигантов. Они якобы обитали на земле в глубокой древности. После возвращения в Германию нацистские ученые привезли не столько магические, сколько политические данные о положении в Центральной Азии и Африке. Нельзя исключить, что с ними могли прибыть в Берлин и какие-нибудь аборигены.

Но количество таковых в Берлине тысячами измеряться не могло, да и телохранителями фюрера они не были. Глава личной охраны Гитлера Ханс Ратенхубер, группенфюрер СС, служивший в этой должности с 1933-го по 1945 годы дал контрразведке «Смерш» исчерпывающие показания по этому поводу 28 ноября 1945 года. В 1935 году он создал «Имперскую службу безопасности» (РСД), а затем и ее 1, 8, 9 и 15-й отделы, занимавшиеся непосредственной охраной фюрера. Он же утверждал: «Проходы от служебных помещений имперской канцелярии к личным апартаментам Гитлера охранялись эсэсовцами из «Лейбштандарта Адольф Гитлер». Все помещения имперской канцелярии находились под контролем сотрудников возглавляемой мной охраны РСД»¹.

В «Лейбштандарт Адольф Гитлер» служили исключительно лица со стопроцентной немецкой кровью.

¹ Военные архивы России. М., 1993. Вып. 1. С. 344.

Действительными жертвами берлинских боев были наши же калмыки.

4

1937 год стал для Калмыкии первым актом трагедии. Репрессии затронули многие семьи. И кроме кровавой вакханалии, устроенной НКВД, здесь были разрушены почти все буддийские храмы. Отношение к советской власти в массе своей было отрицательным.

По проводившейся перед войной переписи населения калмыки составляли в своей республике 134 402 человека. Но много их соплеменников проживало и в Сталинградской области, и в Ставропольском крае. Они сохраняли традиционный уклад жизни, оставаясь преимущественно пастухами.

Летом 1942 года Красная армия с тяжелыми боями отступала в сторону Северного Кавказа и Волги. Оборона рубежей у Дона фактически провалилась, и мощные немецкие 1-я и 4-я танковые армии вырвались на степные просторы. Не встречая серьезного сопротивления, подразделения вермахта устремились к подножию Кавказских гор. Они довольно-таки быстро достигли столицы Калмыкии Элисты. И первыми в нее вошли отряды 16-й моторизованной пехотной дивизии, подчинявшейся 6-й армии Паулюса. Они обогнули фланг Южного фронта и отсеки его от фронта Северо-Западного.

Приход немцев в Калмыкии был воспринят положительно. Вермахт стремился наладить отношения с местным населением: открывались модельные дома, ходили слухи об особых привилегиях для калмыков.

Взаимопониманию способствовало и то, что калмыки не входили в число народов, которые преследовались нацистами как представители низшей расы¹. Населению было объявлено, что немецкие части пришли как друзья с целью освободить степной народ от ига большевизма и позволить им жить в соответствии с вековыми обычаями. Колхозы распускались, а новая администрация обещала раздать пастбища и позволить частный выпас скота.

Еще до появления оккупантов на территории республики формировались два кавалерийских, чисто калмыцких, корпуса — 111-й и 110-й, которые должны были войти в состав Южного фронта Красной армии. Однако захват Элисты привел к тому, что почти весь личный состав этих подразделений перешел на сторону фашистов.

Произошло это весьма замысловатым способом. В августе 1942 года в Элисту прибыл немецкий разведчик «доктор Долль», он же зондерфюрер Рудольф Верба. Целью его миссии было формирование Калмыцкого кавалерийского корпуса. Он активно общался с местным бургомистром и выяснял возможности дальнейшего продвижения

¹ *Adelman F. Kalmyk Cultural Renewal. University Pennsylvania. 1960. P. 125.*

немецких войск на восток, видимо, для прорыва к Волге и обхода Сталинграда с южного направления.

Доктор Долль, как подобает убежденному нацисту, носил на правом рукаве повязку со свастикой. Но этот символ имел в буддийской Калмыкии и религиозный смысл. У приверженцев учения Шакья-Муни он был одним из 65 знаков Будды, обнаруженных в отпечатке его стопы.

Доктор Долль располагал информацией, что в камышовых зарослях на территории республики прячется значительное число дезертиров и врагов советской власти. Камышовые жители получили от него гарантии безопасности и уверения в дружеском расположении оккупационной администрации. Из этих людей, вышедших из болот, и были сформированы полицейские отряды, впоследствии ставшие основой кавалерийского корпуса.

Тогда же была сформирована и так называемая «Абвертруппе 103». Она создавалась для патрулирования и охраны коммуникаций 6-й армии.

В чрезвычайно интересной книге Эльзы Гучиновой «Улица Kalmuk road» есть колоритное описание обстановки, царившей тогда в оккупированной зоне: «Пароль «Доктор Долль», сопровождаемый немецким приветствием — поднятой правой рукой, действовал по всей калмыцкой степи. При вступлении немецких отрядов в калмыцкие деревни их встречали женщины и дети с желтыми (священный цвет) флажками. Если деревня была занята врагом, навстречу немецким

войскам выезжали всадники и сообщали о численности советских частей. Все конные калмыцкие отряды имели желтые знамена, и каждый вооруженный калмык носил на левой руке желтую повязку»¹.

Калмыцкие конные разъезды доставляли немало хлопот советским солдатам. Их группы нападали на небольшие соединения в ночное время, и, порубив несколько человек, скрывались во мраке. Вообще надо представлять себе, что такое эта самая калмыцкая степь. Она представляет собой странное пространство. Здесь весьма близок горизонт. Это связано с тем, что территория лежит ниже уровня моря. И значит, здесь даже днем легко укрыться даже на плоской территории, и в то же время человек нездешний может заблудиться, кружить и умирать от голода и жажды в двух шагах от шоссе или жилья. Поэтому степные жители, да еще и воины, были для немецкого доктора Доля настоящим подарком.

К апрелю 1943 года численность Калмыцкого корпуса составила 2200 солдат. На нарукавном знаке корпусников имелось изображение ваджры — буддийского атрибута, символизирующего пучок молний и вечность. Вокруг него располагались надписи на двух языках, немецком и калмыцком: «Калмыцкое соединение доктора Доля».

Впрочем, экипировка и воинские атрибуты были у калмыков весьма скромными. Английский

¹ Гучинова Э. Улица Kalmuk road. СПб., 2004. С. 85.

ученый Джон Фоулнер сообщает: «Будучи «свободным корпусом», калмыки отличались еще большим разнообразием снаряжения, чем казаки, и не носили германских знаков различия. Известно два типа «национальных» нарукавных нашивок, но, судя по всему, распространения они не получили, особенно в действующих частях»¹.

5

Уже к концу 1942 года и особенно после капитуляции немцев в сталинградском котле многие местные калмыки стали готовиться к эвакуации и отходить на запад совместно со своим корпусом и отступающими формированиями немцев.

Но и вдали от Калмыкии солдаты корпуса продолжали служить Третьему рейху, случаев предательства среди них почти не было, а память о зверствах НКВД была по-прежнему жива. Соединение степняков считалось наиболее надежным из всех остлегионов. Зимой 1943—1944 годов члены корпуса и немецкая жандармерия предприняли карательную акцию в днепровских плавнях, где скрывались партизаны, и ликвидировали их опорный пункт.

Те же из калмыков, кто остался и не сотрудничал с немцами, тем не менее стали жертвами акции возмездия НКВД. Операция по депортации была организована в канун Нового года.

¹ Фоулнер Дж. Кавалерийские части германской армии и ее союзников во Второй мировой войне. М., 2003. С. 40.

Всех калмыков обвиняли в том, что они «...изменили Родине, вступали в организованные немцами воинские отряды для борьбы против Красной армии, предавали немцам честных советских граждан, захватывали и передавали немцам эвакуированный из Ростовской области и Украины скот, а после изгнания Красной армией оккупантов организовывали банды и активно противодействуют органам советской власти по восстановлению разрушенного хозяйства, совершают бандитские налеты на колхозы и терроризируют окружающее население...»

27—28 декабря 1943 года вышли Указ ПВС СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» и Постановление СНК о выселении калмыков в Алтайский и Красноярский края, в Омскую и Новосибирскую области. Все, что оставалось от республики, передавалось в состав соседних с ней областей и Ставропольский край. Элиста переименовалась в город Степной.

С операцией по депортации решили не тянуть, и она началась уже 28 и 29 декабря 1943 года под кодовым названием «Улусы». Для ее обеспечения были привлечены 2975 офицеров НКВД и 3-й мотострелковый полк НКВД, уже выполнявший карательные акции по депортации. Начальником этого мероприятия был назначен глава УНКВД по Ивановской области генерал-майор госбезопасности Михаил Маркеев.

Первая волна депортации коснулась 91 919 человек, как стариков, так и детей. Затем к ним до-

22

Heiratsurkunde

Standesamt München IV Nr. 208
 Der Pianer Dardaki D e l e k a j e w
 buddhistisch, wohnhaft in München-Palmenring
 geboren am 10. Mai 1909 in Lehassé (Tibet)
 (Standesamt Heiratsurkunde nicht nachgewiesen) und
 an Kurzan S e h e z o w geborene Karajen, ohne Beruf
 buddhistisch, wohnhaft in München-Palmenring
 geboren am 11. Mai 1917 in Kar-Bum-Dol (Tibet)
 (Standesamt Heiratsurkunde nicht nachgewiesen)
 haben am 4. März 1949 vor dem Standesamt
 München IV die Ehe geschlossen.
 Unterschrift: _____

 München _____ am 4. März 1949

бавились еще 1014 человек. Основными местами ссылки избирались Омская и Новосибирская области, Красноярский и Алтайский края. Менее всего повезло тем, кто попал в Омскую область.

Их расселили в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском округах.

В 1944 году в ряды переселенных стали направляться и калмыки, служившие в Красной армии.

6

Востоковед профессор Поппе, сообщая о своих наблюдениях, относящихся к ситуации в Берлине к весне 1943 года, отмечает необычайное число калмыков, находившихся в столице Германии, — буквально тысячи¹. Действительно, сюда вместе с калмыцкими подразделениями переехало множество новых калмыцких эмигрантов. Они пытались выжить в этих необычных для себя условиях, хотя вести с Восточного фронта не предвещали ничего хорошего.

Доктор Долль погиб в июне 1944 года во время боев с передовыми частями советских войск. На место покойного был назначен некто полковник Берген. Но ситуация на фронте продолжала ухудшаться, и было件ятно, что дни Третьего рейха уже сочтены.

В январе 1945 года остатки Калмыцкого кавалерийского корпуса были отправлены в Германию и проходили переформирование на учебном полигоне в Нойхаммере. Они пополнялись за счет калмыков, прибывших с Западного фрон-

¹ *Poppe N. Reminiscences. Western Washington, 1995. С. 176.*

та и из Италии, и влились в состав 15-го казачьего корпуса, созданного еще в сентябре 1942 года подполковником СС Гельмутом фон Панвицем. Когда в конце 1944 года корпус находился на перестройке, он получил новое название — 15-й казачий кавалерийский корпус СС.

Таким образом, калмыки стали административно подчиняться СС.

Калмыцкий кавалерийский полк, уже без лошадей, вместе с казаками должен был отправиться в Хорватию. Это происходило буквально в последние недели войны. Однако наступление Красной армии было столь стремительным, что значительная часть этого подразделения не успела уйти и осталась оборонять Берлин.

С переводом в СС калмыки понимали, что шансы выжить в случае пленения Красной армией у них будут небольшие. Многие надеялись прорваться на запад и сдаться в руки англичан и американцев. Но и в этом случае возможность передачи их союзниками в руки НКВД была очень велика. Поэтому солдаты корпуса решились пойти на определенную хитрость, которая в случае сдачи врагу давала им пусть мизерный, но шанс. Вот как об этой хитрости пишет Эльза Гучинова:

«Надо было также законспирировать место рождения. И тут во многих делах появляется название города, где практически ни один калмык не побывал, но знал его каждый, — Лхаса. Если надо придумать место рождения, так пусть им будет другой символ — столица буддизма, резиденция далай-ламы. Свидетельством этого служит личное

дело Дорджи Делекаева, сохранившееся в его семье, где черным по белому в графе «место рождения» вписано: «Лхаса»¹.

В одном из своих военных репортажей, сделанных после высадки англо-американского десанта в Нормандии в июне 1944 года, Джордж Оруэлл упоминает о таких «счастливицах», попавших в руки союзников: «Среди «русских», плененных во Франции, было двое абсолютно восточного происхождения, национальность которых никто не мог определить. Наконец после изнурительного допроса установили, что они с Тибета. Задержанные со стадами на советской территории, они были мобилизованы и попали в плен к немцам...»²

Это, конечно, легенда, придуманная корпусными калмыками. Никакие тибетцы ни при каких обстоятельствах не смогли бы перегнать скот из Тибета за несколько тысяч километров через пустыню Такла-Макан и, перейдя Памир, очутиться в советской Средней Азии.

Трудно представить себе ситуацию, царившую среди немецких войск за две недели до падения Берлина. Нельзя исключить, что «уроженцев Лхасы» сделали смертниками, приковав к пулеметам, их эсэсовские начальники. Потом, когда Берлин пал, сотрудники французской армейской разведки обнаружили раскосых бойцов-смертников в

¹ *Orwell S., Angus I (ed). The Collected Essays. Journalism and Letters of George Orwell. London, 1968. III. P. 252—253.*

² Там же.

форме СС, но без знаков различия и с тибетскими паспортами в карманах, имевших повязки с древними буддийскими символами.

Близкий к французским разведывательным службам Жак Бержье, автор также книги «Тайная война оккультных сил» и книг об истории шифрования, видимо, слышал рассказы о странных азиатах в форме со свастикой, обнаруженных в столице Германии, и решил, что это имеет какое-то отношение к оккультным воззрениям фюрера. В действительности это были те, кто хотел быть тибетцами, кто надеялся на спасение, исходящее от священных гор, от таинственной и недоступной Лхасы. Однако кровавая дидактика истории сделала их только бессмертными призраками расхожих книжек об оккультных тайнах Третьего рейха и мистическом «Черном легионе».

Глава 2

НЛО: охота на Черчилля

1

«Через Вселенную пролетал корабль «Карнак» транспространственного сообщения.

Он летел из пространства Ассупаратсата, то есть из пространства Млечного Пути, с планеты Каратас к солнечной системе Пандецнок, солнце которой именуется также Полярной звездой.

На упомянутом транспространственном корабле находился Вельзевул со своими близкими родственниками и спутниками»¹.

Так начинается вторая глава книги Гурджиева «Рассказы Вельзевула своему внуку». Герой этого странного произведения, носящий одно из имен дьявола, фактически пассажир НЛО, пришелец, наделенный космической мудростью, и в то же время он альтер эго самого Гурджиева.

Корабли космических пришельцев стали актуальной темой после романа Герберта Уэллса «Война миров». Бесконечная Вселенная с множеством солнечных систем в начале XX века стала

¹ Гурджиев Г. Рассказы Вельзевула своему внуку. М., 2002. С. 41.

главным источником, откуда ожидалось космическое вторжение или пришествие гуманоидов.

Одним из тех, кто знал о появлении посланцев иных цивилизаций, стал русский скульптор, эмигрант Сергей Тимофеевич Коненков. Волей истории и обстоятельств личной жизни он оказался посвященным в странные истории, происходившие в кабинетах власти и научных лабораториях.

Я не берусь утверждать, что скульптор Коненков и Гурджиев были знакомы, хотя первый прожил в Америке больше 20 лет, а второй там часто бывал именно в эти времена. Однако в их биографиях есть несколько общих моментов. Герой книги Гурджиева «Рассказы Вельзевула своему внуку» сам был посланцем таинственной внеземной цивилизации, а Сергей Тимофеевич был свидетелем того, как подобные цивилизации начинали устанавливать контакты с правительствами сверхдержав.

2

Скульптор Сергей Тимофеевич Коненков был весьма странным человеком. Казалось, он всегда оставался на виду, участвовал в официальных выставках и был вполне замечен советской властью, однако вокруг него роились легенды, которые сам он не опровергал, а порой даже и подтверждал.

Его работы были проникнуты духом реальной мистики, а мистика его была отражением какой-то незримой политики. Ходили слухи, что он общался с сильными мира сего. И даже будто бы Сталин прислушивался к его пророчествам и почитал чуть ли не как медиума.

Правозащитник Сергей Григорянц рассказал мне однажды, что мать его не раз говорила о том «...как в конце сороковых годов Коненков проводил спиритические сеансы на даче Сталина...».

«Мне говорил, кстати, Сандро Тоидзе... о том, что он выезжал туда и там, как сейчас принято говорить, медитировали»¹, — вспоминает художник и дизайнер Феликс Березнер.

Еще о нескольких странных эпизодах из жизни Коненкова я узнал от скульптора Эрнста Неизвестного. От его рассказа также веяло легендарностью, возможно, органически присущей фигуре Сергея Тимофеевича.

«В свое время здесь (в Москве — *О.Ш.*) была выставка памятников Ленину, в Манеже, — вспоминал Неизвестный. — И я выступал, был довольно активным. Мне очень понравился... то есть не то что понравился, но меня остановил проект Коненкова. Я вам скажу почему. Этот проект был беспомощным с точки зрения пластической, не собран. Но он был с удивительным размахом. Я пытаюсь в «Древе жизни» достичь такого же размаха. Это был земной шар, который по экватору

¹ Видеоинтервью Феликса Березнера от 31 марта 2004 года. Архив автора.

окружали все гении всех времен и народов: сам Коненков, Есенин с гармошкой, Маяковский. Какие-то индейцы, колумбы, стоит Ленин на земном шаре и указывает пальцем на знаки Зодиака, вернее, на структуру, которая якобы, потом я узнал, благословляет революцию, показывает, что она будет удачна.

Ну а там (в Манеже) стояли скучнейшие монументы, такие приглаженные, какие-то бухгалтеры вместо Ленина. Я выступил с горячностью и сказал: «Вот тут говорят, что проект Коненкова — это сумасшествие. Но я вот так думаю, что если бы народ лепил, он бы, может быть, такой же монумент и сделал. Ну а если даже это и сумасшествие, то это сумасшествие художника. А вот посмотрите, что сделал Николай Васильевич Томский, — это сумасшествие чиновника».

И бородач вдруг подошел ко мне, взял меня под руку и повел на второй этаж в буфет. И значит, говорит: «Смотри внимательно». Я смотрю на этот проект. Ничего не понимаю. «Чего смотри»? Оказалось, что он сделал следующее: пятиконечная звезда, и в нее он вписал крест. Такое вот совмещение. Я был как-то удивлен¹.

Другой странный случай Эрнст Неизвестный относил к эпохе своих гонений после скандала с Хрущевым в Манеже.

«У меня не было мастерской. Я снимал такое помещение, которое было «стоячим гробом». Высота невероятная, а пространство очень малень-

¹ Магнитофонная запись автора.

кое. Работал я так: я делал скульптуры, некуда было их девать. Я их складывал на пол и сверху покрывал досками и дальше уже как по лестнице.

Итак, я сижу наверху, вдруг стук в дверь и входит такой человек, такой... как лампадное масло, такой окающий и благословляет меня. «По просьбе Сергея Тимофеевича Коненкова». Средних лет. Лет сорока—сорока пяти. Одет обычно. Благословляет меня. А поскольку мне надо слазить, а лестница шаткая, он сейчас и ушел.

В то время я изрядно пил, жил на Масловке. Как у инвалида Отечественной войны, по десятипроцентной норме у меня была комнатуха, и там у меня был сосед такой — скульптор Лавров. И вдруг я слышу, что он своей жене с большим гневом говорит: «Эрнеста не трогай, он святой человек, его сам Сергей Тимофеевич Коненков благословил». Потом я узнал, что, оказывается, это очень странная секта была: Рерих, Коненков... Вот такая история. И единственный человек, который меня защитил, кроме Корина, это был Коненков. Это очень интересно. Они каким-то образом близки к эзотерическим обществам»¹.

Коненков верил в существование неких высших сил и, видимо, считал, что эзотерика, наука о тайном, способна открыть и тайны будущего, и тайны человеческих судеб.

Упоминая Рузвельта, Черчилля или Сталина, он говорил о них почему-то как о людях, смотрящих далеко вперед, за пределы нашего космического

¹ Магнитофонная запись автора.

пространства. А Сталина в частных разговорах мог позволить себе именовать не иначе как «брат мой».

Впрочем, и Рузвельт, и Черчилль, и Сталин отнюдь не произвольно мелькали в его воспоминаниях. С последним он был знаком лично, а остальных знал по рассказам Маргариты — жены, сотрудницы советской разведки, работавшей в США.

3

Коненков оказался на Западе при весьма запутанных обстоятельствах. В декабре 1923 года Сергей Тимофеевич и его жена Маргарита, блестяще говорившая по-английски, прибыли из Москвы в Ригу. Они должны были оттуда поехать в Америку как участники выставки русского искусства. Однако долгие проволочки с документами заставили их задержаться в Латвии, затем в Париже, и только спустя год супруги добрались до Нью-Йорка. Здесь в доме 136 по Либерти-стрит располагался Выставочный комитет, возглавлявшийся академиком Сергеем Виноградовым. Экспозиция открылась 20 мая 1924 года, но выставка прогорела. Цены были высокими, да и американцы не хотели покупать картины.

Коненкова это особенно не расстраивало. Очтившись в Америке, он довольно быстро принял решение остаться и не возвращаться в СССР. Возможно, за этим стояли вполне понятные житей-

ские причины, а возможно, и тайная миссия его жены, о чем речь пойдет ниже.

Жизнь в США была более комфортна, чем в опустошенной Гражданской войной России, хотя первоначально Сергею Тимофеевичу было трудно найти покупателей.

Человек, не чуждый особым духовным исканиям, он сблизился с мистической сектой «Ученики Христа», членами которой первоначально были либо польские и русские эмигранты, либо обрусевшие немцы, также эмигрировавшие в США. Знакомство с этой странной общиной произошло через некоего Тихона Дмитриевича Шмелева. С ним завязала дружбу жена Коненкова Маргарита, а уже затем она и скульптор стали членами организации и ее спонсорами. «Ученики Христа» со временем стали относиться к скульптору чуть ли не как к новому Иоанну Крестителю. Они пророчествовали, что возвращение Сергея Тимофеевича в СССР будет предвестием второго пришествия Христа.

Находясь в США, Коненков стал работать над целой серией картин-идеограмм. Они представляли собой своеобразные мистические шифры. Коненков пытался с помощью этих специфических произведений проникнуть в тайну последнего дня мира и угадать дату конца света. Он смог достичь определенных результатов на этом пути и даже передал Сталину через бывшего генерала, эмигранта Яхонтова, вычисленную им дату нападения Германии на СССР.

Виктор Александрович Яхонтов, помимо того, что сразу после Февральской революции был замом министра обороны во Временном правительстве, с начала 20-х годов длительное время жил в США. Судоплатов называет его одним из «важных агентов в США»¹ и упоминает о том, что Яхонтов был женат на сестре жены тогдашнего наркома госбезопасности СССР Всеволода Меркулова. Меркулов занимал этот пост с 1943 по 1946 год. В момент посылки пророчества Коненкова он был начальником ГУГБ НКВД СССР. Так что письмо Сталину могло и дойти до адресата.

Но тема возвращения в СССР возникает лишь после 22 июня 1941 года. Она связана еще со многими сомнениями относительно своей безопасности. По известным только ему и, видимо, жене каналам художник добивался от советского правительства четких гарантий.

В 1941 году Коненков становится почетным членом центрального совета «Рашен Уор Релиф», организации, призванной оказывать помощь сражающемуся Советскому Союзу и занимавшейся сбором пожертвований в фонд помощи сражающейся Красной армии. Жена скульптора избирается ответственным секретарем этого комитета, а сопредседателем его совета становится супруга президента США Элеонора Рузвельт. Среди почетных членов «Рашен Уор Релиф» вице-консул СССР в Сан-Франциско и одновременно резидент

¹ Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы. М., 2003. С. 283.

НКВД на Западном побережье США Яков Хейфец. О его деятельности был поставлен в известность глава ФБР Джон Эдгар Гувер.

«Хейфец, вице-консул в Сан-Франциско, занимается политической и военной разведкой по Западному берегу США, имеет большую сеть агентов в портах и на военных заводах, собирает очень ценный стратегический материал, который направляется Зубилиным в Японию. Имеет радиостанцию в консульстве. Сам он очень большой трус, при аресте быстро выдаст всех агентов, чтобы спасти себя и остаться в этой стране»¹, — писала группа анонимных информаторов директору ФБР.

«Засвеченный» резидент НКВД уже в декабре 1941 года установил тесные отношения с отцом атомной бомбы, сочувственно относившимся к левым, Робертом Оппенгеймером. Советский агент встретился с ним еще в декабре 1941 года на вечере, посвященном сбору средств ветеранам гражданской войны в Испании. В это время Хейфец уже знал о начале американских работ над новым оружием и письме Альберта Эйнштейна президенту США о возможности создания супербомбы.

Советские разведслужбы давно имели выходы на Альберта Эйнштейна и близких ему людей. Один из таких путей шел через его дочь Маргот. Она была замужем за русским эмигрантом Ма-

¹ *Venona*. Soviet espionage and the American response 1939–1957. Washington, 1996. P. 51.

риамовым, являвшимся ко всему прочему секретарем чрезвычайно популярного на Западе индийского поэта Рабиндраната Тагора. Во время поездки в Москву Мариамов в букинистическом магазине обратил внимание дочери Эйнштейна на монографию Сергея Глаголя «Коненков», а когда супруги уже возвращались в Америку, еще одна попутчица, некая Элен Флекснер, случайно оказалась почитательницей Коненкова и восторженно отзывалась о нем. Встреча Коненкова и Маргот Эйнштейн стала фатальной. Он вылепил ее портрет. А затем и пригласил позировать ее отца.

В то же самое время начинается и роман жены художника с великим физиком. Эхо этого романа отзовется много десятилетий спустя на аукционе «Сотби», где будет выставлена их интимная переписка.

О роли Коненковой в установлении связей со светилами мировой физики вспоминал и бывший начальник отдела «С» НКВД СССР Павел Судоплатов. Вспоминая о поездке в Америку членов Еврейского антифашистского комитета, он писал:

«Существенной была роль Михоэлса и Фефера также в разведывательной операции по выходу на близкие к Эйнштейну круги ученых-специалистов, занятых разработкой в то время никому не известного «сверхоружия». Эти люди встречались с близкими семье Эйнштейна русскими эмигрантами супругами Коненковыми и через них, правда, в устной форме к нам поступила важная ин-

формация о перспективах нового «сверхоружия», обсуждавшихся в Принстоне при участии Ферми и Оппенгеймера. Координацией всей этой работы по линии нашей разведки в США занимались, кроме Зарубиных, Хейфец и Пастельняк»¹.

«Жена известного скульптора Коненкова, наш проверенный агент, действовавший под руководством Лизы Зарубиной, сблизилась с крупнейшими физиками Оппенгеймером и Эйнштейном в Принстоне. Она сумела очаровать ближайшее окружение Оппенгеймера. После того как Оппенгеймер прервал связи с американской компартией, Коненкова под руководством Лизы Зарубиной и сотрудника нашей резидентуры в Нью-Йорке Пастельняка («Лука») постоянно влияла на Оппенгеймера и еще ранее уговорила его взять на работу специалистов, известных своими левыми убеждениями, на разработку которых уже были нацелены наши нелегалы и агентура Семенова»².

Знал ли Коненков о разведывательной деятельности своей жены? Пусть читатель сам ответит на этот вопрос. Но многое, о чем Сергей Тимофеевич потом поведал в своих частных беседах с друзьями, он мог узнать только от нее. А она либо от крупных физиков, либо непосредственно от своего начальника — советской разведчицы Лизы Зарубиной.

¹ Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы. М., 2003. С. 468.

² Там же. С. 300.

Сблизившись со светилами мировой физики, Маргарита Коненкова получила источник самой неожиданной и порой сенсационной информации, которая и сейчас производит впечатление. Часть этих устных историй она рассказала и своему мужу. Спустя десятилетия в узком кругу гостей своего дома Сергей Тимофеевич решился поведать некоторые из них. Причем весьма впечатляющие.

Вот как об этом эпизоде рассказал мне Феликс Березнер:

«Это было лето 1961 года. Я делал тогда медали и значки, посвященные полету Гагарина, и хотел их показать Сергею Тимофеевичу Коненкову.

Мы приезжали без звонка в теплый гостеприимный дом. Я дружил с молодыми художниками, поскольку был тогда председателем творческой секции Дома работников искусств, и мы ходили в мастерскую — квартиру Тоидзе. Я и его сын Сандро, художник. Обычно попив чаю, потанцевав, выходили на Пушкинскую площадь и там, где сейчас магазин «Армения», рядом находилась мастерская художника. Когда мы заходили к Сергею Тимофеевичу, наши разговоры, как правило, были о природе и искусстве, но всегда спускались в политическую почву.

Не помню точно, в какой компании забрели мы к нему. И Сандро сказал Коненкову про меня, что Феликс уже делает медали и значки и уже вручил Юрию Алексеевичу значок с медалью на телевидении.

Сергей Тимофеевич и говорит: а эти «летчики» давно существовали. А вот с точки зрения эстетики космических полетов... Он сказал: мне непонятно, как это делать. Потому что все это фантастические дела, и для меня космос — это реалии, такие же, как потусторонний мир, и я не знаю, как Феликс попытался это сделать.

Это сложно, как те объекты, которых никто не видел, но о которых все говорят и все рисуют.

Коненков утверждал, что в Америке он часто слышал, многие люди видели эти объекты. «Я человек, реально стоявший, — говорил Сергей Тимофеевич, — но есть мои друзья, которые пытались их изображать». И даже называл имя скульптора, создававшего изображения этих объектов. Он называл их «эти объекты из пространства, которое еще не все знают».

Он хорошо относился к Черчиллю с точки зрения и этих событий, и событий, связанных с войной, и поскольку он фигура колоритная, он говорил, что у него была идея сделать такой триптих из Рузвельта, Черчилля и Сталина.

И в Америке, и в Англии, по информации Коненкова, есть данные, что Черчилль способствовал развитию освоения этого пространства. Что в Америке все это скрыто под грифом секретности. А в Англии эти работы давно ведутся, а они, англичане, должны быть впереди и вот-вот все обнародуют, «кто» там и «что» там.

Коненков все же называл их не НЛО, а «объекты, которые существуют», и добавлял, что сейчас

существует «Бермудский треугольник». Черчилль выпивал много из-за того, что он боялся, что его выкрадут. Это было связано с объектами за пределами нашей планеты. Объектами, которые находятся вне нашего пространства, вне нашей Земли. Внеземными цивилизациями.

Коненков был уверен, что среди них существовали такие силы, которые сначала помогали одной стороне. Скажем, немцам. Потом другой стороне. Многие боялись, говорил Коненков, что пришельцы могут дезорганизовать ситуацию войны. Думали, что могут выкрасть Гитлера, а потом почему-то Черчилля, так как он самый разумный, самый здравомыслящий и физически крепкий, может быть выдернут из этой когорты, чтобы направлять, как всем правильно действовать, то есть украдут человека, который будет координировать сверху. Это происходило незадолго до того, как образовалась коалиция.

Из-за угроз похищения Черчилль все время и выпивал»¹.

К этим воспоминаниям Феликса Березнера можно было бы относиться как к легенде, если бы не одно обстоятельство. В рассекреченных недавно документах ФБР есть весьма примечательные свидетельства того, что НЛО впервые стали фиксироваться спецслужбой возле американских ядерных объектов в Лос-Аламосе и Окридж. А освещением работ именно в атомной области за-

¹ Видеозапись автора.

нималась жена Коненкова Маргарита. И только она могла быть источником этих сообщений.

Период, когда эта информация о НЛО была получена Маргаритой, может быть весьма ограничен: 19 сентября 1944 года премьер Великобритании Черчилль и президент США Рузвельт заключают в США в Гайд-парке секретный договор об атомном оружии и 1 ноября 1945 года, когда пароход «Смольный», на борту которого находилась вся семья скульптора, покинул порт Сиэтл и взял курс к берегам СССР.

Естественно, период возникновения этой информации может быть еще сокращен, правда, не намного — 26 июля 1945 года — день поражения Черчилля на выборах и уход в отставку.

4

Сегодня выясняются и другие интересные обстоятельства. Павел Судоплатов в своей книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль» сообщает о том, что одним из источников информации НКВД по атомному «Манхэттенскому проекту» был сбежавший в США в 1933 году советский физик Георгий Гамов, автор теории «Большого взрыва» и ядерного синтеза элементов. Преподаватель в Джорджтаунском университете, он был одной из звезд теоретической физики. Советская разведчица Лиза Зарубина, куратор Маргариты Коненковой, привлекла к сотрудничеству жену

Гамова, обещая гарантии жизни родственникам, оставшимся в СССР¹.

Как пишет тот же Судоплатов в 1948 году, ревизия, проведенная ФБР, выявила исчезновение 1500 страниц текстов документов по сборке атомной бомбы на полигоне в Лос-Аламосе. От Гамова и в устной форме продолжали поступать характеристики разработчиков сверхбомбы, в частности, связанные с ее созданием.

Но вот что удивительно: именно Гамов принимал участие в весьма секретном заседании на полигоне Лос-Аламос в 1949 году. И источник этой информации отнюдь не Судоплатов, а американский физик-оптик Брюс Маккаби. В своей книге «НЛО и ФБР» он впервые цитирует рассекреченные документы американских спецслужб по проблеме неопознанных объектов, относящиеся к периоду 1946—1955 годов.

Совещание, на которое пригласили Гамова, было созвано по весьма экстраординарному поводу. 14 октября 1949 года в 13 часов 14 минут на станции ВМС по слежению за космическими лучами, установленной в Паломарской обсерватории, счетчики Гейгера стали беспорядочно раскачиваться взад-вперед, указывая на резкое увеличение уровня радиации в атмосфере. Причиной их активности стали около полутора десятка НЛО, пролетавшие на высоте более 1500 метров. Спус-

¹ Судоплатов П. Спецоперации. Разведка и Кремль. М., 2003. С. 304—305.

тя три дня, 17 октября, уже одна маленькая черная точка на высоте 2130 метров заставила вновь вздрогнуть счетчик Гейгера.

Собственно, этого странного открытия атомной природы НЛО хватило, чтобы еще в день первого всплеска активности счетчиков Гейгера, а именно 14 октября, в Лос-Аламосе состоялось секретное заседание, куда приехали светила американской физики: доктор Теллер — отец американской водородной бомбы, работавший вместе с ним Станислав Уэлм, сотрудники американских спецслужб и... Георгий Гамов¹.

Возможно, он и был одним из источников сведений о НЛО, поступавших в СССР по линии НКВД. В любом случае его устная или письменная информация по этому поводу должна находиться в архивах СВР.

При этом надо отметить то, что сами НЛО интересовались именно атомными объектами США: Альбукерк, Лос-Аламос, Окридж, авиабаза Холломан.

Это был своеобразный мониторинг инопланетного воздушного флота.

Еще один случай, описанный Маккаби, дает нам возможность снова вспомнить о миссии Маргариты. В 1980 году автор «НЛО и ФБР» имел разговор с доктором Робертом Сарбахером, специалистом по системам ракетного управления. Он был известен своими работами еще во время

¹ Маккаби Б. НЛО и ФБР. М., 2001. С. 157.

Второй мировой войны. Сарбахер утверждал, что один из тех, кто работал над проблемой летающих тарелок, был знаменитый физик Роберт Оппенгеймер¹.

Этот крупный ученый находился, по утверждениям уже Судоплатова, под влиянием Маргариты². Возвращаясь к рассказам Коненкова о НЛО, слышанным Березнером, надо сказать, что скульптор определенно лукавил, когда говорил, «что в Америке многие люди видели эти объекты». На момент возвращения Сергея Тимофеевича в СССР, то есть на 1 ноября 1945 года, там еще не было того бума НЛО, который действительно потом охватил все США.

Начало этому буму было положено так называемым инцидентом в Розвеле, произошедшим 24 июня 1947 года. Розвел — это авиабаза 509-й бомбардировочной группы, состоявшей из самолетов «Б-29». Это подразделение было создано еще в 1945 году с единственной целью — нанести ядерный удар по Хиросиме и Нагасаки и во время инцидента с НЛО являлось единственным в мире авиационным отрядом, вооруженным атомными бомбами.

Официально первым инопланетные корабли увидел пилот частного одномоторного самолета. Его звали Кеннет Арнольд. Пролетая над Каскадными горами в штате Вашингтон, он заметил це-

¹ Маккаби Б. НЛО и ФБР. М., 2001. С. 229.

² Судоплатов П. Спецоперации. Разведка и Кремль. М., 2003. С. 300, 468.

лое звено НЛО. А первая публикация об этом инциденте состоялась в № 1 журнала «FATE» весной 1948 года.

Кеннет Арнольд, возможно, видел те самые НЛО, один из которых удастся сбить над ядерным объектом, а потом даже обнаружить останки корабля и разложившиеся тела пришельцев. С этого, собственно, начинался другой проект «Операция Мажестик 12» — сугубо секретное научное исследование, техническая разведывательная операция, предназначенная непосредственно и только для президента США.

Это означает, что то, что «он часто слышал», — часть сугубо секретной и, как утверждал Судоплатов, «устной» информации, добытой Маргаритой через Оппенгеймера и Гамова. Эти два физика, как мы видели, находились в постоянном контакте и с высшим военным руководством США, и, видимо, с президентом, получая информацию, приходившую по линии обмена разведданными из Великобритании.

В книге Брюса Маккаби мы находим и еще один пассаж, подтверждающий, что история с НЛО началась как минимум на несколько лет раньше и в период пребывания там четы Коненковых. Источником интригующей информации стал полковник Клайд Гессер, главный инженер проекта NEPA, осуществлявшегося на военной базе в Окридже. Здесь также появлялись инопланетные диски. NEPA — это американский проект по созданию летательных аппаратов с ядерным дви-

гателем, запущенный командованием материально-технического обеспечения ВВС. В 1948 году Гессер уже был в курсе ситуации с неизвестными объектами, появлявшимися над полигонами. Но он считал их, возможно, советскими. В данном случае нас интересует время, о котором говорит глава проекта NEPA: «...уже четыре года назад было известно, что русские экспериментируют с какими-то летающими дисками...»¹

Эти «четыре года» были временем, когда рождались самые секретные проекты и получалась самая феноменальная информация.

В ночь на 25 апреля 1942 года пятнадцать неизвестных объектов сферической формы размерами более самолета вторглись в воздушное пространство США со стороны Тихого океана. Их скорость не превышала 300 километров в час. Уже над городом летательные аппараты снизились и разделились на две группы по 3—6 в каждой. Объекты были засечены радаром, освещены прожекторами и подверглись обстрелу зенитными орудиями ПВО. Уже шла война с Японией, и американцы приняли неизвестных за самолеты противника. Ни один из объектов сбит не был, а информация о японцах не подтвердилась².

Когда же в 1944 году авиация союзников приступила к планомерным бомбардировкам немецких городов, командование ВВС США стало полу-

¹ Макхаби Б. НЛО и ФБР. М., 2001. С. 90.

² ICOFOM. Memorandum. 1978.

чать от своих пилотов сообщения о светящихся шарах красного, оранжевого и белого цветов. Они совершали необычные маневры над звеньями самолетов, проносясь через их боевые порядки и приводя летчиков в замешательство.

Первые наблюдения за объектами породили слух о том, что это загадочное оружие возмездия Третьего рейха, возможно, разработанное в секретном конструкторском центре «Панемюнде». Такие предположения возникли, когда авиация союзников зафиксировала их появление над Рейном, естественной границей Германии. Таинственные летательные аппараты получили у пилотов название — «фрицевы шары».

Но эти механизмы не причиняли вреда силам коалиции, а из трофейных документов следовало, что и люфтваффе принимало их за новинки американской военной техники.

После поражения Германии и пленения американцами Вернера фон Брауна, отца немецких ракетных программ, вопрос о том, кто посылает неизвестные летательные аппараты, стал актуальным.

5

НЛО пытались воздействовать на политическую ситуацию. Они имели свои цели во время войны и атомной гонки. Мы уже давно находимся с ними в контакте, хотя этот контакт игнорирует-

ся или засекречивается властью. Возможно, эта позиция имеет и вполне прагматичную цель: не допустить массовую истерию и панику.

Американские секретные документы утверждали, что эти разумные существа в большей степени напоминают насекомых¹. Весьма вероятно, что наш понятийный контакт с ними или почти невозможен, или катастрофичен для нас.

Для Сергея Тимофеевича Коненкова сообщения о НЛО, услышанные от Маргариты, были не только информацией к размышлению. В своих графических работах, создававшихся в США, он постоянно обращался к идее космического апокалипсиса, разрушения, которое лежит в сути Вселенной, посылающей своих могущественных насекомоподобных посланцев к вооруженным до зубов землянам.

¹ Маккаби Б. НЛО и ФБР. М., 2001. С. 229.

Глава 3

•

Ультима Туле, или Страна Декарта

1

В 1692 году в Париже некий таинственный господин Г де Л...а выпустил книгу с весьма сухим названием — «Новые записи по истории картезианства». Действительным же ее автором был Даниэль Юэ, чье имя вряд ли что-нибудь прояснит. Но дело, конечно же, было не в сочинении, а в таинственном диалоге, который состоялся между писателем и французским послом в Стокгольме господином Шаню на исходе XVII века.

Это был обстоятельный разговор двух манерных аристократов, посвященный, как это водится в салонах, обсуждению третьего лица, каковым являлся французский философ Рене Декарт. Дипломат сообщил Даниэлю Юэ о встрече с мыслителем в одном из аристократических домов Швеции. Действительно, в то время Декарт жил в этом скандинавском королевстве. Философ, по словам Шаню, заявил о своем вступлении в орден розенкрейцеров. Члены этого древнего тайного братства давали обет целибата (безбрачия), посвящали себя углубленному изучению медицины и ок-

культным наукам, позволявшим им становиться невидимыми. Их жизнь проходила в непрерывном изучении алхимии, астрологии и каббалы. Но перед тем как погрузиться в пучину мистики, Декарт, ведомый наставниками, якобы предпринял путешествие на Крайний Север — в Лапландию, где получил посвящение в мудрость древних магов. Именно там, по утверждению философа, находился один из оккультных центров розенкрейцерства. Юэ, видимо, знал об этом. И то, что могло интриговать Шаню, он воспринимал как само собой разумеющееся¹.

Декарт вступил в орден розенкрейцеров еще во время своего путешествия по Германии и Голландии. В инициации ему содействовал немецкий математик Фаульхабер. Впоследствии, уже после пребывания в святилищах Севера, Декарт утверждал, что будет жить 500 лет, что он способен присутствовать во многих местах, будучи невидимым, и может мгновенно перемещаться в различные точки Европы, где находятся анклавы розенкрейцерства.

2

Лапландией называют большую территорию на севере Швеции, Норвегии, Финляндии и России. Печальная тундра соседствует здесь с чахлыми лесами и древними выщербленными скалами,

¹ Подробнее об этом: *Georges-Berthier A. Descartes et les Rose-Croix // Revue de Synthese. Vol. XVIII. 1939. P. 9—30.*

а множество кристальных озер, щедро разбросанных по пустынному пространству, заставляет поверить в заповедность этих хранимых богом мест.

Но стоит только внимательнее взглядеться в расшитые бисером тотемные знаки местных аборигенов-лопарей, которыми они украшают свои шубы и шапки, чтобы увидеть в них древний солнечный алфавит Европы с его руническими знаками, молниями и свастиками.

«Последним приписываются и старинные курганы, и древние постройки, о них рассказываются предания, имеющие отношение к давно прошедшей борьбе новгородцев с туземным населением...»¹ — писал еще в XIX веке русский исследователь Лапландии Николай Харузин.

Шаманы, или, правильнее сказать, медиумы этих мест назывались нойдами. Они умели впадать в состояние каталепсии и даже вызывать у себя летаргический сон, священные камни, у которых они впадали в транс, именовались сейдами, а главное божество — бог грома Айке имел эпитеты «дед», «прадед», «старик», «предок». Здесь процветали и известные в Азии и Тибете культы почитания оленьих рогов, специфические подношения духам тайги и тундры.

«Так как жертвоприношения совершались из года в год на одном и том же месте, а рога всех закланных оленей оставались в капище, то, естественно, из рогов образовалась большая куча; к

¹ Харузин Н. Русские лопари. М., 1890. С. 361.

рогам, однако, никто не смел прикасаться, считая их собственностью Айке; к этой куче рогов привязывали венок из березовых ветвей и к нему же кусочек жертвенного мяса»¹.

Священное мясо и магический жир лопари возносили на почетные места на своих алтарях.

«Лопари-рыболовы мазали своих сейдов рыбным жиром, чтобы сейд подавал им более счастливую ловлю, и, когда жир засыхал от лучей солнца, они полагали, что сейд съел их жертву»².

Здесь буквально каждый камень скрывает неизвестную историю Севера и его легендарной цивилизации — чуди.

«Давным-давно саамы воевали с чудью. Саамы победили и обратили чудь в бегство. Чудь ушла под землю, а два ее предводителя или полководца, доскакав до Сейдозера, на своих конях перепрыгнули через озеро и ударились о скалу противоположного берега, да так навеки и остались на скале»³.

В одном из рассказов английского писателя Грейвса герой узнает свою душу в камне, лежащем на берегу моря. Могучие камни Лапландии заключают в себе тысячи душ, неведомой зов неведомой крови. Фантастический мир древности проявляет себя здесь в виде циклопических каменных сооружений и лабиринтов, не уступаю-

¹ Харузин Н. Русские лопари. М., 1890. С. 169.

² Там же. С. 189.

³ Цитируется по письму жены Кондияйна Э. Кондияйн-Месмахер С. Барченко от 3 января 1961 г. Архив семьи Барченко.

щих Стоунхенджу и узорам пустыни Наска. Магические храмы Севера на несколько тысячелетий старше пирамид Гизы. Они заключают в себе волшебную мощь великой Лапландии — континента, известного югу под тремя именами — Арктогея, Гиперборея и Ультима Туле. Ее долгие столетия считали вымышленным островом, порожденным лишь бреднями греков и римлян, придумавших Трою и Помпею.

3

Впервые о северных землях мы находим упоминание в «Географии» Страбона. Он же, в свою очередь, ссылается на труд греческого морехода Пифея «Об Океане». Страбон, однако, скептически относился к сведениям мореплавателя и к его посещению «последних пределов мира». Больше всего недоверие у автора «Географии» вызывало существование вещества, которое Пифей называл «морскими легкими», — то есть льда.

Труд «Об Океане» не сохранился, но, кроме Страбона, отрывки из него цитируют Козьма Индикоплов, Дионисий Ареопagit и Плиний Старший. Дело, собственно, не в недоверии или в вере к ученым древности, а в том, что северные земли, населенные гипербореями, заключали в себе тайну храмов, построенных арктическими зверобоями или их предками.

Возможно, руины одной из таких обсерваторий и обнаружила экспедиция Александра Бар-

ченко, отправившаяся исследовать каменные изваяния и алтари на Сейдозере.

В своем астрономическом дневнике Кондиайн отмечал и другие странности: «В одном из ущелий мы увидели загадочные вещи. Рядом со снегом, там и сям пятнами лежавшим по склонам ущелья, виднелась желтовато-белая колонна вроде гигантской свечи, а рядом с ней кубический камень. На другой стороне горы с севера виднеется гигантская пещера на высоте сажень 200, а рядом нечто вроде склепа замурованного»¹. Все эти сооружения лопари связывали с историей чуди, ушедшей в подземные лабиринты Лапландии.

Вид каменной колонны производил необычное впечатление и вселял в людей безотчетный ужас. Завхоз экспедиции Пилипенко не выдержал и закричал, ощутив на себе приступы меряченья². Его с трудом удалось утомонить, но настроение у всех стало настороженное и подавленное.

Впрочем, чудеса на этом не закончились. Экспедиция случайно наткнулась на странные сооружения в районе Ловозера—Сейдозера. Здесь располагалось несколько сопок, показавшихся путешественникам гранеными искусственным способом. Они напоминали пирамиды.

Возможно, специфическая, древняя обсерватория была остатком арктической навигационной системы. Но когда это было? Когда воды мирово-

¹ Цитируется по письму жены Кондиайна Э. Кондиайн-Месмахер С. Барченко от 3 января 1961 г. Архив семьи Барченко.

² Арктическая истерия.

го океана были значительно ниже и когда в мире существовали неведомые цивилизации, обожеествлявшие холод?

Охотники и зверобои Протоевропы ушли с отступавшим ледником на спасительный север. Холодная эра их цивилизации заканчивалась, и древние обсерватории, которые, возможно, и нужны были для предсказания потепления, предрекли на этот раз и финал северной цивилизации. Ее последние жрецы укрылись в пещерах и древних горных плато Лапландии. Они еще верили в силу звезд и существование мира духов. Их жертвенники еще требовали подношений, но это была агония, последние вздохи древнего знания, заключенного в мифах о живых камнях, способных перемещаться в пространстве.

Отголосок мыслей членов лапландской экспедиции Барченко находим в «Вечерней красной газете» от 19 февраля 1923 года, выходившей в Петрограде. В напечатанной там статье «Лапландия — колыбель цивилизации» говорилось:

«В Петроград возвратился профессор А.В. Барченко, начальник экспедиции на Крайний Север русской Лапландии, состоявшейся прошлой осенью. В настоящее время экспедиция заканчивает обработку добытых материалов. Экспедиция произвела открытие первостепенной научной важности. Есть основания предполагать, что найденные в Лапландии остатки древнейших культур относятся к периоду древнейшему, чем эпоха зарождения египетской цивилизации. Икс».

Возможно, тайну этой или подобной ей обсерватории знали те, кто изготавливал специальную подробную карту для турецкого адмирала Пири Рейса. Он жил в эпоху Колумба. Один из его европейских рабов был участником экспедиции, открывшей Америку, и, видимо, плавал под предводительством великого генуэзца в Новый Свет.

Но в нашем случае интересно не это.

Карты Пири Рейса несколько столетий пролежали в архивах и на свет были вновь извлечены лишь в начале XVIII века. Их обнаружили в Стамбуле во дворце Топкани. По одним сведениям, якобы сообщенным самим адмиралом, он нашел карты на Востоке, по другим — источником важной информации был для него тот самый участник Колумбовой экспедиции.

В 1955 году американский картограф Арлингтон Х. Мэллори и картограф гидрографического ведомства ВМС США Уолтерс произвели экспертизу документов турецкого морехода. Для более точного анализа погрешностей и времени изготовления карты все ее данные были перенесены на заранее сконструированную вспомогательную сетку, позволившую изготовить глобус.

Открытие американцев заключалось не только в том, что карты эпохи Колумба были невероятно точны, что они отмечали и береговую линию Северной и Южной Америки, главной сенсацией

стало то, что на них имелось изображение берега Антарктиды!

«Карты не только воспроизводили очертания континентов — они содержали также топографию внутренней части этих стран! Горные цепи, горные вершины, острова, реки и плоскогорья были изображены абсолютно точно»¹, — писал об этих результатах фанатик палеоконтактов Эрих фон Дэникен.

Спустя год карты были переданы на экспертизу директору Бостонской обсерватории, иезуиту отцу Дэниэлу Линехаму, занимавшему должность ответственного картографа американских ВМС. И вновь были подтверждены полученные прежде данные, в том числе и о внутреннем пространстве Антарктики.

Что любопытно, на карте шестой континент был изображен без ледяного панциря и, следовательно, ее происхождение должно было быть отнесено к периоду, когда эта часть суши была еще свободна ото льда!

Позднее профессор Чарльз Хэпгунд написал об этом событии книгу «Карты древних морских королей». Отнюдь не склонный к сенсациям, ученый Р. Рамсей писал о книге Хэпгунда: «В ней он развивает, и довольно убедительно, ошеломляющую теорию о том, что около десяти тысяч лет назад, до эпохи последнего оледенения, сущест-

¹ Эрих фон Дэникен. Воспоминание о будущем. СПб., 1992. С. 20.

вовала развитая культура мореплавания, благодаря которой весь мир был исследован и закартирован. Он считает, что некоторые из карт этого периода сохранились до сравнительно недавнего времени, были известны отдельным географам и копировались ими; это и объясняет поразительную точность и современность деталей на некоторых древних картах. В частности, Хэпгуд считает, что форма *Terra Australis* — результат точного исследования побережья Антарктики, проведенного до последнего оледенения. Эта форма сохранилась на протяжении веков на нескольких древних картах, скопированных в увеличенном масштабе Оронсом Финном и другими картографами. Источником, натолкнувшим Хэпгуда на исследования, приведшие к этой теории, была карта Пири Рейса...»¹

5

Какая-то отдельная группа русских последователей розенкрейцерства возникла в Бельгии в виде организации браманистов в 20-е годы минувшего века.

«Основываясь на § 3-й Устава Правления з. г.², СРБ сочло полезным заключить с Орденом Розенкрейцеров Оккультистов соглашение, полный текст которого приведен ниже.

¹ Рамсей Р. Открытия, которых не было. М., 1982. С. 40—41.

² З. г. — заграничных групп.

Нижеподписавшиеся:

Константин Платунов, председатель з.г. СРБ.

Франциск Зутевей и Жан Малленже, делегаты
Ордена Розенкрейцеров Оккультистов.

Действуя от имени и в интересах названных
организаций, заключили Пакт Дружбы и Сотруд-
ничества, на основании которого

1. Общие собрания Браманистов I, II и III сте-
пени посвящения становятся доступными Розен-
крейцерам тех же степеней.

2. Общие собрания Розенкрейцеров I, II и III
степеней посвящения становятся доступными
браманистам тех же степеней посвящения.

3. Представитель СРБ и представитель Розен-
крейцеров могут присутствовать с правом сове-
щательного голоса в Верховном Совете дружест-
венной и союзной организации.

4. Библиотеки обеих организаций будут от-
крыты для взаимного пользования книгами.

5. Учителям СРБ и Ордена Розенкрейцеров
Оккультистов будет предоставлено право вести
идейную работу в среде обоих организаций.

6. Члены той и другой организации могут по-
лучать посвящение 3-х первых степеней в союз-
ной организации, уплачивая раньше расходы са-
мого посвящения.

7. Обе организации могут обмениваться доку-
ментами под непосредственным контролем их
Верховных советов.

Настоящий договор вступает в силу через три
месяца после его утверждения.

К. Платунов.

Ф. Зутевей.

Ж. Малленже.

Брюссель. 18-го мая 352 года Эры Розенкрейца»¹.

В августе 1939 года, когда Европа стояла на грани войны, в Бельгии под заголовком «Тропа к тайному» вышло приложение к органу Союза русских браманистов журналу «Монитор». В нем имелись выписки из решений руководителей организации в связи с надвигающимися событиями. В частности, пункт V гласил: «Правление зарубежных групп СРБ, архивы, фундаментальная библиотека и склад литературы будут переведены из Брюсселя в Алтын-таг (Восточный Туркестан)»².

Эта странная мистическая организация уже не раз угрожала своим исчезновением. Но первый такой сигнал она подавала еще в 1930 году. Тогда глава Союза, некто Платунов, выступил с призывом создания Русского Хозяйственного Комитета. «Если настоящий призыв останется без ответа, мы, члены СРБ, будем вправе заключить, что, кроме нас, в зарубежье нет живых духом людей!

Тогда мы сделаем должный логический вывод и снова уйдем в Атхарту, где займемся другой работой, на благо нашего Союза и братьев в нем состоящих»³.

¹ Монитор Союза Русских Браманистов. Брюссель, 1930. № 2.

² Тропа к тайному. Брюссель, 1939. С. 194 (а).

³ Монитор СРБ. Брюссель, 1930. № 2.

Специальная звездочка, данная в сноске, разъясняла, что уйти в Атхарту значит «прекратить всю внешнюю деятельность, как это было до 1925 года».

Атхарта, Агарта, Шамбала, Туле — мистические, потонувшие в недрах истории законспирированные страны.

Они недостижимы, потому что срок их существования истек задолго до нашего рождения.

Они таинственны, потому что Блаватская, Ив Сент Д'Альвейдер, Фабр Д'Оливе, теософы и антропософы и, конечно, Гурджиев населяли их могущественными телепатами и пророками — махатмами.

Они только придорожные вехи на странном пути искателей истины уже в XXI веке, когда имеет смысл подвести баланс.

Глава 4

•

Лунный след

1

Выходки Гурджиева бывали непредсказуемыми и неординарными, а его заявления повергали в шок последователей. Но он требовал подчинения своим идеям и требовал это бескомпромиссно. Подобно монахам-наставникам, гуру заставлял своих адептов принимать свои идеи и высказывал порой, как казалось, невозможные мысли.

Луи Повель вспоминает вечер 1943 года и тот шок, который он испытал во время общения с одной из учениц Гурджиева, когда разговор зашел о космосе.

«Мы смотрели на звезды так, как на них смотрят в горах, испытывая абсолютное одиночество, ужасающее в других местах, а здесь очищающее. Ясно виднелись рельефы Луны.

— Вернее было бы сказать: этой луны, — заметила хозяйка.

— Что вы хотите этим сказать?

— Были другие луны на небе. Это просто последняя...

— Что? Были другие луны, кроме этой?

— Несомненно. Г-н Гурджиев знает это, и другие — тоже.

— Но ведь астрономы...

— О, если вы верите ученым...»¹

О существовании лун Гурджиев рассказывает в книге «Все и вся». При чем здесь мистика и спутник Земли? Однако для этого есть основания.

У Повеля и Бержье читаем: «Существовала некая связь между этой странной историей с Луной и философией сверхчеловека, психологией «высших состояний сознания», механизма мутаций. Наконец, эту идею можно было найти в восточных преданиях, как и идею о том, что тысячелетия назад люди могли видеть другое небо, отличное от нашего, с другими созвездиями, другим спутником»².

Может показаться, что вся абсурдность утверждений гуру проистекает из его тренинга, суть которого для ученика и состоит лишь в безоговорочном подчинении. И все же то, что Луна присутствует в этих утверждениях, действительно приводит нас к определенным положениям европейской мистики и, более того, к вполне конкретной стране — Австрии.

Разговор идет об инженере Гансе Гёрбигере и его весьма воодушевленных последователях, которые для доказательства изобретенной их лидером доктрины отправились в Латинскую Америку.

¹ *Повель Л., Бержье Ж.* Утро магов. Киев. 1994. С. 268.

² Там же. С. 268—269.

Ганс Гёрбигер родился в 1860 году. К своим идеям инженер пришел еще в ранние годы, когда наблюдал за плавкой стали: он увидел, как струя металла пролилась на покрытую снегом почву — почва взорвалась с некоторым опозданием и большой силой. Это впечатление было столь ярким, что на протяжении всей жизни его преследовало навязчивое воспоминание, а в 1912 году Гёрбигер издает книгу, названную им «Ледниковая космогония». В ней развивались идеи противостояния льда и огня, описывалась история их вечной вселенской борьбы. Здесь сформулирована и доктрина вечного льда, получившая название «Вель» — «Вельтайсрале».

Вообще теория этого австрийца проникнута идеями катастрофизма. Угроза надвигается на нас из космоса, считал Гёрбигер. Главным орудием этого апокалипсиса является Луна. Причем естественный спутник Земли якобы уже четвертый, а прежние три луны уже были причинами страшнейших испытаний для нашей планеты.

Они разрывались и падали на нее целым каскадом каменных глыб. Каждый такой катаклизм якобы уничтожал предшествующие цивилизации.

Актуальность идейной связи Гурджиева—Гёрбигера была важна для Повеля и Бержье в связи с тем, что поклонником доктрины «Вель» был не кто иной, как Адольф Гитлер.

Он говорил: «Я склонен верить учению Гёрбигера о мировом льде. Возможно, когда-то, за 10 000 лет до нашей эры, произошло столкновение с Луной. Не исключено, что Земля вынудила тогда Луну вращаться на ее теперешней орбите. Возможно, наша Земля забрала у Луны ее атмосферу и это полностью изменило условия жизни людей на Земле. Я допускаю, что здесь тогда обитали существа, которые могли жить на любой высоте и глубине, ибо атмосферное давление отсутствовало. Допускаю также, что Земля разверзлась и хлынувшая в кратеры вода вызвала страшные извержения и потоки дождей. Спаслись только двое людей, так как они укрылись высоко в горах в пещере. Я полагаю, ответ на эти вопросы будет дан только тогда, когда человек интуитивно почувствует внутреннюю взаимосвязь и тем самым проложит путь точной науке. В противном случае Древний мир, существовавший до катастрофы, будет навсегда скрыт от наших глаз»¹.

Гитлер достаточно точно пересказывает суть учения. Здесь нужно только добавить, что еще более важной темой в апокалипсисе Гёрбигера являются колоссальные цунами, которые сметали цивилизации после очередного падения Луны, таким образом, признавались три всемирных потопа и неизбежный четвертый.

¹ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 66.

Странные апокалиптические идеи Гёрбигера вдохновили самых разнообразных исследователей на поиски материальных подтверждений его правоты.

Одним из первых стал как раз австрийский подданный археолог Артур Познанский. Он приехал в Боливию в 1911 году и принялся за работу немедленно.

Главные исследования и раскопки проводились в древнем городе Тиауанако на берегу озера Титикака. Почему именно этот пункт был выбран в качестве точки опоры? Ответ на этот вопрос дают все те же Повель и Бержье:

«Тиауанако был одним из пяти больших городов морской цивилизации конца третичной эпохи, построенных великанами, руководителями людей. Последователи Гёрбигера находят там остатки большого порта с огромными молами, откуда атланты — ибо речь, несомненно, идет об Атлантиде — отправлялись на своих усовершенствованных кораблях в кругосветное путешествие по кольцу океанов, направляясь в четыре других крупных центра: Новую Гвинею, Мексику, Абиссинию и Тибет. Таким образом, эта цивилизация была распространена по всему земному шару, что объясняет сходство между дошедшими до нас самыми древними преданиями человечества»¹.

¹ Повель Л., Бержье Ж. Утро магов. Киев, 1994. С. 274.

Надо сказать, что, несмотря на откровенно мистические предпосылки для своего поиска, Познанский сделал ряд открытий из области реальной науки и стал весьма авторитетным преподавателем в университете Ла-Паса. Исследователь утверждал, что реальный возраст этого города на берегу озера 17 тысяч лет, и таким образом, он является самым древним городом на земле. Книга, которую Познанский выпустил уже в 1914 году на материале своих исследований, имела красноречивое название «Одна доисторическая метрополия в Южной Америке». Он переиздавал ее несколько раз, и в 1945-м она вышла на английском языке. В этот раз она именовалась «Тиауанако — колыбель американского человечества».

Отсылки к имени Гёрбигера встречаем уже в предисловии к этому британскому изданию:

«По мнению Познанского, геологическое развитие Земли, особенно в Западном полушарии, происходило под воздействием космических факторов, приводивших к подъему горных хребтов, понижению уровня моря и остыванию полярных регионов. Такая концепция не является совершенно новой и поддерживалась другими исследователями (Биденкаппом, Гёрбигером, Людендорфом и др.)».

Дальнейшие выводы Познанского полностью шли за идеями Гёрбигера. Археолог доказывал: в районе Тиауанако обитали две древние расы. Они пришли сюда буквально из Антарктиды, которая была домом для палеоандийской расы. Получалось, что атланты, убежавшие с Южного полюса

от нового этапа оледенения, разумно избрали горное плато вокруг озера. Оно могло им гарантировать безопасность не только в случае климатического катаклизма, но и при смене магнитных полюсов Земли. А это было не менее катастрофично и вызывало невероятной силы цунами, вполне сравнимое с потопом.

Вообще последователей у Гёрбигера оказалось предостаточно. И большая часть из них обосновалась в Южной Америке.

4

Перу. Ика. Улица Боливара, 170 — это адрес музея доктора Хавьера Кабреры. За фасадом красного кирпичного здания скрываются сокровища, которые, как считал их владелец, могли перевернуть наше представление об истории цивилизации. Грандиозными «фактами» должны были стать камни Ики. Но начнем все по порядку.

Индийский летописец Хуан де Санта Крус Пачакути впервые упоминает таинственные камни Ики в своем трактате еще в 1570 году. Он сообщает о своеобразных глыбах с необычными рисунками. Таковые предметы находили на протяжении нескольких веков.

Но неожиданный оборот обретает судьба камней только в середине 60-х годов XX века, когда на них обратил внимание профессор медицины Хавьер Кабрера. Он был прямым потомком одного из испанских основателей города Ика.

Профессиональный врач, он занимал пост декана университета в Лиме и одновременно работал хирургом в клинике «Госпиталь де сегурос социаль». Именно в это время с ним стали происходить странные события.

Началось все с того, что его друг, фотограф Феликс Льоса Ромеро, подарил ему камень с изображением крылатого динозавра, на котором сидел индеец и с помощью шеста управлял древней рептилией. Первоначально Кабрера использовал его как пресс-папье. И только спустя много времени он обратил внимание на то, что там изображено.

Он задал вопрос о происхождении камня фотографу, но тот ответил уклончиво и даже посоветовал не распространяться о находке, так как это небезопасно. Однако после нескольких настойчивых просьб фотограф рискнул познакомить его с грабителями древних могил. Вакеро и продали ему экземпляры, составившие костяк коллекции.

Вакеро — так называют расхитителей древних гробниц. Происхождение этого слова весьма примечательно. Вака — это место, где, по представлению индейцев, обитают духи, строго говоря — святилище. Им может стать любая точка, будь то ручей, гора, дерево, поляна. И, конечно, главными святилищами вака считались погребения, где обитали духи умерших. Если путник в дороге не совершал обряд жертвоприношения у подобных мест, его преследовали несчастья, посылаемые духами.

В качестве жертвы для вака древние обитатели закапывали священные сосуды или другую утварь. Они и оберегались вака. А кладбища охраняли сами покойники. Точнее, их астральные двойники, своеобразные демоны-хранители. Со временем тех, кто стал грабить этих могильных демонов, и стали называть «вакерос». Благодаря «вакерос» — потрошителям гробниц — доктор Кабрера и собрал свою необычную коллекцию, которая стала проклятием его жизни и даже привела к семейной драме...

На камнях доктор Кабрера обнаружил такие рисунки, которые могли полностью обескуражить тех, кто был знаком с этапами истории Америки, да и с эволюцией животных и с хирургией!

Большинство камней было привезено из окрестностей деревни Окухаке. Еще до Кабреры именно здесь были найдены погребения цивилизации Паракас, практиковавшей трепанации и удлинения черепа с целью искусственного создания медиумов и пророков.

Все камни одной породы — вулканический андезин.

В 1967 году доктор Кабрера отправляет 33 камня на экспертизу в геологическую лабораторию университета Лимы. Проведенная экспертиза указывала на то, что и патина на поверхности камней, и линии рисунков однозначно свидетельствуют о древности предметов. Этот признак указывал на то, что в погребение камни были опущены сразу же во время похорон.

Среди камней имеются на сегодняшний день даже гиганты весом до полутонны. Экспертиза имела принципиальное значение. Ведь на большей части камней изображены невероятные сюжеты, связанные с динозаврами или какими-то гигантскими рептилиями, по представлениям современной науки вымершими задолго до появления человека. Но на рисунках они подчас были соседями! На одних камнях аборигены вступали в схватку с доисторическими чудовищами, на других использовали их как домашних животных.

Среди распространенных сюжетов успехи медицины. И здесь всевозможные операции по трансплантации органов, пересадке печени и сердца, а в некоторых случаях даже мозга! Мумий со следами трепанаций нередко находили на древнем кладбище в Паракасе, расположенном неподалеку от Ики.

Кроме того, среди сюжетов имеются и весьма оригинальные. Например, совершенно неизвестные континенты. Такого рода каменные артефакты доктор Кабрера считал картами других планет.

Кроме камней, Кабрера собирал и специфические глиняные фигурки. Их сюжеты не менее экстраординарны, чем каменные.

Вообще, коллекция Кабреры приобрела скандальную известность. И принесла немало неприятностей самому владельцу. В 1975 году была проведена новая проверка подлинности, которая уже установила, что эти камни скорее всего со-

временные и, возможно, являются продуктом местного народного промысла.

Заключение распространялось на большую часть коллекции. А она уже насчитывала 12 тысяч предметов.

Но экспертиза не сломила упрямого коллекционера. Он решил пойти до конца. Кабрера ушел с кафедры медицины в университете. Он наотрез отказался продавать хотя бы одну фигурку из коллекции и даже, поскандалив, развелся с женой.

Последние годы он утверждал, что нашел путь к таинственной подземной кладовой, откуда и поступают к нему загадочные объекты. Их Кабрера считал экземплярами каменной вечной библиотеки, укрытой до срока пришельцами, эвакуировавшимися с Земли на одну из планет солнечной системы где-то в созвездии Плеяд. Укрытое хранилище будто оставлено ими уже в древности, и там якобы уже сообщается о тайнах генной инженерии.

Кабрера фанатически верил, что прежнее человечество, в частности цивилизация Наска, имело прямой контакт с этими инопланетянами...

Доктор Кабрера умер в 2001 году, продолжая считать себя жертвой заговора умолчания и козней ряда ученых. Но он никогда не сомневался что пришельцы из созвездия Плеяд или Южного Креста были здесь, в Ике, где и сейчас грабители могил — вакерос продолжают находить камни, подобные тем, что имеются в музее Кабреры.

Познанский и Кабрера не были уникальным случаем. Еще один открыватель тайны, текстологически связанный с ними, жил в Чили у подножия вулкана Ликанкабур. Его склоны всегда покрыты снегами. Тут множество гейзеров, и даже самая большая вершина Южной Америки находится здесь поблизости: это еще один вулкан — Льюльяйльяко.

Разобранные то марсианские, то лунные ландшафты (здесь есть место, названное «Лунной долиной») все время заставляют задуматься о том, на какой планете мы находимся. А визиты НЛО только усиливают это странное ощущение неуверенности.

Местная газета «El Mercurio de Calama» сообщала недавно, что над городом Сан-Педро-Де-Атакама, в котором и происходили странные события, местные жители по меньшей мере три раза видели НЛО, которые маневрировали в небе над горами.

Когда-то, еще до инков и до испанцев в Сан-Педро-Де-Атакама обитали индейцы кечуа и аймара, создавшие древнюю крепость Пукара-де-Китор. Цитадель охраняла путь к самому населенному в те годы городу пустыни Атакамы, который сегодня носит имя апостола Петра.

Сегодня считается, что возраст этого городка 2 тысячи лет. Хотя, возможно, в действительности эти улицы были свидетелями и более древних

событий, уходящих в эпохи, о которых мы можем только делать догадки.

29 апреля 1975 года в крупной немецкой газете «Bild» было опубликовано сенсационное сообщение: «В древних гробницах покойники с других звезд. Бельгийский священник раскопал в Чили мумии со странными лицами».

Далее в тексте утверждалось, что миссионер Густаво Ля Пэж, двадцать лет исследовавший древние погребения в Андах, заявляет, что им найдены останки человекоподобных существ, которые были захоронены более ста тысяч лет назад. Более того, он откровенно признался корреспонденту уже чилийской газеты: «Я считаю, что в могилах покоятся инопланетные существа. Некоторые из мумий имеют формы лица, до сих пор не встречавшиеся на земле».

Пастор вызывал у людей, знавших его, самые противоречивые чувства. Однако благодаря ему сегодня город Сан-Педро-Де-Атакама называют археологической столицей Чили. При местном музее имеется даже мемориальная комната Де Ля Пэжа.

Он начал собирать уникальную коллекцию в марте 1953 года.

Пастор переселился в Чили после двух лет, проведенных в католических миссиях в Африке, уже имея опыт миссионерской работы.

В Сан-Педро-Де-Атакама его усилия на археологическом поприще были столь активны, что уже в 1967 году началось строительство первого корпуса музея.

Ля Пэж довольно быстро приобрел невероятный международный авторитет. Он являлся почетным доктором Северного католического университета Чили и даже удостоился звания почетного гражданина этой страны.

Культура или цивилизация, найденная им, получила название «Гатчи».

Самые старые экспонаты его музея имеют почтенный возраст — 11 тысяч лет. Но сам падре утверждал, что действительный возраст некоторых его находок колеблется от 75 тысяч до 100 тысяч лет!

Несмотря на сенсационность этого утверждения, существует ряд ученых, в Чили в первую очередь, которые соглашались, что, видимо, часть найденных древних мумий и предметов действительно очень древняя. В частности, доктор Прадо, автор брошюры «Сан-Педро-Де-Атакама: там, где началась история Чили» — считает, что можно говорить о возрасте в 25—30 тысяч лет. Но даже эта «немного скромная» оценка звучит сенсационно!

Таким образом, после открытия пастора эти мумии считаются самыми древними мумиями в мире, а культура «Гатчи», возможно, самой древней цивилизацией на земле.

Сильвия Кеведо, доктор антропологии из национального музея естествознания, писала: «Знания этого загадочного народа в области анатомии были гораздо совершеннее, чем у древних египтян. Удивительно то, что древнейшие мумии изготовлены по самой прогрессивной технологии».

Но пастор считал, что рекорд времени мумификации перекрыт теми, кого он называл инопланетянами, таинственными гатчи.

Сегодня в музее города Сан-Педро-де-Атакама выставлены часть этих деформированных оригинальных черепов и другие находки, среди которых фигура из окаменевшего дерева, которую Ле Пэж окрестил «инопланетянин». Среди экспонатов музея можно встретить и фигурки из глины, которые напоминают те, что имелись и в музее Кабреры.

В круглом главном корпусе музея городка Сан-Педро-Де-Атакама находится хранилище мумий. Среди мумий, обнаруженных пастором, попадались и совершенно обнаженные. Одна из покойниц — это так называемая «Мисс Чили», ее еще называют «индейской принцессой».

Тело, несомненно, принадлежало девушке. Но оно имеет специфические черты лица, что, впрочем, и смутило пастора Густаво Ля Пэжа. Таких мумий в его коллекции было около 55. Находки были сделаны в период с 1955 по 1970 год. Часть из них была передана Северному университету в Антофагасте. Так же как и огромная коллекция странных черепов. Их было около 5068!

До последних своих дней пастор настаивал: «Мне не поверят, если я расскажу, что я еще нашел в захоронениях. Я не хочу говорить об этом, чтобы не тревожить мировую общественность».

За полтора года до своей кончины пастор вновь выступил в прессе. Теперь он откровенно заявлял: в глубоких гротах под землей им сделаны

невероятные находки. Это тела и фигурки, чей возраст значительно превышает 100 000 лет.

Те, кто знал отца Де Ля Пэжа, считают, что он все же оставил часть коллекции в личном пользовании и не передал ее в собственность организованного музея. Единственная причина этого и заключалась в том, что черепа и лица таких мумий были достаточно необычными, а это могло посеять массу вопросов. Поэтому пастор и скрýл наиболее откровенные тела, имевшие, как он говорил, «инопланетные формы лица».

Это произошло незадолго до его смерти в 1980 году. Де Ля Пэж не хотел, чтобы его находки попали к научному миру слишком рано. Об этом он неустанно повторял близким к нему сотрудникам музея.

Но никаких конкретных указаний о сроках, когда они будут представлены, он не оставил.

Размышляя о специфических ритуальных центрах, расположенных неподалеку от Сан-Педро-Де-Атакама, Де Ля Пэж писал: «Эти возвышенности всегда обращены к вулкану или высокой горе. При этом вершины их были строго ориентированы на солнце в полдень или в три часа пополудни».

Пастору были ведомы тайны вулканов Атакамы. Его музей недаром располагался в окрестностях грозной горы.

Источником многих находок, по словам пастора, были пещерные гроты, где сохранились скелеты и необычные фигурки, возраст которых, по его мнению, превышал 100 тысяч лет. Важней-

шим местом находок тех таинственных мумий был так называемый ритуальный центр, находящийся на вершине вулкана Ликанкабур.

Уже многие годы ходит легенда, что в водах озера на его вершине погребена огромная золотая статуя, которую индейцы принесли в жертву одному из своих божеств.

Величественный потухший вулкан Ликанкабур находится на границе Чили и Боливии. Его высота 5868 метров. Он вздымается над пустыней Атакамой словно спина чудовищного кита или левиафана.

Именно сюда, на вершину кратера, совершил свои восхождения пастор. Это был нелегкий труд для слуги бога, однако здесь, на вершине, он и увидел тех самых существ или их останки, которые навсегда лишили его душевного равновесия.

Вообще, это нагорье называют Тибетом Южной Америки. Добраться сюда весьма проблематично, а притащить тела и вообще представляет большую проблему.

Ликанкабур переводится буквально как «Гора народа». Существует предание, что будто бы в древности здесь находился своеобразный алтарь под открытым небом, где приносились ритуальные жертвы.

В кратере вулкана располагается озеро диаметром в семьдесят метров. Оно наполнено так называемой «тяжелой водой», которую применяют для получения ядерной энергии. Озеро образовалось после затопления ледниковыми водами кратера потухшего вулкана.

Тела существ располагались здесь в специфической катакомбе, сооруженной среди вулканических пород. Католики называют такие сооружения криптами. Нужно обладать определенным предвидением будущего, чтобы сказать, что в ближайшее время — в течение 8 тысяч лет — вулкан Ликанкабур не потревожит усопших.

Здесь, на вершине вулкана, был естественный и недоступный для простых смертных холодильник. Поэтому находки пастора, по его словам, имели потрясающую сохранность.

6

Множество разных людей так или иначе попало под власть идей Гёрбигера. Возможно, для них он и был властителем дум и потому так легко мог завоевывать их души.

Сегодня мы можем согласиться: действительно, какая-то связь между идеями Гурджиева и Гёрбигера присутствует, однако это не означает, что Георгий Иванович был наставником фюрера.

Просто стартовые точки у обоих были весьма близки, и если быть объективным, то придется согласиться с Николасом Гудрик-Кларком: «Эта система мифов была развернута французским автором Иосифом Сент-Ивом Д'Альвейдером...»¹.

¹ Гудрик-Кларк Н. Окультизм и корни нацизма. СПб., 1993. С. 234.

Она питала и Алексáндра Васильевича Барченко, первого кремлевского экстрасенса, также верившего в неизбежность катастрофического потопа и увлекавшегося трудами Д'Альвейдера.

Катастрофа обладает гипнозом. А мир без катастроф — это недостижимая идиллия.

Приложение

ОХОТА ЗА ОХОТНИКОМ

Когда-то Хорхе Луис Борхес сказал, что в сражении выигрывает не тот, кто сильнее, а тот, кто сильнее хочет победить. Собственно, эта история о таком человеке. Мистичным являлось его стремление к выживанию, даже в условиях, когда для этого, казалось бы, не было никаких оснований.

Против него действовали целый аппарат советских спецслужб и банда наемных убийц, да еще и в чужой стране, где процветало взяточничество. Он должен был умереть, но он этого так не хотел, что выжил. Он пережил Сталина на тридцать лет, хотя свой побег совершил тогда, когда Иосиф Виссарионович только начинал расчистку Кремля.

Исчезновение бывшего помощника Сталина Бориса Бажанова в январе 1928 года явилось самым громким провалом советских спецслужб. Это тем более удивительно, что человек, бежавший из СССР, не был профессиональным шпионом и диверсантом. В арсенале Бажанова, который он использовал в своей обороне, были толь-

ко инициатива, непредсказуемость действий, знание французского языка и документы ЦК, пригодившиеся ему только в конце бегства.

Детали этой истории до сих пор остаются загадочными. Что помогло беглецу уйти от карающего меча пролетарской диктатуры? О том, что спецслужбы сделали почти все от них зависящее, чтобы ликвидировать Бажанова, — об этом говорят документы.

1

9 августа 1923 года Оргбюро ЦК РКП (б) постановило назначить помощником секретаря ЦК И.В. Сталина товарища Бажанова с освобождением его от обязанностей секретаря Оргбюро.

Уже на следующий день через Бюро Секретариата ЦК это известие было доведено до товарищей Кнорина, Ксенофонтова и самого Бажанова.

С этого дня Борис Бажанов приступает к стенографированию заседаний Политбюро. Ему открывается закулисы коммунистического Олимпа.

В принципе карьеру Бажанова следует считать триумфальной. Борис Георгиевич родился в Могилеве в 1900 году. Восемнадцать лет спустя он окончил могилев-подольскую гимназию, вступил в РКП (б) и стал секретарем местного укома. В 1920 году он всего лишь студент МВТУ. Но через два года волей обстоятельств Бажанов попадает в Оргинструкторский отдел ЦК, откуда и начинается его взлет.

Борис Георгиевич является непосредственным свидетелем подковерной борьбы Сталина и Троцкого. Он видит не только обоюдоострые демарши двух врагов, внешне как будто бы незаметные. Но есть лица и эмоции. Есть и документы, которые составляет Бажанов.

В начале 1923 года в Политбюро оформился раскол. Против Троцкого началась яростная кампания. Его обвиняли в меньшевизме. Бюро Московского комитета партии решило выступить примирителем, настаивая на том, что разброд в Политбюро повредит готовящейся революции в Германии, куда уже прибыли советские эмиссары и военные инструкторы. Там намечалась грандиозная подрывная акция с активным участием немецких коммунистов.

В конце 1923 года на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК РКП (б) состоялась публичная схватка Сталина и Троцкого. Иосиф Виссарионович потребовал судить Льва Давыдовича. Пленум принял решение «предложить тов. Троцкому принять в дальнейшем более близкое и непосредственное участие в практической работе»¹. Эту склоку зафиксировал в сухом документе Борис Бажанов. Кроме того, множество самых секретных документов проходило через его руки. В частности, содержимое так называемых «Особых папок». В них обычно помещались сверхсекретные и наиболее преступные постановления. Такой человек, как Бажанов, был допущен к самым сокровенным

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 104. Л. 3—4.

тайнам СССР и состоял на учете в Спецотделе ОГПУ. Схватил он хотя бы одну «Особую папку» и очутись с ней где-нибудь в Лондоне, это событие потрясло бы Кремль до основания. И действительно, несколько конфиденциальных документов Бажанов с собой взял, после того как с января 1925 года ушел помощником заведующего Бюро Наркомфина. К моменту своего побега Борис Георгиевич работал управляющим делами и заведующим секретариатом ЦК Компартии Туркменистана.

2

1 января 1928 года примерно в 5 часов утра по местному времени недалеко от железнодорожной станции Люфтабад границу СССР и Персии пересекли два человека, вооруженные охотничьими карабинами. Они направлялись в глубь персидской территории. Им повезло — их не заметил ни один советский пограничник. Причина безмятежности бойцов была понятна — они отмечали Новый год и находились в состоянии тяжелейшего алкогольного опьянения. Но как только стражи границы протрезвели, их взбудоражило фантастическое известие, полученное шифровкой, — в Персию бежал бывший помощник секретаря ЦИК И.В. Сталина, бывший секретарь Политбюро Борис Бажанов, последнее время занимавший должность управляющего делами ЦК КП (б) Туркменистана. С ним ушел и приставленный его охранять сотрудник ОГПУ Аркадий Мак-

симов, двоюродный брат известного советского агента Якова Блюмкина. Во время Гражданской войны он служил начальником хозяйственной части кавалерийского полка и был исключен из партии за хищения. Однако благодаря протекции Блюмкина в 1925 году его зачислили секретным сотрудником ОГПУ. Вообще участие Максимова в этой охоте выглядело не менее интригующе.

Накануне Нового года Бажанов и Максимов встречались с начальником Люфтабадской заставы и предупреждали его о своем желании поохотиться недалеко от пограничной полосы утром 1 января. Предложение красного командира отпраздновать с ним новый, 1928 год Бажанов отклонил. Спустя несколько дней после этой «охоты» все советские спецслужбы в соседней Персии лихорадочно занимались поиском охотников, выполняя личное распоряжение Сталина.

«Первые сведения о бегстве 1 января Бажанова и Максимова в Персию мы получили только 6 января, когда они уже отправлялись из Махмед-Абада через Кучан в Мешхед. Соседи¹ предложили решить вопрос в ликвидационном порядке, но, к сожалению, не сумели этого проделать»², — сообщал генеральный консул СССР в провинции Хоросан, совмещавший первую работу со службой в ОГПУ. Весь потенциал всех советских спецслужб работал на ликвидацию. Общие усилия Разведупра и ОГПУ координировались консульством.

¹ Соседи — Разведывательное управление Красной армии.

² РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1345. Л. 10.

Чекисты предполагали устроить засаду на дороге, проходившей через Кучан в Мешхед. Это была трасса, которой в основном пользовались зимой, когда перевал Кухи-Назар был завален снегом. Убийцы уже считали ликвидацию делом решенным и точно знали, где они покончат с этой историей. Однако ликвидаторы напрасно потратили время. Бажанов и Максимов отправились в Кучан именно через горы. Этот путь им посоветовал Пасбан — шеф полиции города Махмед-Абада. Маршрут был опасным. Но если их шансы погибнуть под снежной лавиной на перевале Кухи-Назар составляли процентов пятьдесят, то пуля на объездном шоссе в Кучан настигла бы их на все сто. Впрочем, в Мешхеде, куда они стремились, находилась самая разветвленная сеть советской резидентуры в Персии, имевшая в своем распоряжении 35 секретных агентов. Они работали в самых ключевых точках.

Перейдя горы, Бажанов и Максимов очутились в Кучане. Отсюда до Мешхеда ходил автобус. Как только они уселись в машине, появился и торговый представитель СССР в Баджгиране Алексей Пашаев с убийцей-курдом, который должен был ликвидировать обоих беглецов. Однако Бажанову и Максиму удалось занять выгодные задние места, а их преследователи вынуждены были сидеть к ним спиной.

«Виноват во всем был Каруцкий¹, который

¹ Каруцкий Василий Абрамович. С 1 декабря 1924 года по 23 июля 1929 года председатель ГПУ Туркменской СССР, начальник особого отдела 1-й дивизии.

слишком поздно меня известил, — оправдывался позднее Алексей Пашаев. — Дальше я спешно поехал в Кучан и приехал как раз в тот момент, когда Бажанов и Максимов садились в машину ехать в Мешхед. Посредством наших ребят я тоже устроился в одном с ними автомобиле, надеясь предпринять что-либо в пути. Но, к сожалению, ничего нельзя было сделать. Охранявшие их солдаты не отходили от них ни на шаг. Так мы приехали в Мешхед»¹.

Пашаев, конечно же, врал. Единственным «солдатом», сопровождавшим беглецов, был проводник-перс, который также ехал в автобусе. Кроме того, недалеко от Мешхеда автобус был задержан встречной машиной. В ней находился резидент ОГПУ в Хоросане Лагорский, он же Осипов. Пашаев вышел к нему из автобуса, и они долго что-то обсуждали у обочины дороги. Затем оба протиснулись в машину и вместе с беглецами проследовали в Мешхед.

Последующее свое бездействие сотрудники ОГПУ объясняли полной уверенностью в том, что у перебежчиков есть оружие. До Мешхеда беглецы и преследователи находились в напряжении, ожидая друг от друга любых сюрпризов, как минимум обоюдной стрельбы в салоне. Однако все остались живы и благополучно добрались до города.

Постепенно ситуация с Бажановым приобретала скандальный характер. Москва уполномочила высокопоставленного чекиста Георгия Агабекова

¹ Агабеков Г.С. ЧК за работой. М., 1992. С. 162.

проконтролировать развитие событий по линии ОГПУ, так как беглец был посвящен во многие тайны Политбюро и мог прихватить с собой секретные документы. Это предположение оказалось верным. А телеграфные аппараты в советском консульстве в Мешхеде уже раскалялись от многочисленных депеш с инструкциями.

«Строго секретно. Ташкент. 9 января 1928 года.

Первого января из Ашхабада скрылся в Персию Бажанов, управделами ЦК КП (б) Туркменистана. Настоятельно требуется принятие всех мер, чтобы убедить персов возвратить Бажанова в Ашхабад как крупного уголовного преступника. Он обвиняется в зверском, бандитском убийстве женщины, совершенном в Ташкенте. В случае отказа выдать этого преступника предложите администрации обмен Бажанова на одного из скрывающихся в Средней Азии персидских подданных, в получении которого заинтересованы власти Хоросана. Если для разрешения вопроса необходимо выделить администрации подарки, то обещайте таковые в сумме до 3 тысяч рублей золотом.

Заключение следователя тов. Дубсону¹ высылается. Это нужно, чтобы он мог развернуть всю картину убийства, устроенную Бажановым. Уполномоченный в Узбекистане А. Знаменский»².

¹ Дубсон Аркадий Борисович. Советский консул и сотрудник ОГПУ. Р. 1895 г., расстрелян 22 августа 1938 г.

² Знаменский Андрей Алексеевич (1886—1943). Член партии с 1905 г., участник Гражданской войны, с августа 1920 г. член Дальбюро ЦК РКП (б), с мая 1922-го начальник Главупра РККВФ, затем на дипломатической работе.

Первой достопримечательностью Мешхеда считалась древняя мечеть имама Резы, где покоились останки мусульманского святого. Второй — гостиница «Доганов», располагавшаяся на улице Арк, где и остановился автобус с беглецами. Они тут же обратились к портье, сняли номер и несколько минут нервно прождали, пока в апартаментах произойдет уборка. В это время расторопный лакей предложил им «чашку освежающего кофе». Но как только Борис Бажанов поднес чашку к губам, то почувствовал резкий запах горького миндаля — запах, характерный для цианистого калия. В номере беглецов ожидал новый сюрприз — задвижка на внутренней стороне двери была кем-то снята. Других свободных номеров в гостинице не было. Все они по странному стечению обстоятельств были забронированы. Бажанов и Максимов решили забаррикадировать дверь и продержаться до утра.

Через некоторое время постояльцам предложили ужин. Но они от него благоразумно отказались. Ночью к ним на балкон проник сотрудник гостиницы (советский агент Колтухчев), вооруженный револьвером. Однако к вечеру местная полиция уже взяла под свою опеку двух перебежчиков, и огэпэушник, попав в засаду, был арестован с оружием в руках. Его действия направлялись советским консулом в Мешхеде Аркадием Борисовичем Дубсоном, по совместительству сотрудником ОГПУ.

Учитывая опасность, которой постоянно подвергались беглецы в гостинице «Доганов», пер-

сидская администрация решила перевести их в полицейский участок, служивший одновременно тюрьмой. Это породило слухи, что русские перебежчики арестованы. Но только в этом здании им могла быть обеспечена надежная охрана. Агенты ОГПУ после переезда беглецов каждый день маячили под окнами полицейского участка.

Тем временем советский консул продолжал активно действовать. 14 января он телеграфировал представителю НКВД в Узбекистане Знаменскому следующее: «Пока удалось получить от властей обещание задержать бежавшего и держать его в Мешхеде под арестом для получения от вас материалов. Телеграфируйте краткое содержание обвинения и фамилию пострадавшей. Досье прошу срочно выслать в Ашхабад, куда направляю дип-курьера. Если нужно сделать подарки, то сумма потребуется не менее 3 тысяч туманов»¹.

В тот же день товарищ Знаменский переадресовал сообщение председателю Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) товарищу Зеленскому с дополнительной припиской: «В силу настоящей телеграммы прошу: 1) дать материалы по обвинению Бажанова, указав точнее состав преступления, фамилию убитой, время и место, где оно произошло; 2) подтвердить нашему консулу в Мешхеде, что он может потратить на подарки — при условии абсолютной уверенности в передаче нам Бажанова — до трех тысяч туманов»².

¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1345. Л. 4.

² Там же.

Таким образом, сумма взятки за голову Бажанова с 3 тысяч рублей в начале преследования возросла до 3 тысяч туманов (или 6 тысяч рублей) во время мешхедской эпопеи.

Уже на следующее утро в Мешхед летела ответная шифровка: «Жертва преступления Мария Морщинова убита Бажановым еще в сентябре, но дело полностью было раскрыто только в конце ноября. Указанную девушку, знакомую Бажанова еще по Москве, он увлек в Ташкент обещанием устроить здесь на работу и предоставить ей возможность учиться. Убийство явилось результатом личного разрыва и боязнью Бажанова, что Морщинова раскроет его уголовные дела, произведенные ранее в Москве. Постановление следователя о вызове Бажанова в Ташкент было отправлено через ЦК КП (б) Туркменистана в Ашхабад, Бажанов, как управдел, первым ознакомился с этим и, опасаясь ареста и суда, скрылся в Персию. Сегодня вам посылается следственное определение по этому убийству, совершенному в гнуснейшей обстановке Бажановым. Для подарков можете распорядиться суммой в размере, вами указанной»¹.

Советские власти старались с помощью дезинформации вернуть Бажанова в СССР. В шифровке была описана какая-то фантастическая, с точки зрения здравого смысла, картина, но нелогичность созданной легенды не смущала руководителей операции. Консул в Мешхеде развернул атаку

¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1345. Л. 5.

на местные инстанции, резонно рассчитывая на взяточничество, процветавшее в Персии. Кроме того, против Бажанова работала вся мешхедская резидентура, а исчерпывающая информация о положении перебежчиков скапливалась у резидента Лагорского. Агенты ОГПУ считали, что они должны были поймать Бажанова.

23 января советский консул отчитывался уполномоченному НКВД: «Получивши вашу телеграмму, я немедленно поставил вопрос в официальном порядке перед местной администрацией и одновременно передал о происшедшем тов. Давтяну¹.

Бажанов еще в Махмед-Абаде сообщил, что он является ответственным политическим работником и едет во Францию; от всяких показаний там отказался, заявляя, что говорить будет только с генгубом². В Мешхеде он виделся с генгубом и амиром, на которых, по-видимому, произвел «должное» впечатление. Я в беседе с генгубом поставил вопрос о выдаче Бажанова как уголовного преступника, убившего в Ташкенте женщину (согласно вашей версии). К сожалению, вы не сообщили никаких подробностей, и этим наша позиция затрудняется. Пока добился у генгуба обещания задержать Бажанова и Максимова в Мешхеде до получения от вас обвинительного материала и содержания их под строгим арестом. В нужный момент попытаюсь использовать ваши предложе-

¹ Давтян Яков Христофорович — советский полпред в Тегеране (1927—1930).

² Генгуб — генерал-губернатор.

ния об обмене и «подарках». В случае необходимости последних сумма должна быть увеличена до 3000 туманов.

Завтра посылаем машину с дипкурьером и надемся обратной почтой получить ваши материалы. Сделаем все, что в наших силах, чтобы добиться положительного для нас разрешения вопроса в Мешхеде, хотя это в настоящее время чрезвычайно трудно»¹.

Консул действительно прилагал неимоверные усилия. В беседе с персидскими чиновниками он утверждал, что перебежчик похитил огромную сумму денег. По инициативе советского дипломата персидская полиция обыскала Бажанова и обнаружила у него 1200 советских рублей — зарплату за два месяца его работы в должности управделами ЦК КП (б) Туркменистана. Эта сумма равнялась по тем временам 600 персидским туманам или 7200 американским долларам. Впрочем, крупные деньги не могли ни подтвердить, ни развеять подозрений. Главным был тот факт, что персидская полиция впервые пошла навстречу консульству СССР. И Бажанову в ближайшие дни оставалось ждать худшего. Тем более что ему стало известно о желании местного генерал-губернатора отправить беглецов в Тегеран. Это могло означать для перебежчика только одно — смертный приговор. Наверняка на дороге в персидскую столицу появилась бы засада ОГПУ. Она действительно планировалась. Давление из Москвы поро-

¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1345. Л. 10—11.

ждало нервотрепку у огэпэушников. От них требовали убийства любым способом.

Пытаясь перехватить инициативу, Бажанов направил губернатору послание, в котором сообщал, что в окружении шаха Персии находится советский секретный агент — министр двора Теймурташ. Губернатор на сигнал не прореагировал. Возможно, что послание Бажанова попало в руки самого Теймурташа. Однако, когда через несколько дней в Мешхед прибыл командующий Хорасанским военным округом генерал Шахзад Аманулла Мирза, информации о шпионе в шахском дворце был дан ход — Теймурташа схватили и казнили.

18 февраля генерал-губернатор Мешхеда проинформировал английского атташе о том, что направляет Бажанова и Максимова, вероятно, по их настоянию, в Дуздап, город на границе Персии и британской Индии.

22 февраля представитель НКВД в Узбекистане послал в Мешхед отчаянную телеграмму: «Имеется известие о скором выезде Бажанова из Мешхеда в Дуздап. Это значит — он безнадежно от вас ускользает. Если нельзя Бажанова получить легальным путем, то необходимо захватить либо устранить специальными средствами. Уход его в сторону Индии покажет наше полное бессилие и слабость всех ваших связей — официальных и неофициальных. Очень просим принять решительно все меры и способы, чтобы ликвидировать это дело. Отпуск денег в прошенном вами разме-

ре обеспечен: если нет в консульстве, можем перевести немедленно»¹.

В тот же день информация о Бажанове и Максимове была отправлена в персидский МИД и в Дели британским генеральным консулом в Мешхеде. Ее текст звучал решительно: «двое русских», арестованных в Мешхеде, куда они прибыли из Туркестана, уже более двух месяцев содержатся в тюрьме. Пока нам не удалось установить их подлинные имена. Они заявляют, что принадлежат к партии Троцкого и хотели бы проследовать в Европу. Вначале местный генерал-губернатор намеревался отправить их в Тегеран, но 18-го числа он неожиданно информировал нашего атташе, что направляет их в Дуздап, откуда они, по всей вероятности, отправятся в Индию. Хотя атташе сообщил генерал-губернатору, что в Дуздапе визы на въезд в Индию не могут быть выданы без санкций британского консула в Мешхеде, губернатор игнорировал это обстоятельство и отправил русских под охраной в Дуздап 20-го числа»².

Англичане еще не понимали, что за человек Бажанов, и были увлечены лишь бюрократическими формальностями, связанными с беглецами, и выяснением их кредитоспособности. Британские спецслужбы в этой глухомани действовали крайне пассивно. Они явно не оценили, что за птиц отправляет в Дуздап персидский губернатор. Возможно, пассивная позиция британского воен-

¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1345. Л. 12.

² «Иностранная литература», 1990, № 6. С. 230.

ного атташе майора Уайлера, мешхедского резидента, объяснялась и тем обстоятельством, что вся его агентура состояла из сотрудников начальника Туркменского ГПУ Василия Каруцкого, которому удалось с помощью направленной дезинформации парализовать действия английского разведчика, способного помочь беглецам.

25 февраля Дубсон послал Знаменскому неприятную телеграмму: «Бажанов и Максимов 20 февраля отправлены из Мешхеда в Дуздап в сопровождении сильной охраны. При создавшихся условиях мы бессильны что-либо предпринять для выполнения вашего поручения»¹.

Но последний акт погони еще не состоялся. Он произошел в Дуздапе. Здесь беглецы потратили шесть дней, чтобы наконец встретиться с английским вице-консулом капитаном Махонном. Переговорив с ними, он направил в Нью-Дели отчет, в котором сообщил, что русские обладают действительно важными секретами. Эту информацию они смогут сообщить, только находясь в полной безопасности на территории британской Индии. В заключение своего послания капитан спрашивал, можно ли им разрешить отправиться в Кветту.

Фантастика, но ответ, полученный от английской администрации Индии, был отрицательным! Чиновники в Нью-Дели почему-то не хотели пускать беглецов в пределы британской территории и выражали свое сомнение относительно того,

¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1345. Л. 13.

что те действительно обладают серьезной информацией, полезной правительству Его Величества. У отказа могло быть три причины. Первая, самая банальная — некомпетентность бюрократов. Вторая — осторожность властей могла быть связана и с тем, что железная дорога Дуздап — Кветта представляла стратегическое значение. Она располагалась в пункте соединения границ Персии, Афганистана и британской Индии и в случае начала крупномасштабных военных действий или вооруженного похода СССР через территории соседних государств могла стать важным механизмом отражения красной агрессии. И кто мог дать гарантии, что беглецы — не советские шпионы, приехавшие затем, чтобы зарисовывать блокгаузы и укрепления крепости Кветта?

Третья — возможно, движение Бажанова к спасению блокировал законспирированный советский агент. Но во всех случаях отказ мог иметь для бывшего секретаря и его спутника фатальные последствия. При этом капитан Махонн не провел серьезного опроса беглецов, который мог бы убедить его начальство открыть им путь в Кветту. Ситуация складывалась самым печальным образом. Капитан Махонн был готов отправить беглецов опять в Мешхед. И только затянувшаяся переписка с правительственными агентами помешала это сделать.

Спасение пришло самым неожиданным образом. 3 апреля руку помощи Бажанову и Максимо-ву протягивает британский консул в Кайне и Сеистане Скрайн. Как только он получил первое со-

общение о беглецах, англичанин тут же выехал в Дуздап и встретил обоих в зале ожидания на местном вокзале. Личность консула Скрайна была хорошо известна органам ОГПУ по его работе в Западном Китае. Это был один из самых деятельных британских разведчиков на Востоке. В 1924 году ему удалось с помощью различных интриг сместить китайского губернатора в Кашгаре, который затем был казнен¹.

Скрайн приводит два разговора с Бажановым и убеждается, что перед ним неординарный советский функционер, вдобавок действительно обладающий секретными документами Политбюро, способными скомпрометировать некоторых британских политиков-либералов.

7 апреля у полустанка, где жили беглецы, появилась советская группа захвата, возглавляемая консулом СССР в Сеистане чекистом Владиславом Пляттом. С ним прибыл и тот, кому в случае провала акции предстояло убить Бажанова, — агент Осипов, он же Лагорский, резидент ОГПУ в Хоросане, который уже однажды ехал с беглецами в автобусе до Мешхеда, но так ничего и не предпринял.

Плятт начал действовать по той же схеме, как работали советские дипломаты в Мешхеде. Пока его люди вели наблюдение, он навестил местные персидские власти и попытался их подкупить. Но в это время английская разведка предприняла ре-

¹ РГВА. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1146. Л. 3 и РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 880. Л. 35—36.

шительные действия. Консул Скрайн, капитан Махонн и майор Стивени смогли встретиться с Бажановым и Максимовым и предложили им ночью выехать в Кветту. Поездом это сделать было невозможно. Первый экспресс отходил на Кветту только 11 апреля. Англичанам помог местный персидский купец, предоставивший разведчикам свой автомобиль, единственный в городе.

Под покровом ночи они смогли незамеченными обойти пограничные и таможенные посты, а утром автомобиль доставил их в оазис Кача уже на территории британской Индии.

Тем же утром Плятт и Осипов обнаружили пропажу беглецов. Они безуспешно рыскали по городу. Их миссия была провалена, а приказ не выполнен. В 1937 году им все это припомнят.

3

Жизнь советского перебежчика Бориса Бажанова на Западе в целом прошла спокойно. В 30-е годы он активно сотрудничал с польским Генеральным штабом. 12 января 1937 года он сделал специальный обзор для Экспозитуры, польской разведки, по ее вопросу: «Можно ли говорить о влиянии РККА на советское правительство?»

«1. На вопрос, поставленный в заголовке, следует дать положительный ответ. Да, несомненно, влияние РККА на советское правительство налицо, в последние три года оно все усиливается. «Советское правительство» — термин довольно неясный. Чтобы не было недоразумений, скажем

прямо: вся власть в СССР принадлежит сейчас лично Сталину и отдельные, более или менее видные советские и партийные учреждения только помогают ему ее осуществлять.

2. Сталинская власть осуществляется по двум линиям. Первая — укрепление его личного влияния и произвола. Здесь на него никто не может влиять, и ко всему, что относится к этому больному вопросу, Сталин относится необычайно ревниво и подозрительно. Вторая линия — проведение какой-то политики и в партии, и в Коминтерне, и в стране, и в экономике.

Очень интересно отдать себе отчет в том, каков именно механизм влияния военных. Надо сказать, что благодаря особому положению военного ведомства, которое формально не имеет таких прав, как партийные и советские учреждения, а с другой стороны, представляющее строго дисциплинированный и иерархический организм, влияние военных осуществляется очень своеобразными путями.

Самый главный — это влияние, которое имеет Ворошилов, напичканный и набитый всякими заключениями и уговорами своих помощников и крупных работников военного ведомства, прямо на Сталина и на других членов Политбюро при обсуждении всех важнейших политических и экономических вопросов...»¹.

Документы польской разведки — Экспозитуры — целиком попали в руки советских спец-

¹ ЦХИДК. Ф. 453. Оп. 1. Д. 54. Л. 25.

служб в сентябре 1939 года. Но полноценное их изучение началось только после войны в так называемом Центральном особом архиве, где находились трофеи. Органы МГБ, обнаружив материалы Бажанова, по распоряжению Берии возобновили охоту за бывшим секретарем, но безрезультатно.

Вообще все советские участники охоты на охотников не дожили до старости.

Георгий Агабеков сам бежал на Запад в 1930 году. В 1937 году его заманили на явочную квартиру в Париже. Его убийство было совершено бывшим офицером турецкой армии и сотрудником НКВД Коротковым. Максимов, бежавший с Бажановым, в 1935 году бросился с Эйфелевой башни. Дубсон репрессирован и расстрелян 22 августа 1938 года на спецобъекте НКВД «Коммунарка». Каруцкий покончил жизнь самоубийством тогда же. Берия тоже попал под расстрел...

А Бажанов спокойно умер в Париже в 1982 году.

Оглавление

Предисловие. Первый гуру	5
--------------------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. В поисках истины	15
Глава 2. Мистический брат	35
Глава 3. Князь Любовецкий	48
Глава 4. Абрам Елов	71
Глава 5. Легенда о Сталине	81
Глава 6. Дервиши и кафиры	88
Глава 7. Привратники Шамбалы	111
Глава 8. Возвращение в революцию?	128
Глава 9. Москва	140
Глава 10. Общество искателей истины	151
Глава 11. Шандаровский и ЕТС	178
Глава 12. Продолжение легенды. Боевой 19-й	188
Глава 13. Еким-бей	202
Глава 14. Апостолы ЕТБ и черная религия бон	210
Глава 15. Возвращение отменяется	234

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1. Легенда о тибетском «Черном легионе»	255
Глава 2. НЛО: охота на Черчилля	276
Глава 3. Ультима Туле, или Страна Декарта	298
Глава 4. Лунный след	311
Приложение. Охота за охотником	330

Олег Шишкин
СУМЕРКИ МАГОВ.
ГЕОРГИЙ ГУРДЖИЕВ И ДРУГИЕ

Редактор А. Жуков
Художественный редактор С. Груздев
Технический редактор В. Кулагина
Компьютерная верстка Г. Ражикова
Корректор Н. Хотинский

ЛР № 065715 от 05.03.1998. ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.
Для корреспонденции:
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, 18, к. 5.
Тел.: (095) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

***По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.***

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16.
Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 932-74-71.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

***Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:***

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12
(м. «Сухареvская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать с готовых диапозитивов 27.09.2005.
Формат 84x108/32. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 18,48. Тираж 4000 экз.
Зак. № 4502676.

Отпечатано с готовых монтажей
на ФГУИПП «Нижполиграф».
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Олег
Шишкин

СУМЕРКИ МАГОВ

ГЕОРГИЙ ГУРДЖИЕВ
И ДРУГИЕ

Жизнь и судьба Георгия Гурджиева окружена ореолом таинственности и фантастическими легендами. Порой кажется, что даже сама такая судьба невозможна...

О неизвестных страницах биографии Гурджиева, о поисках загадочной Шамбалы, о тайных мистических сектах Востока и Запада и об их связях с крупнейшими политиками XX века, об участии мистиков и оккультистов в «играх» советской и германской спецслужб новая книга известного историка Олега Шишкина.

ISBN 5-699-12864-6

9 785699 128648 >

ГЕНИИ И ЗЛОДЕИ